

У Виктора Астафьева,
на Енисее

Академик
Б. В. Раушенбах:
алгебра и гармония

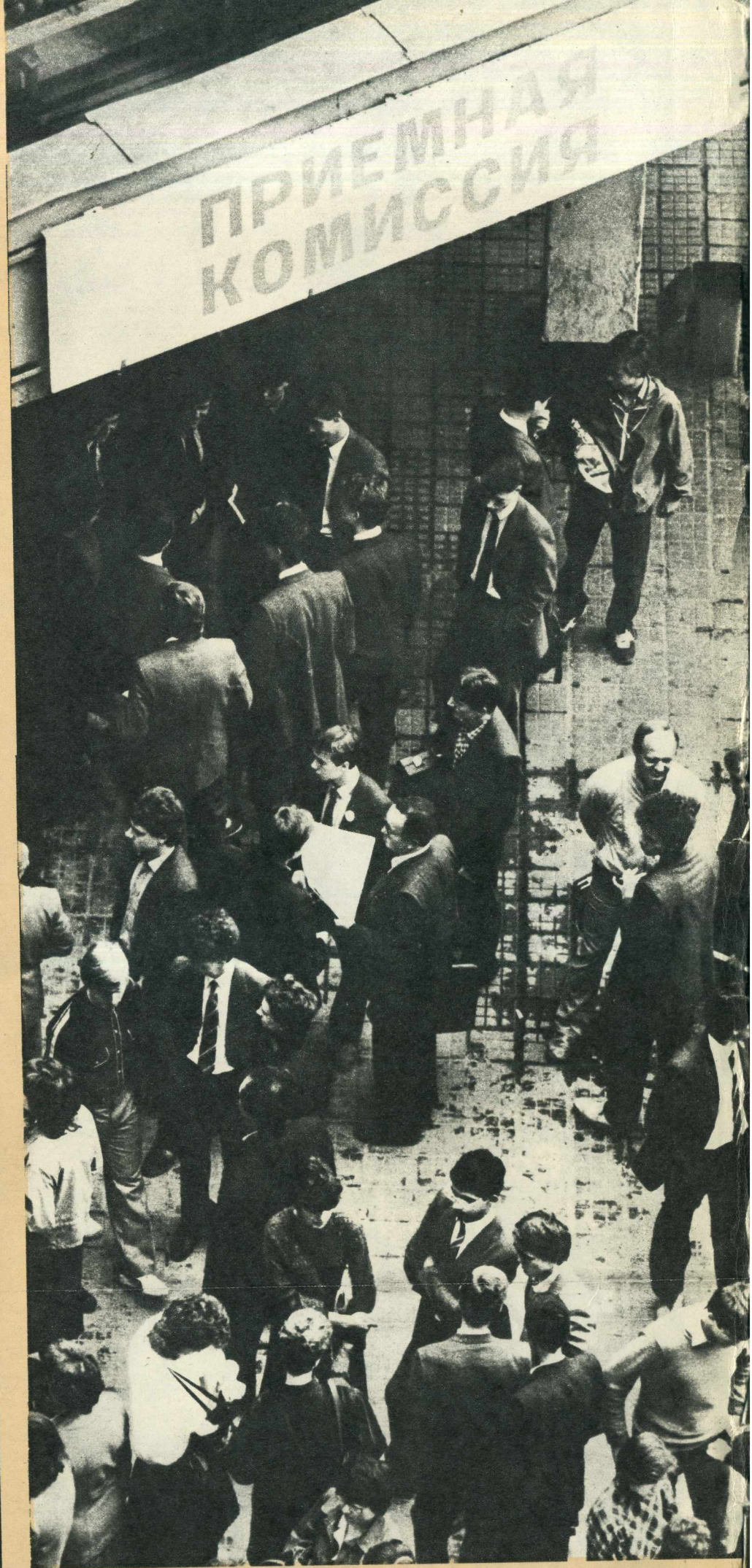

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 31 АВГУСТ 1986

*ЭКЗАМЕНЫ,
ЭКЗАМЕНЫ...*

Семнадцать, двадцать лет жизни позади. Но «век живи — век учись». Впереди — приемные экзамены. Две недели напряжения мысли, строгой оценки знаний, волнений. Этот фоторепортаж мы сделали в Московском институте стали и сплавов.

Фото А. ВИКТОРОВА, И. ФЛИСА

ЭКЗАМЕНЫ

ЭКЗАМЕНЫ...

Рассказ о судьбе
еще одного —
двенадцатилетнего —
абитуриента
читайте
на стр. 6—8.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

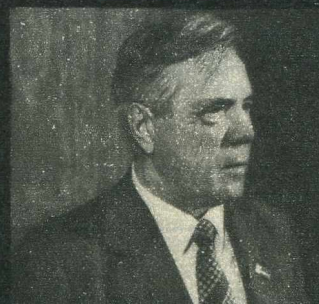
№ 31 (3080)

2—9 АВГУСТА

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986

В НОМЕРЕ:

О честности в литературе, об отношении писателя к миру, в котором он живет, о самом сокровенном и ранимом, что есть у человека, делится мыслями в интервью с нашим корреспондентом автор «Царь-рыбы», «Последнего поклона», «Печального детектива» Виктор Петрович АСТАФЬЕВ. Стр. 9—11.

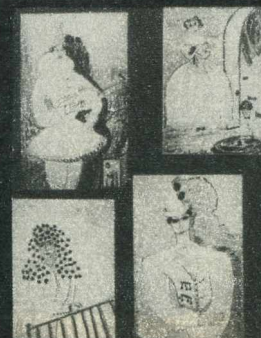
«ОБРАЗ И ФОРМУЛА» — очерк А. ЛЕВИКОВА об известном советском ученом академике Б. В. РАУШЕНБАХЕ, авторе фундаментальных работ по управлению космическими аппаратами и книг о живописи. Стр. 14—16.

Бывшие нацистские преступники живут на свободе и безбедно под защитой западногерманской юстиции. Статья Т. ЕМЕЛЬЯНОВА «РАСПЯТАЯ ФЕМИДА». Стр. 26, 27.

«ПОХОРОНЫ ЙОДРИКИСА» — рассказ латышского писателя Алберта БЭЛА. Стр. 18, 19.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ выдающегося испанского поэта и драматурга Федерико Гарсиа ЛОРКИ. Стр. 25, 26.

событие недели

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев побывал у тружеников Советского Приморья. Михаил Сергеевич беседовал с рабочими, инженерами, учеными, моряками. Побывал на плавбазе «Дальний Восток», посетил Восточный порт в Находке, фирменный владивостокский торговый комплекс «Дары моря», встретился с пионерами Всесоюзного пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Океан», принял участие в торжествах в честь Дня Военно-Морского Флота.

На торжественном собрании представителей партийных, советских, общественных организаций, трудовых коллективов Владивостока Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев вручил городу высокую награду Родины — орден Ленина и выступил с речью.

«У Советского Дальнего Востока — незабываемое прошлое, и, я уверен, славное будущее. Это край колоссальных природных богатств, огромных социальных и экономических возможностей, большой международной перспективы».

Из речи М. С. ГОРБАЧЕВА

Во время посещения Восточного порта.

1.

**ВЛАДИВОСТОК
СЕГОДНЯ**

М. С. Горбачев прикрепляет орден Ленина к знамени Владивостока. Телефото Ю. ЛИЗУНОВА, А. ЧУМИЧЕВА (ТАСС)

2.

1.

Город нашенский.

2.

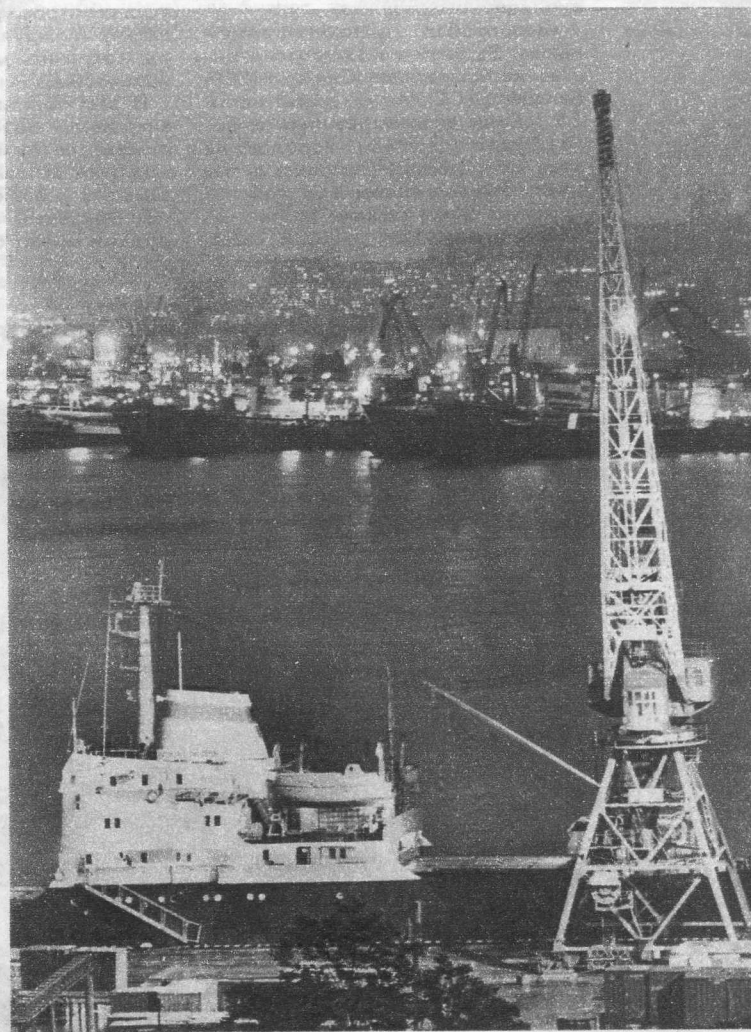
«Дальзавод». Ремонтники: А. Никонов, В. Иванов, В. Герасименко (бригадир) и С. Тупикин.

3.

Бухта Золотой Рог.

Фото В. ПАРАДНИ

3.

ВЕЛОПРОБЕГ МИРА ЗАВЕРШИЛСЯ

На шоссе номер 95 я заметил в крайнем правом ряду белую небольшую «хонду-сивик». Весь багажник и задний бампер машины были увешаны разноцветными наклейками. Их было не менее двух десятков. «Пусть ядерные ракеты ржавеют в мире» — гласил один из них. Другой провозглашал: «Мир мне, мир тебе», третий решительно говорил: «Нет ядерным испытаниям». «Если ты против «звездных войн», — призывал четвертый, — посигналь».

Часа через три я снова встретился с «хондой-сивик», но уже в 120 километрах от Нью-Йорка, куда приехал для встречи участников «Велопробега мира-86». Интернациональная колонна велосипедистов уже покинула студенческий городок и в сопровождении полиции и активистов антивоенного движения взяла курс на Нью-Йорк. Из «хонды» вылез молодой мужчина с крупными чертами лица, в шортах и голубой майке с перечеркнутой накрест черной краской атомной бомбой на груди. «Не повезло, видимо, опоздали», — сказал он нам, как бы оправдываясь. — Сначала колесо, а затем проскочили поворот... Ну ничего, наверстаем в Нью-Йорке». Мне захотелось познакомиться с владельцами малолитражки. Ими оказались Питер и Флоренс Крейгер из Питтсбурга. Он преподаватель, она художница. Оба активисты Движения за замораживание ядерного оружия.

«Велопробег мира-86» завершился. За плечами 33 велосипедистов из Советского Союза, ЧССР, Канады и США остались почти 2,5 тысячи километров пути и более трех десятков городов на двух континентах. Его цели и задачи были изложены в небольшом, но очень емком воззвании, напечатанном на русском, чеш-

ском и английском языках. Оно гласит:

«Генеральная Ассамблея ООН на своей 40-й сессии торжественно провозгласила 1986 год Международным годом мира и призвала все народы присоединиться к решительным усилиям ООН в деле защиты мира и будущего человечества. Отвечая на этот призыв, мы, представители Канады, Советского Союза, США и ЧССР, объединились для проведения международного «Велопробега мира-86» по маршруту Киев — Прага — Монреаль — Нью-Йорк, движимые совместным стремлением добиться следующих целей:

Прекратить гонку вооружений! Сохранить космос для мирных целей!

Вступить в XXI век без ядерного оружия!

Мы убеждены, что наш пробег явится вкладом в достижение целей и задач Международного года мира, и подтверждаем возможность сотрудничества людей различных стран мира во имя мира. Мы поддерживаем усилия ООН по укреплению мира и международной безопасности. Мы приветствуем конструктивные инициативы всех государств и правительств, направленные на прекращение гонки вооружений, угрожающей всему человечеству. Мы призываем политических и общественных деятелей, все правительства и народы предпринять усилия, чтобы выполнить главную задачу Международного года мира: сохранить мир и будущее человечества!»

И этот призыв не остался без внимания. Более 12 миллионов людей поставили свои подписи под этим воззванием, в том числе свыше 2 миллионов американцев. «Вы доказали, что мир между народами может быть достигнут ими

самими», — заявил губернатор штата Род-Айленд Эдвард Дипри, подписывая от имени жителей штата воззвание. — Ваш велопробег вносит ценный вклад в дело укрепления доверия между народами. Участники «Велопробега мира-86» — представители двух различных социально-экономических систем — своим совместным участием показали пример сотрудничества во имя достижения самой актуальной цели, стоящей сегодня перед человечеством, — установления прочного мира».

Этот документ вместе с подписями под ним участники миссии мира намерены передать Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру.

Везде посланцев доброй воли ждал теплый прием. Несмотря на непогоду и дождь, который преследовал велосипедистов на большей части пути, люди выходили на улицу, чтобы поприветствовать их. В основной велокараван постоянно вливались все новые группы активистов антивоенного движения. Самой маленькой участницей пробега стала двухлетняя жительница Филадельфии Дебра Доулин, которая проехала на велосипеде со своим отцом свыше 400 километров. «Я предпринял этот шаг ради дочери, ради ее будущего», — сказал мне Джон Доулин. — Недостаточно только говорить о мире, необходимо действовать. Я не могу мириться с тем, когда постоянно наращивается число ядерных ракет и подводных лодок, военных баз и бомбардировщиков, когда миллиарды долларов идут на создание космического оружия, а не на строительство школ и больниц. Горы оружия не гарантируют национальной безопасности, а, наоборот, подрывают ее. Мое участие в велопробе — это протест против безумия гонки вооружений».

Все дни пробега были насыщены встречами с политическими деятелями, представителями различных общественных организаций, простыми американцами, многие из которых впервые видели советских людей. И всегда разговор шел о том, как сделать нашу планету безопасным местом существования сотен миллионов людей различных политических взглядов и религий, живущих в странах с различными социальными системами. Спортсмены делились своими впечатлениями о встречах во время пробега, рассказывали о себе, о своих странах, о той глубокой заинтересованности, которую проявляют их народы к обузданию гонки вооружений, к достижению реального прогресса в области разоружения.

«Я присоединилась к велопробегу лишь в Бостоне, но за короткий промежуток времени поняла многое и начала ценить то, на что раньше не обращала внимания», — сказала Пегги Конелли из Гуилфорда в штате Коннектикут. — Это дружба и простое человеческое общение, это забота о ближнем тебе человеке, твоём соседе, и о том, который живет от тебя за тысячи миль. Я надеюсь, что закончившийся велопробег не будет последним. А если он повторится, то я обязательно снова приму в нем участие, но только уже с самого начала и до конца».

Игорь МАКУРИН,
корр. ТАСС для «Огонька»
Нью-Йорк.

фотофакт

по страницам зарубежной прессы

В журнале «Ньюсуик» опубликовано эссе «Вот что делает бюрократ». Написано оно в виде интервью. Уже первые его строки привлекают внимание.

Вопрос. Чем вы занимаетесь?

Ответ. Я помощник главы администрации.

В. Чем он руководит?

О. Мною.

В. Понятно. Что вы делаете на службе?

О. Все, чтобы удержаться на своем месте.

В. Что именно?

О. Говорю «нет».

В. Кому и на что?

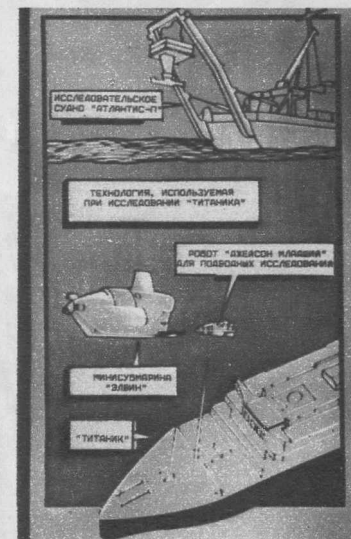
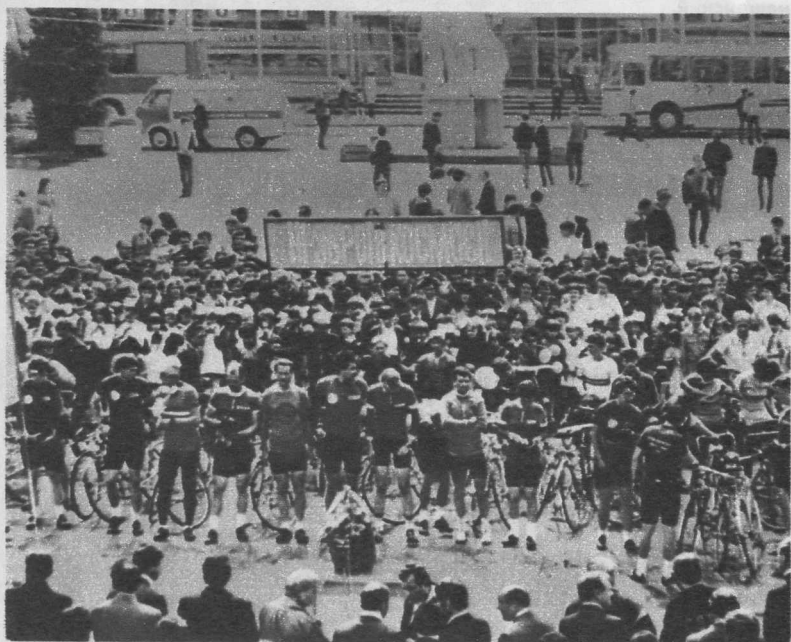
О. Всем по каждому поводу.

В. Но зачем?

О. Если скажу «да», могу потерять свое место».

Далее собеседник бюрократа интересуется, каким образом, в какой форме тот преподносит людям свое вечное «нет». Ответ:

Антивоенный митинг участников велопробега в городе Сколе Львовской области.
Фото ТАСС

ТОВАРЫ ИЗ КИТАЯ

Китайский комитет содействия развитию международной торговли при участии Всесоюзного объединения «Экспоцентр» открыл в московском парке «Сокольники» представительную и яркую торгово-экономическую выставку Китайской Народной Республики.

Столь широкий показ товаров и изделий предприятий и фирм Китая проводится у нас впервые после долгого перерыва.

— Двадцать семь министерств и торговых компаний, участвующих в выставке, придали большое значение отбору экспозиции. Они старались представить товары, обладающие потенциальными возможностями экспорта в Советский Союз, — сказал директор выставки Се Цзяньчунь.

...Станки и машины, приборы, продукция металлургии и нефтехимии, бытовая техника, прекрасные поделки народных мастеров, известный всему миру шелк, фарфор и одежда, чай... За каждым изделием — трудолюбие и талант китайского народа, мастерство, традиции. Несколько тысяч экспонатов — от известных с давности до современной электроники: таков диапазон выставки.

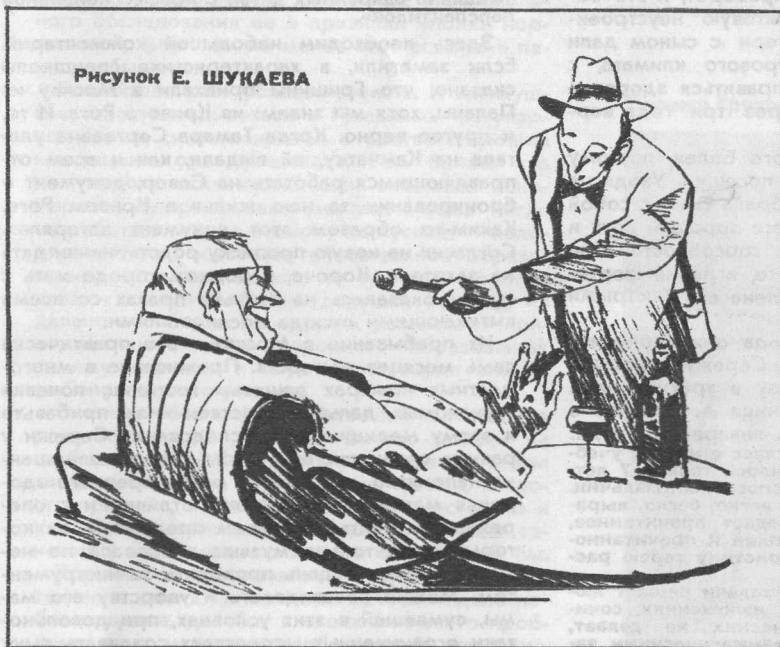
К. БАРЫКИН

Фото А. Бочинина

ПОРТРЕТ

АМЕРИКАНСКОГО БЮРОКРАТА

Рисунок Е. ШУКАЕВА

«Настоящий бюрократ никогда не употребляет слово «нет», чтобы сказать «нет». Он говорит: «Этот вопрос необходимо обдумать, согласовать...»

В. Это означает положить под сукно?

О. Конечно. Можно еще сказать: «Ваш запрос передан для решения в такой-то отдел».

В. Что означает бросить в корзину?

О. Не сразу. Пусть он постоит в папке входящих бумаг, пока не пожелтеет, потом — в корзину.

В. А можете сказать, каким образом вы думаете?

О. Мы не думаем.

В. Как так?

И тут бюрократ выдает для примера набор готовых фраз. Вместо «сейчас» он обычно говорит «на данном этапе текущего момента», вместо «думаем» — «обращаем должное внимание на...». И так далее.

На вопрос о том, почему возмущенные люди не разделяются с ним, бюрократ отвечает, что он надежно отгорожен от них своими подчиненными и к тому же удачно избегает просителей, ежедневно проводя за ленчем по три часа.

Не менее примечательны ответы на вопрос о воспитании следующего поколения. Оказывается, бюрократ весьма озабочен тем, чтобы и после него на смену пришли ему подобные. Он говорит:

«Мы посылаем наших детей в лучшие школы, где их учат уважать правила служебной иерархии, понимать разницу между вышестоящими и нижестоящими в ней, догадываться, что приятно услышать боссу... А самое важное, их учат не столько работать, сколько делать вид, что работаешь».

Читаешь все эти откровения и убеждаешься еще в одной удивительной истине. Оказывается, бюрократ уверен не только в том, что он пуп земли, но и в том, что именно от него все на земле и зависит. Его собеседник в этом сомневается и спрашивает: «А не от вас ли столько бед в мире?» «Как раз наоборот! — слышит он в ответ. — Только благодаря нам мир еще существует. Бюрократы придают ему стабильность. Всякое движение вперед опасно. Держись за бизнес, как держался вчера. И будет порядок!»

И, наконец, на вопрос, что же все-таки доставляет бюрократу наибольшее удовольствие, тот отвечает: «Право говорить «нет».

Что ж! Портрет зловещий. И, увы, с натуры. Не названо его конкретное поле деятельности. Впрочем, наверное, с умыслом не названо. Ведь он вездесущ. И всюду опасен, особенно в той сфере, где имеет право твердить свое «нет» на все предложения о разоружении и разрядке...»

Владимир НИКОЛАЕВ

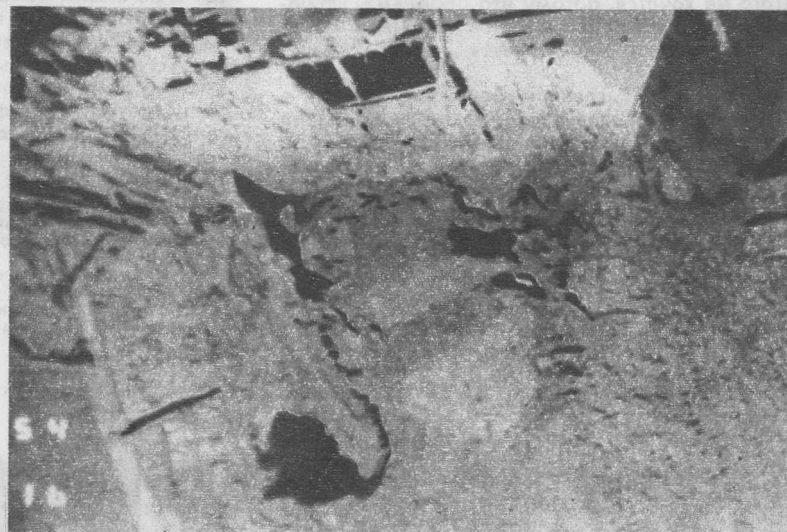
СНИМКИ С «ТИТАНИКА»

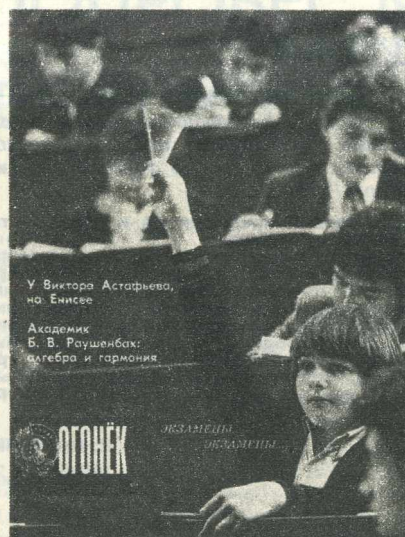
В Атлантическом океане продолжают исследовательские работы на затонувшем океанском лайнере «Титаник». Их проводит научная экспедиция, финансируемая военно-морскими силами США. Впервые за 74 года ученым с помощью современной техники удалось получить фотоснимки с борта погибшего в результате столкновения с айсбергом судна, а также одной из его кают. В состав специального оборудования, доставленного на место катастрофы исследовательским судном «Атлантис-2», входят: глубоководная миниатюрная подводная лодка «Элвин», робот «Джейсон-младший» для подводных исследований, оснащенный дистанционным управлением, и фотокамера «Энгус» для съемок в условиях плохой освещенности. Экипаж в трехместной подводной лодке «Элвин» спустился на глубину 4000 метров и доставил на палубу затонувшего судна робота «Джейсон-младший». В течение пяти часов робот обследовал четыре палубы и одну из кают. Он передал цветные снимки, сделанные с помощью «Энгуса».

Аппаратура и технологические новинки, используемые экспедицией при изучении места гибели «Титаника».

Пробоина в корпусе «Титаника» между второй и третьей палубами.

Фото ТАСС

У Виктора Астафьева,
на Енисее

Академик
Б. В. Раушенбах:
алгебра и гармония

ОГОНЕК

ОБЪЕДИНЕНИЕ

Человек, делающий свое дело лучше других, должен быть замечен в жизни; более того, должен быть в центре общественного внимания — это очевидно. А человек, который будет делать дело свое лучше всех? Его ведь надо еще заметить, угадать, выделить, а зачастую помочь, верно уловить направление и трудности роста.

Возраст, когда талантливый человек распахивает перед нами безжертвенность собственной одаренности, очень различен: Моцарт уже концертировал в четыре года, Паскаль в возрасте нынешнего пятиклассника гениально ревизовал геометрию, а Рембо как поэт практически завершил свою деятельность к возрасту, когда Уитмен лишь начал вынашивать первые поэтические замыслы. Фишер вспыхивает и угасает в молодости как шахматная звезда, а Смыслов, и перешагнув порог шестидесятилетия, выигрывает крупнейшие турниры...

Никто не знает, когда талант наиболее ярок, но каждый должен знать, что талант нуждается в защите и поддержке всегда, что именно одаренные люди возвышаются и отличаются народы, породившие их. Мы реализуем себя в труде, но талантливый труд особенно радостен и заметен. Как важно, чтобы таланты обогащали жизнь собственного народа и человечества! Мы с вами ответственны за все, что происходит рядом, и жизненная активность наша, безусловно, должна воплощаться и в нашем с вами умении заметить и поддержать человека незаурядного. Поддержать тактично, взыскательно, памятуя, что талант — национальное достояние и ему вредят как безразличие, так и безудержная хвала.

Есть о чем поразмыслить. В очерке журналиста Л. Плешакова — приглашение к такому раздумью.

Леонид ПЛЕШАКОВ

В этом году вступительные экзамены в московских вузах прошли как никогда рано. Из многотысячной армии абитуриентов, прибывших в столицу и в середине июля приступивших к конкурсным испытаниям, тринадцать тысяч пожелало учиться в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Однако лишь пять тысяч из них оказались счастливыми, которые первого сентября войдут в университетские аудитории уже студентами.

...Сергея Гришин подал документы на физический факультет МГУ. В аттестате, выданном ему средней школой № 26 города Кривой Рог, — одни «пятерки». На первом экзамене — математика письменно — Сережа получил «тройку», так как из шести конкурсных задач успел решить только четыре. На втором — литература письменно — допустил в сочинении 23 грамматические ошибки. Об оценке, думаю, догадаться нетрудно. Справедливости ради отметим, что первый барьер не смогли преодолеть около двухсот абитуриентов физфака, много «срезалось» на втором. Так что Сережа Гришин оказался в довольно многочисленной группе неудачников, не допущенных к следующему этапу.

Сюжет не нов. Повторяется в различных вариациях из года в год. Только вот в нашем случае есть одна существенная деталь: Сереже Гришину всего двенадцать лет. Хотя данное обстоятельство на первый взгляд дает возможность даже его неудачной попытке придать определенную окраску сенсационности, делать этого не хочется, потому что проблема, встающая за короткой биографией паренька, представляется, как мне кажется, гораздо значительнее.

С Тамарой Сергеевной, Сережиной мамой, я встретился на второй день после экзамена по литературе, когда оценки за сочинение еще не были известны. Невысокая, худенькая женщина, даже до разговора видишь — комок нервов. Просто ожидание результата — примут сына в МГУ или не примут — до такого состояния не доведет. Что-то другое.

Как вспоминает теперь Тамара Сергеевна, первые слова сын произнес в четыре месяца, ходить начал в восемь месяцев, в девять —

пробовал подпевать ее песням, повторять за ней стишки. В год Сережа нормально говорил. Примерно в этом возрасте мама познакомилась с разрезной азбукой, и вскоре он уже знал все буквы, на слух стал учить слоги. В два года четыре месяца Тамара Сергеевна случайно обнаружила, что он самостоятельно научился читать. В 1978 году Тамара Сергеевна по ее личной просьбе получила направление на работу в Палану, центр Корякского национального округа на Камчатке. Для нее, преподавателя музыки, работы тут было невпроворот, и это обстоятельство скрашивало бытовую неустроенность. В конце концов матери с сыном дали квартиру, однако из-за сурового климата, с которым никак не могло справиться здоровье мальчика, им пришлось через три года вернуться в Кривой Рог.

На Камчатке Сережа много болел, поэтому ни ясли, ни детский сад не посещал. Уходя на работу, Татьяна Сергеевна брала сына с собой и вскоре заметила, что у него хороший слух и определенные музыкальные способности. Стала учить его нотной грамоте, игре на фортепиано и была приятно удивлена его быстрыми успехами и в этой области.

Когда в сентябре 1981 года они вернулись в Кривой Рог, мама отвела Сережу учиться в 115-ю среднюю школу сразу в третий класс. Вот что пишет его учительница А. Зубенко в характеристике, выданной в январе 1982 года: «Сережа прибыл в 3 «А» класс в начале учебного года, хотя ему исполнилось только 7 лет. Быстрый, подвижный, но способный мальчик.

Все предметы ему даются легко, бегло, выразительно читает, легко передает прочитанное, самостоятельно составляет план и прочитанному рассказу, дает характеристику герою рассказа.

Быстро решает примеры, задачи решает любым способом. В диктантах, изложениях, сочинениях ошибок грамматических не делает, прекрасно справляется с грамматическими заданиями. Отлично поет Сережа и в музыкальной школе».

Вот из-за его нескончаемых болезней, причину которых медики Кривого Рога установить так и не могли, Тамара Сергеевна повезла сына на обследование в Москву. А заодно решила проконсультироваться у специалистов по поводу его музыкальных способностей.

Снова хочу полностью привести характеристику, которую 25 февраля 1982 года подписал директор Московской средней специальной музыкальной школы имени Гнесиных З. И. Финкельштейн:

«В Московской средней специальной музыкальной школе имени Гнесиных были проверены музыкальные и общие способности мальчика Гришина Сережи, приехавшего с матерью из села Палана Корякского национального округа на Камчатке.

При экзаменационной проверке способностей и знаний по специальности и общеобразователь-

ным дисциплинам на уровне столичной спецшколы Сережа показал большую музыкальную одаренность и удивительные разносторонние способности по общеобразовательным предметам.

По мнению одного из ведущих преподавателей школы, которому было поручено провести с Сережей ряд занятий по фортепиано, мальчик показал редкие для своего возраста результаты.

Кроме того, Сережа обладает композиторскими способностями.

По своим ярким природным способностям Сереже необходимо заниматься в столичной спецшколе, предназначенной для обучения музыкально одаренных детей с профессиональной перспективой».

Здесь необходим небольшой комментарий. Если заметили, в характеристике спецшколы сказано, что Гришины приехали в Москву из Паланы, хотя мы знаем: из Кривого Рога. И то, и другое верно. Когда Тамара Сергеевна улетала на Камчатку, ей выдали, как и всем отправляющимся работать на Север, документ о бронировании за нею жилья в Кривом Роге. Каким-то образом этот документ затерялся. Согласия на новую прописку родственники дать не захотели. Короче, в родном городе мать с сыном оказались на птичьих правах со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Их пребывание в Москве — это практически семь месяцев мытарств. Проживание в многочисленных номерах дешевых гостиниц, ночевки у знакомых, дальних родственников, прибавьте к этому медицинские обследования Сережи у разных специалистов — и становится совершенно непонятно, как этот не особо крепкого здоровья мальчишка ухитрился отлично и с опережением учиться по всем предметам, из которых одна только музыка требовала по несколько часов в день проводить за инструментом. Можно позавидовать и упорству его мамы, сумевшей в этих условиях, при довольно-таки ограниченных средствах создавать сыну все необходимое для занятий.

Обо всех испытаниях, сваливавшихся на ее голову в последние годы, Тамара Сергеевна рассказывает очень последовательно, не пытаясь ни в датах, ни в названии многочисленных учреждений, которые она посетила за это время, без запинки называя фамилии, имена, отчества всех, с кем она встречалась, беседовала, консультировалась, получала моральную поддержку или, наоборот, оскорбительные намеки.

От кого?

От обывателя. От его неиссякаемой страсти все усреднять, выравнивать, приводить к общему знаменателю. Когда обыватель чего-то не понимает, он спокойно отрицает очевидное, его аргумент: этого не может быть, потому что не может быть никогда. И держится он за такую систему доказательств с завидным упор-

КАК БЫТЬ С СЕРЕЖЕЙ?

ством. Особенно если он при должности и может использовать свое служебное положение. Я спросил у Сережи, чем он больше всего любит заниматься в свободное время.

— Читать книги, — тут же ответил он и пустился перечислять, какие именно книги увлекают его больше всего.

— Ты не понял, — объясняю я. — Чем ты любишь заниматься, когда хочешь отдохнуть от книг? Играешь в футбол, например, ходишь куда-нибудь с друзьями?

Он осекался. В футбол он не играет и никуда с друзьями не ходит не из-за здоровья, а потому, что не может наладить контакта со сверстниками. И непреодолимым барьером в этом стали, как ни странно, его знания. Мать заметила это давно, когда сын посещал еще младшие классы. Его стремление поделиться с ровесниками только что прочитанным вызывало у них «неадекватную» реакцию: слишком взрослое содержание книги им было непонятно, а Сережин разговор на эту тему казался странным.

— Ты придурок! — обычно говорили они, вертели указательным пальцем у виска и для пущей убедительности своих доводов били Сережу по голове. Коль придурок — чего уж тут стесняться.

С годами этот разрыв рос.

Ну, дети ладно. Они, известно, бывают жестокими, так что попробуем простить им прямолинейность и незастенчивость обращения.

Взрослые обыватели — те не бьют по голове, даже не всегда вертят пальцем у виска. Их дело — ударить в душу и побольнее. И если уж они замаяхнутся, то так врежут — годами будешь выть от обиды и страха.

О том, как она в первый раз попала в псих-лечебницу, Тамара Сергеевна до сих пор вспоминает с содроганием. Хотя после трехнедельного обследования ее и признали вполне нормальной, факт тем не менее этот остался в памяти обывателя.

Безнаказанность убивает совесть. И «психушка» стала навещаться к Гришиным регулярно. Кто-то сигнализировал в соответствующие инстанции — она приезжала. Тем более, что для вызова психиатров были законные основания: «ненормальная» мамаша — сама нигде не работает и сына в школу не пускает — непорядок, у нас всеобщее обязательное образование. И пошло-поехало. А тут еще дорогой папа и горячо любящий дедушка по отцу из далекого сибирского поселка досаждают криворожским органам народного образования: почему наш сын и внук не посещает школу, ребенок должен учиться.

Понятно, беспокоятся: все-таки ближайшие родственники. Но хорошо бы это рвение да на благие дела. Не через официальные органы свидетельствовать свои горячие чувства, а просто приехать, поинтересоваться на месте, что и как. Купить мальчишке путевку в детский санаторий. Его здоровью это вон как помогло бы.

Конечно, чужие семейные отношения — потемки, и давать тут какие-то советы — дело неблагодарное, дай бог в своих личных-то проблемах хоть немного разобраться. И все-таки... И все-таки, не навязывая своего мнения, хочу сказать двум взрослым мужчинам из далекого рудного поселка в Минусинской котловине: знайте, когда через полстраны вы посылали очередной сердобольный «сигнал», для вашего сына и внука это оканчивалось очередным приглашением к психиатру или визитом скорой спецпомощи. А он этого боится. Даже теперь, в Москве, за сотни верст от Кривого Рога, он, рассказывая мне об этом, нервно вздрагивал. Ему и сейчас страшно. Поймите, он еще маленький, несмотря на то, что по-взрослому увлечен теорией относительности и квантовой механикой. Зачем раскачиваться на его нервах, как на качелях? Неужели не жалко?

И криворожский наробраз я совершенно не понимаю. Четыре года добивались от матери, чтобы Сережа ходил в тот класс, который ему положен по возрасту.

— Зачем вы, мамаша, стараетесь выделиться со своим сыном? Будьте как все. Пусть Сережа ходит в класс со своими ровесниками — и он станет нормальным. Не будьте белой вороной.

Что верно, то верно. Быть белой вороной опасно. Серые вороны, замечено биологами, заклеивают белых до смерти. Но мы-то не воронье, люди. Зачем же нападать на человека только за то, что он знает не по годам

много, не по возрасту одарен да и вообще своими способностями отличается от других? Неужели нужно всех чесать под одну гребенку? Ведь этак мы «спрямим» все таланты. Не по-хозяйски это.

Вспомним: август 1921 года. Детская писательница Клавдия Лукашевич пишет нарком просвещения республики:

«Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич! В музыкальных и литературных кругах много говорят о том, что Вы учреждаете пайки для выдающихся, талантливых детей России... Я позволю себе обратить Ваше внимание и ходатайствовать перед Вами о назначении пайка одному несомненно выдающемуся по своему таланту мальчику, пианисту-композитору Дмитрию Шостаковичу, 14 лет. Мальчик этот уже с 9 лет проявил необыкновенный музыкальный талант: у него феноменальная музыкальная память, абсолютный слух, громадное познание фортепианной литературы, и уже есть такие сочинения, с которыми он выступал перед большой публикой... Но переживаемое тяжелое время, почти постоянная голодовка кладут болезненный отпечаток на всех детей, а тем более на такого труженика и впечатлительного, как Митя... Его талантливая голова работает неустанно и чрезмерно... Он не может расцвечать без главной помощи — именно в питании...»

Нарком А. Луначарский наложил на эту просьбу резолюцию:

«Дмитрию Шостаковичу, пианисту-композитору 14 лет, выдать академический паек».

И это в разоренной войнами, голодной стране. Неужели в Кривом Роге не знают об этой широко известной странице в жизни Дмитрия Шостаковича?

Странное дело, у нас действует хорошо отработанная система специализированных школ для одаренных детей: математических, музыкальных, шахматных, — но нет учебных заведений для подростков, опережающих ровесников просто по общему интеллектуальному развитию. Подобных надо бы бережно лелеять, сохранять их уникальный дар, мы же стараемся «привести в норму»...

Однако вернемся к Гришиным. Поездки к сыном к киевским и столичным врачам — у Сережи шум в сердце, плоховато с легкими, печенью, мучает непонятного происхождения повышенная температура — обязательно сочетались с посещением психиатров, психологов, педагогов. Причем Тамара Сергеевна вынужденно интересовалась не только сыном, но и собственным состоянием. И всюду отвечали: не беспокойтесь, вы оба в норме. И давали очередные справки по всей форме со штампами и гербовыми печатями.

Этих справок так много, что, честно говоря, их обилие заставило засомневаться в подлинности. Звоню по некоторым адресам. Научно-исследовательский институт дефектологии Академии педагогических наук СССР, старший научный сотрудник Майя Марковна Райская:

— Интересуетесь Сережей Гришиным? Как же, конечно, помню, мама приводила его к нам летом прошлого года. Только она ошиблась адресом. Мы изучаем детей с дефектами, умственно отсталых. А у нее сын, наоборот, очень одарен. Можно только позавидовать.

Михаил Иванович Буянов, кандидат медицинских наук, преподаватель Центрального института усовершенствования врачей, автор вышедшей недавно книги «Беседы о детской психиатрии», консультировал Гришиных в прошлом году в Московской горбольнице № 6:

— Помню ли Сережу? Еще бы! Замечательный мальчик. Как у него дела сейчас? Поступает в МГУ? Очень рад. Человек он здоровый. Отклонений в психике нет. В помощи психиатра не нуждается. Но в силу своего необычного развития и больших творческих способностей он может вступать в противоречия и конфликты с социальными институтами — извечная проблема вундеркиндов, опережающих сверстников и вызывающих растерянность у своих педагогов.

Вот примерно с такими отзывами они вернулись домой. И хотя обыватель не сдавался,

Сережа Гришин.

Фото Л. Шерстеникова

М А С Т Е Р

Он поистине народный художник. Его веселые жанровые полотна «Прибыл на каникулы», «Опять двойка» стали любимыми картинами миллионов зрителей. Но мы знаем и другого Решетникова, страстного публициста, автора картины «За мир», сатирических композиций, бичующих нравы Запада...

С той поры, когда зазорный студент Вхутемаса вступил на палубу корабля «Челюскин», ставшего легендарным, прошло много, много лет. Но этот первый шаг, рискованный и смелый, как бы определил судьбу будущего народного художника СССР, вице-президента Академии художеств СССР, лауреата Государственных премий СССР, профессора Федора Павловича Решетникова. Художник до сих пор не забывает «арктическую» тему, ставшую для него истоком работы в живописи. Широко известны его портреты О. Ю. Шмидта, Э. Т. Кренкеля и других героев этого былинного похода. Картины «Гибель Челюскина», «Первый митинг на льдине», «Первые Герои Советского Союза» — полярные летчики, — вот

краткий перечень необъятной «челюскинщины», включающей сотни рисунков и эскизов.

Нельзя не сказать о великолепном умении Федора Павловича создавать меткие и острые скульптурные портреты — дружеские шаржи. В них неизменный редкий дар — мажорного, ищущего с веселой и открытой душой Мастера.

Ныне художнику исполнилось восемьдесят лет. Вот его слова — кредо всей его творческой судьбы: «...И когда я окидываю мысленным взглядом нашу великую эпоху построения нового мира, новых отношений между людьми, то предо мной предстает огромная ответственность художника-гражданина. Как никогда, сегодня необходим честный и твердый ответ: с кем ты? С силами света, добра, красоты, правды, мира или со зловещими силами мрака, лжи, уродства, войны? Долг советского художника — быть всем сердцем с народом, Родиной, творить во имя жизни и счастья людей всей землей».

Пожелаем Федору Павловичу счастья, крепкого здоровья, исполнения творческих желаний.

ОТ ЭДУАРДА МАНЕ ДО ПИКАССО...

Полотна Эдуарда Мане, Ренуара, Дега, Клода Моне, Тулуз-Лотрека, Пабло Пикассо, Ван Гога, Камиля Писсаро, Поля Гогена и других вы видели в последних номерах «Огонька». О большинстве этих художников в свое время были опубликованы огоньковские очерки, рассказывающие об их творческой судьбе. Двадцать полотен на наших цветных вкладках репродуцированы с оригиналов коллекции Вашингтонской Национальной галереи. Их выставка состоялась согласно договоренности о расширении культурного обмена между СССР и США.

В периодике в цвете эти картины у нас в стране публикуются впервые.

Нельзя не отметить огромный успех экспозиции в Ленинграде и в Москве.

Импрессионисты и постимпрессионисты. Они вели жестокую борьбу с непризнанием, нуждой, порою просто голодом. Их новаторские поиски, открытие пленэра, повышенная цветность, демократичность жанра холстов были глубоко враждебны буржуазному официальному Салону. И они страдали.

Посмотрите отрывок из письма к Клоду Моне, начертанного Камилем Писсаро:

«...Наконец-то я получил несколько су, так мало, — только, чем прожить три или четыре дня в Ораньи; я дошел до последней крайности, я буду принужден продавать во что бы то ни стало, так как получаю от моей жены письмо за письмом, в которых она излагает мне свою нужду. Продать! легко сказать, а кому?.. Я теряю голову!»

Взгляните на тончайший по колориту парижский пейзаж «Площадь Карусель», кисти Писсаро, напечатанный на вкладке. И он сегодня сморщится, естественно, классикой. А что касается цены картины, она определяется ныне сотнями тысяч долларов.

Вспомоная свою давнюю беседу с Арманом Хаммером. Среди разговора известный коллекционер вдруг задумался и сказал: «Как странен мир. Я на днях приобрел прекрасный холст Амедео Модильяни, отдав за эту картину больше полумиллиона долларов. А ведь автор полотна при жизни частенько не имел двух сантимов на хлеб».

Таков парадокс.

И все же эти живописцы творили, искали и находили поразительные решения. Они верили в высокое духовное призвание художника. Вот строки Ван Гога: «Художник будущего будет колористом, какого мы еще не имели. Мане был его предтечей, но ты знаешь, что импрессионисты в области цвета пошли гораздо дальше Мане... Мне кажется, что он придет в одном из следующих поколений; нам остается делать в этом направлении все, что позволяют наши средства, без сомнений и ошибок... Я себя вообще считаю рабочим, а не изнеженным иностранцем или туристом, путешествующим для своего собственного удовольствия».

Таков был моральный кодекс мастеров, ценивших «не себя в искусстве», а «искусство в себе».

Они трудились.

Сегодня, как никогда, ясно и четко осязаемо, как высок был накал этого неистового поиска. Всего того, что движет истинное искусство вперед, спасает его от застоя, самоуспокоенности, прагматизма.

Казалось, что могло быть прекраснее чудесных пейзажей Клода Моне, но прочтите эти слова:

«Дело в том, что в наше время нас судили без снисхождения. Тогда не говорили: «Я не понимаю», но «Это идиотизм, это подлость» — это стимулировало нас, давало мужество, заставляло нас работать».

Да, искусство не прогулка, не путешествие в спальном купе. Это работа, работа, работа.

Борьба за новь.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

дело все-таки сдвинулось с места. Средняя школа № 26 — совсем не того района, где живут Гришины, — с осени 1985 до лета 1986 года давала Сереже на дом задания, а потом устраивала экзамены и контрольные. За один учебный год он прошел программу трех старших классов.

К психиатру их вызывали по-прежнему: мало чего вам напишут в Москве и Киеве, у нас свои порядки.

Личные наблюдения, понимаю, — довод не особенно убедительный. Однако хотел бы ими поделиться. Общаться с Сережей Гришиным, честно говоря, нелегко. Понимаете, задаешь вопрос ребенку — получаешь ответ взрослого, много знающего человека. Ты ему из жалости к детскому возрасту стараешься сформулировать вопрос попроще, а он так на него ответит, что начинаешь жалеть себя: не все понял.

Его поглощение информации носит какой-то, если можно так выразиться, «крючковатый» характер: цепляется за все подряд, и укладывается в память. А чуть тронешь, эти заваля начинают фонтанировать.

Я спросил, что ему удалось посмотреть в Москве на этот раз. И он быстро заперечислял музеи, выставки, достопримечательности. Но с комментариями. О Московском истори-

ческом музее сказал, например, что он значительно уступает киевскому: там-де и экспозиция богаче и оформлена она более ярко и красочно. Назвал какую-то выставку, развернутую в старой церквушке, и походя добавил:

— Между прочим, в ней венчался граф Шереметев. Она хорошо отреставрирована и органично вписывается в городской пейзаж, только на куполах почему-то крестов нет.

Мне и самому эта церковка нравится. И хотя часто хожу мимо, на отсутствие крестов почему-то не обратил внимания.

Когда стали известны результаты письменных экзаменов по литературе, заместитель ответственного секретаря центральной приемной комиссии естественных факультетов Владимир Владимирович Ткачук сказал мне со смехом:

— Сережа принципиально не хотел признавать точки и запяты: в сочинении всего одна орфографическая ошибка, остальные 22 — на знаки препинания. Я думаю, это от его неопытности и волнения: ведь первый раз держал экзамен при таком стечении народа. К тому же конкуренция. Но мальчишка мне понравился.

Оказалось, университет заинтересовался судьбой мальчика. Случай-то редкий, хотя в истории МГУ и не единственный. Сначала с Сережей долго беседовал проректор университета Виктор Антонович Садовничий. Потом он, Ткачук и Тамара Сергеевна с сыном побы-

вали на приеме у ректора, академика Анатолия Алексеевича Логунова. У представителей университета сложилось единое мнение: Сереже нужно учиться в Москве. Посоветовались с министерством и нашли, как мне кажется, довольно мудрое решение. Сережа будет посещать занятия на первом курсе физфака в качестве вольного слушателя. Комнату в общежитии ему и маме университет предоставит. Был предложен еще один вариант: Сережу зачислят в знаменитую математическую школу академика Колмогорова, и он сохранит право посещать спецкурс физфака. И опять — общежитие маме и сыну.

Короче, есть выбор, месяц на размышление. Надеюсь, у Сережи все уладится.

Правда, имеется у медали и другая сторона. Время от времени печать сообщает о появлении очередного вундеркинда. После короткого всплеска всеобщего интереса к юному дарованию он угасает, и дальнейшая судьба самородка чаще всего остается неизвестной. Причины бывают разные. И наше невнимание к ним, и их неумение разобраться со своим талантом. Например, прочтет Сережа о себе в журнале, увидит на фотографии, может возгордиться, что в таком возрасте уже учится в университете... Очень хочется, чтобы не сломало его все это.

В. Ван Гог. 1853—1890. ФЕРМА В ПРОВАНСЕ, АРЛЬ. 1888.

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

К. Писсарро. 1830—1903. ПЛОЩАДЬ КАРУСЕЛЬ В ПАРИЖЕ. 1900.

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

-П

оследние мои вещи вам показались злыми, желчными? Нет, злым я не был никогда. Даже в худшую пору своей жизни. Но и добреньким быть уже не могу. Надоело писать про цветочки, надоело птичек воспевать. До того дозревал, что ни коростеля, ни жа-

воронка, ни перепелки... Всех поотравили. Воронки да сороки остались...

Мы стоим с Виктором Петровичем Астафьевым на высоком берегу Енисея. Синь, простор, дыхание свежего ветра. Там, внизу, несется, спешит куда-то могучая сибирская река, снуют лодчонки, натера, от быстроходных «ракет» бьются волны в песчаные пляжи. Позади береговой лес.

— На жизнь смотрю уже как-то устало. В тягость становится лишний перелет в Москву, давит разница во времени. Читаю книги иных своих ровесников, и кажутся они мне писанными древними старцами.

Виктор Петрович поднял руку:

— Вот там, за дымок, километрах в пятнадцати отсюда, моя родная Овсянка, там я родился и пошел в школу. Чуть ближе сюда, возле каменного выступа — Шалунина быка, в тридцать первом году нашли мою мать в реке.

Многое в жизни Астафьева связано с этими местами, куда он вернулся несколько лет назад. Один московский друг спросил: «Зачем?» «Помнить», — ответил он ему.

— Недавно умер писатель Анатолий Соболев. Родом он с Алтая. Но жил далеко от родной земли, и не хватало ему сил вернуться назад. Все скучал по Алтаю. С возвращением в отчие места начинается какой-то новый пласт жизни. Возникает желание что-то найти. Вот я хожу по Овсянке и что-то ищу, ищу. Детство свое. И знаю, не найти его, а все равно на что-то надеюсь. И вот этот поиск, это блуждание по далям памяти рождает какую-то светлую грусть, а грусть и печаль для литератора всегда благодатный материал. Почти вся русская поэзия, да и проза, зависела от нее. Печалью веет и от современной словесности — Юрий Казаков, Николай Рубцов, Виктор Курочкин, Константин Воробьев, Александр Вампилов, Василий Шукшин.

— Вы дружны были с Шукшиным?

— Нет, дружны мы не были. Встречались, разговаривали за общим столом, а этого мало, чтобы назвать другом. Хотя для иных было бы предостаточно. Много у него развелось за гробом друзей. Знаете, никогда я не буду писать о нем. О нем не буду писать и о маме. Это мое и останется со мной. Крошку воспоминаний о матери своей, я знал ее только до семи лет, никогда не доверю бумаге. Когда переносишь интимное свое, сердечное на бумагу, волей-неволей получается искажение. Посредством вот этой холодной ручки на холодную бумагу боль свою перенести часто невозможно, перо и бумага разъединяют тебя и душу с чем-то живодышащим, и оттого не всё и не всегда доверяется бумаге. Это, может быть, приспособление к сиюминутному движению литературы, от которого уйти трудно, если не невозможно. Так уж пусть это «личное» будет со мной навсегда. И еще хочу сказать: есть у меня одна совершенно готовая рукопись, которую я люблю. Вместо подушки в головах у писателя, когда он помрет, может и, наверное, должна лежать хоть одна заветная рукопись. Она соединит писателя с будущим. Быть может, на этот раз соединит.

...Хорошо, что я не сумел повидаться с Астафьевым в Москве, во время работы VIII съезда писателей. Разговор получился бы скучным. Виктор Петрович не часто бывает в столице, дел и суесть накапливается достаточно. А главное, не побывал бы я тогда на его родине, не полюбился бы сибирской природой. Вот и оказался я в Анадимгородке, что в полчасе езды от Красноярска.

Точно предугадывая мой вопрос, как только мы вернулись в квартиру и расположились в рабочем кабинете, Виктор Петрович сказал:

— Кто может распорядиться моим замыслом? Да никто! По заказу я не пишу, не умею, да у меня и не получится. Иные объявляют о своих замыслах и планах выдачи продукции заранее. Мне остается им только позавидовать. Я так не умею...

Не хочу и не буду врать, что, мол, наш писательский съезд меня всколыхнул. Ничего подобного. Накопился я предостаточно в жизни... Другое дело — восьмой

съезд был действительно посвободней, что ли, а может, и поразвязней. Говорили с трибуны: правда, свобода слова. Говорили, не вникая в Великие слова, — это и прекрасно, и страшно одновременно, это требует от человека огромной ответственности, это бритва в руках ребенка. И вот иные ораторы сводили мелкие счеты друг с другом, вели кухонную войну-войничку, низводя себя до сплетников и бойцов из коммунальной квартиры.

Мне показалось, что Виктор Петрович лукавит, говоря о том, что для него не существует произведений, написанных на злобу дня. А как же с «Печальным детективом»? Роман напечатан в 1-м номере журнала «Октябрь» за 1986 год. Разве он не отклик на те явления действительности, которые требуют резкого вмешательства общества, искусства и литературы в первую голову?

— Даты создания «Печального детектива» 1982—1985. Роман этот отличается от всех других материалом. Издатели, знавшие о его существовании, всячески меня торопили. «Дадим с ходу!» — говорили они. Так и вышло — напечатали роман неслыханно быстро — за три недели, досылком. В декабре заслали в набор, в январе роман увидел свет. И все-таки напрасно я так быстро отдал роман. Прочитав верстку, убедился: книжке этой надо было еще с годик полежать. Поостыть. Но обстоятельства жизни и сама жизнь требовали, чтобы эту работу я отдал на суд читателей поскорее.

— А как вообще появился «Печальный детектив» — сегодня одно из самых читаемых современных произведений?

— Несколько лет назад задумал я написать очередную романтическую вещь, наподобие «Пастуха и пастушки». Получилось нечто с названием: «Печальный детектив и одинокая монашка». В том сочинении я использовал знаменитые «Португальские письма» Гийерага. Лю-

этот роман. Кое-где действовал напрямую, информационно, надеясь на хорошо подготовленного читателя. Зачем ему информация о том, что всходило солнце, закат сиял, пели птички, листва шевелилась? Обо всем этом в нашей литературе так много и хорошо написано. Да и «дух» вещи этого не требовал. В романе всего один пейзаж, и тот мимоходный. Пейзаж в этом произведении, по моему замыслу, должен был проходить через нутро героя, выражая его печаль и надломленность, но я не хотел сознательно делать своего героя надломленным, ущербным. Он у меня не пьяница, не бабник. Но не хотелось мне его и оглоблей делать. Как вышло, не мне судить. Но раз люди читают, наверное, что-то вышло. Впрочем, они иногда такое читают и рвут из рук друг у дружки, что тоска берет и обида за «лучшего в мире читателя».

Реакция на роман разная. Одни читатели, их меньшинство, проклинают автора, они взбешены, раздражены. Чем? Обнажением «натуральностей» некоторых сторон нашей жизни. Другие, их большинство, пишут письма, возражая критикам: вам книга кажется страшной? Но это цветочки. Сейчас я вам покажу ягодки. И выдают рассказы о случаях действительно страшных... Я уж не могу все это читать. Сон потерял. Держу под рукой двухтомник «Пушкин в воспоминаниях современников», иначе сойду с ума. Судя по отзывам читателей, романом я угодил в десятку, но, честно говоря, вышло это непроизвольно.

Роман «Печальный детектив» — по-настоящему острое, смелое и, я бы сказал, решительное произведение, из тех, за которые уважают современную литературу. Пусть нечасто, раз в несколько лет, появляются такие повести, романы, рассказы, как «Печальный детектив» Астафьева, «Пожар» Распутина, «Знак беды» и

У ВИКТОРА АСТАФЬЕВА, НА ЕНИСЕЕ

ПЕЧАЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ С АВТОРОМ «ПЕЧАЛЬНОГО ДЕТЕКТИВА»

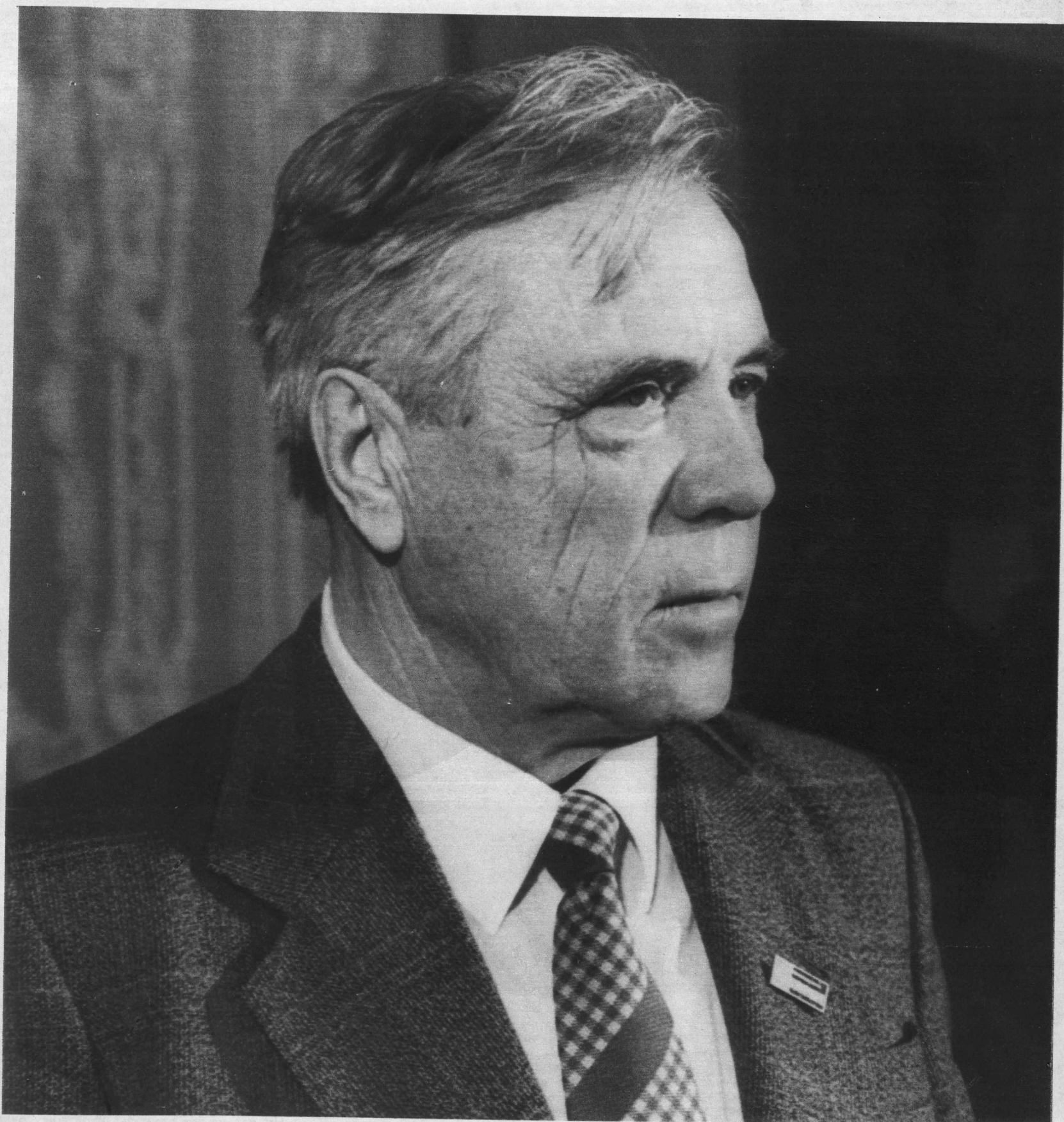
бимое чтение. Так иногда хочется, начитавшись про тракторы, про целину, про любовь к самоварам и березкам, изящного почитать.

Так вот, написал я листов четырнадцать. Чувствую, конца не видно. Забросил рукопись, думаю, может, когда-нибудь сгодится. Издательство «Современник» запланировало новую книгу. Я достал с полки рукопись, сократил ее, в том числе и название наполовину убавил. Поймал вроде бы тональность вещи, которая совершенно отличалась от той первоначальной рукописи. Правда, поначалу мне показалось, что все ценное было именно в той руде, которую я изъезжал. Только не подумайте, пожалуйста, что у меня по дому валяются черновики, варианты, незавершенные рукописи. Всякая вещь работает по-своему. Повесть «Стародуб» получилась из одной начальной строки рассказа о браконьере. Однажды решил я написать очерки о рыбалке на Енисее. Вышли они вялые, занудные, длинные. И вдруг попадает какой-то кусочек, где описывалась ночь у костра. Что-то я в нем уловил, зацепился за это мимоходное описание — и от «Капли» пошли главы, выросшие в «Царь-рыбу».

«Детектив» получился жестким и плотным потому, что он короткий. Мало я прописывал

«Карьер» Быкова, «Плаха» Айтматова, — книги, которые учат смотреть в глаза истине. Слышал я, правда, и такое: легко, дескать, Астафьеву, авторитетному, пробойному писателю, ему и позволено больше, чем другим. Принеси, дескать, тот же «Печальный детектив» неизвестный автор, ему показали бы от ворот поворот...

— Ну, как на это ответить? Я развожу руками и улыбаюсь. Начинать писать в маленьком уральском городке Чусовом. Грамота — шесть классов. Наверстываю образование в школе рабочей молодежи, работая в горячем цехе. Но тянуло писать, и пробовал писать даже на уроках. А спать хотелось... Кто тогда мне помогал, кто устилал дорожку коврами? Сам себе устилал и коврами, и шипами. Жена помогала и помогает. Семь книг было уже у меня, а так случилось, что в доме на ужин не оказалось хлеба. Картошки с солью поели. Семья большая. Ребятишек жалко. Отложил работу над книгой, написал очерк о сталеваре, напечатал его в областной газете, получил семьсот, старыми, разумеется, рублей, отдал деньги жене и продолжил работу над книгой. Однажды, тоже в нелегкие для меня времена, предложил переиздать одну мою злободневную, но слабую книгу... Можно было материально выручиться. Да ведь раз выручишься, два, а по-

В. Астафьев.

Фото А. Гостева

том?.. Нет, не пошел я на соблазн, не поддался искушению легкого заработка — очень эта легкость губительна для молодого литератора. Вот и одолевал малограмотность, робость свою, внутреннего редактора, который, конечно, и сегодня наличествует и умрет лишь вместе со мной. Если уж Чехов из себя раба по капле выдавливал, то мы-то по мизеринке... Говорите, Астафьеву больше позволено, чем другим? Но я только раз, один раз в жизни заключил договор под ненаписанную книгу, под «имя», так сказать, и ох как пожалел об этом! Душу ведь запродам! Гирю на шею повесил... Другое дело: со временем выработалось какое-то ко мне определенное отношение в из-

дательствах и журналах. Появились честные, принципиальные друзья. Они знают, что если я что-то предлагаю, то это всегда «по адресу» и «товар, мой, личный», именно для этого издания. Вот во втором номере «Литературной учебы» за текущий год напечатан мой новый рассказ «Тельняшка с Тихого океана». Редактор журнала А. Михайлов принял его к публикации, потому что рассказ посвящен провинциальному писателю, а эта тема — тема для молодого литератора и читателя. Но ни Михайлова и никого другого я не просил ни о чем, а просто предложил свою готовую продукцию. И уж коли заговорил на эту щекотливую тему, скажу, что даже квартиру вот эту, в которой

мы сейчас находимся, расширить похлопотал мне секретарь Правления Союза писателей РСФСР Юрий Васильевич Бондарев. Я это говорю для тех, кто думает, что мне все само собой с неба валится.

— Кстати, Виктор Петрович, вы произнесли слова «провинциальный писатель», а я как раз хотел спросить вас: что вы думаете о развитии нашей литературы, имея в виду тех, кто живет далеко от столицы? Мы говорим сегодня о возможностях нашей прозы и поэзии, о каком-то качественном рывке, о том, что литература должна полнее, объемнее, смелее вторгаться в жизнь.

Естественно, что я имею в виду: термин «провинциальный писатель» чисто условный. Мы давно уже пришли к выводу, что провинция — понятие негеографическое.

— Нынешний съезд писателей меня еще раз убедил в том, что провинциальность при всем при том в Москве побольше, чем на наших необъятных просторах. По той простой причине, что членов Союза в столице больше, чем во всей России, и многие из них на своих лаптях, а кто и на штиблетах, к великому сожалению, провинциальность эту в столицу несут. И несут с доблестью. Конечно, в жизни провинциального писателя есть свои преимущества, но есть и свои недостатки. В Москве творческий человек многое может получить, как говорится, бесплатно, мимоходом, мимоездом, в кругу друзей-приятелей. В провинции слишком узок круг людей, с которым тебя связывают общие творческие интересы. Я могу, например, разговаривать по душам, довериться одному-двум товарищам по труду.

Мне кажется, что тот, кто медленнее думает, ходит, сближается с материалом, тому легче жить в провинции, где вырабатывается свой ритм жизни. Не исключены в нем, конечно, ни взрывы эмоций, ни какие-то неожиданные поступки по поводу происходящего, но все-таки писатель может здесь более пристально сосредоточиться на своем собственном материале, но главное — на его отборе. Ведь писатель зачастую не знает в суеде суеда, о чем ему писать. Поэтому хватается за все. И вот выходит в одном году сразу несколько книг самого разного содержания. Вроде бы вития работает, бегают, издаются, куда-то даже избираются, а посмотришь назад — одни спицы лежат.

Конечно, многое зависит и в столице, и в провинции от степени накопления писательской культуры. Я говорю не только о внутренней культуре, а о чем-то более сложном, к чему, быть может, мы только приближаемся. К пониманию и осознанию какой-то нравственной истины. Тогда, когда ты становишься менее раздражительным по мелочам, ощущаешь, что есть на земле какой-то «высший судия», есть что-то духовно высокое, непостижимое, ну, допустим, осознание приближения смерти. Ощущение того, что происходящее в мире не разделимо с тобой. Что твой курятник — твой рабочий стол, твоя работа — как бы избежать здесь громких слов? — маленькая, но твоя капля крови, как на войне, слившись с морем крови твоих соотечественников, — этот поток, река крови утопили войну, так и ныне в огромном наступательном движении человека есть и твое участие, твоя боль, забота и основа всех основ — работа.

Надо иметь мужество в том, чтобы не тащить в издательство, в журнал черновики, недоделанные, недоработанные, чтоб не стыдиться потом. Я пишу рывками, лихорадочно, быстро, хаотично, иногда печатал да и, случается еще, печатаю сыроватые вещи, тот же «Печальный детектив», например, да и «Царь-рыбу» считаю вещь неровной, с провалами, и опытный читатель это заметил и сказал мне в письмах об этом, но главное — чтобы не вошло в привычку волоочь скороспелки на люди.

Еще о провинции? Смешное? Пожалуй! Помню, в Чусовом ко мне приходили работники финорганов, чтоб обложить меня налогом: чего вы, дескать, здесь делаете, почему тунеядствуете? А я к тому времени уже членом Союза писателей состоял! Но они считали, что писать я должен после «основной» работы. Да и их ли только, моих далеких, наивных чусовлян, убеждать надо, что писательская работа — это навсегда, на круглые сутки, на всю жизнь, до последнего вздоха. Однако все еще в провинции раздражаются тем, что работает наш брат не «по гудку» и часто пишет не то и не так, что им хочется, а хочется провинции сердешной, чтоб ее восхваляли, лелеяли, сладким медом по губам мазали. Но писатель не официант по обслуживанию клиентов и не конди-тер по выпечке пирожных...

Чаще всего раздражение исходит от работников школы, педагогических институтов. Масса писем скопилась у писателя, в которых учителя пишут о том, что не понимают его терминологию, языка, идеи, замысла. Обвиняют не себя, а автора в том, что не понимают его. Абсурд! Самые ортодоксальные записки и вопросы идут от учителей. «Я всю жизнь учу детей», — пишет один адресат. Жалко, считает Виктор Петрович, что такая учит детей, ведь учитель — это прежде всего хороший читатель.

Мне показалось занятным узнать у Астафьева резюми по поводу решительного заявления художника Гогена: «В искусстве я прав».

— Можете ли вы так уверенно сказать о себе?

— Нет, не могу. Наоборот. Меня всегда одолевают сомнения. Ведь сегодня, и мы об этом говорим вслух, полным ходом идет разрушение мировой гармонии, разрушение духовности человека. Честно сказать, меня вообще одолевают сомнения: кому все это нужно? Кому нужен Микеланджело, Рафаэль, Данте и Шекспир, Толстой, Пушкин? Иногда кажется — никому, хотя я понимаю, что если бы их не было, человечество давно бы опустилось обратно на четвереньки.

Я думаю, что наш читатель, тот самый, с чистой, незапятнанной душой, больше верит в наши возможности, чем мы сами верим в них. Все прожившие свой век и хорошо поработавшие писатели, независимо от нашего времени, критически относились к своему труду. Просто Пушкина и Лермонтова рано убили. Они не успели выразить свой скепсис. А Лев Толстой поддался от литературы к «своему» богу, надеясь там нравственно что-то сделать, изменить мир к лучшему.

Да, и сомнения... Я считаю, что и сомнения — питательное вещество творчества. Неру сказал, что из столкновения личности с обществом рождается поэзия. Эту мысль мы так или иначе нередко повторяем. Самоуверенность, самоуспокоенность всегда были противоположны для мыслящего человека. Только посредственность думает, что с нее все началось и ею все кончится.

И мы вновь заговорили о так называемой провинциальной жизни. Стали вместе вспоминать имена литераторов, живущих далеко и не так далеко от столицы, тех, на кого можно положиться в будущем. А быть может, уже и сегодня. И тех, к сожалению, кто каким-то образом позатерялся, поисчез из поля зрения читателя, критики или просто кого мы плохо знаем. Чистый, добрый, ясный Виктор Лихоносков из Краснодар, Николай Родин из Касимова, замечательный стилист, писатель большого уровня, соученик Астафьева по Высшим литературным курсам, воронежец Юрий Гончаров, ростовчанин Борис Куликов, Николай Никунов из Свердловска, Виталий Маслов из Мурманска, Иван Полунов из Вологды и многие-многие другие. Об этих именах хоть и изредка, но пишут, говорят, они означены на карте российской словесности. Но есть и другие, такие, кто так же действительно заслуженно необходим читателю. Насчитали мы около тридцати таких литераторов. На самом деле их куда больше.

Тут я решился высказать точку зрения одной читательницы нашего журнала на современную литературу (о которой мы сегодня отзываемся не очень высокими похвалами), заключающуюся в том, что, дескать, достаточно нам трех — пяти творческих писателей (она перечисляет имена, среди которых есть и имя В. Астафьева), больше никого и не надо издавать. Виктор Петрович разразился по этому поводу следующей тирадой:

— Я уже не раз говорил, что мы своими произведениями порой отнимаем читателя у Пушкина, Толстого, Достоевского. Если хорошенько задуматься над этим — неловко сделаться. Но многим, даже философски подкованным индивидуумам не приходит в голову, что они плохо знают современную текущую литературу. А задумываться над этим надо. Не только нам, писателям, читателям, но и издателям. Тем, кто направляет нашу духовную, нравственную жизнь. Да, конечно, непрочитанная книга великого писателя, классика — Пушкина, Гоголя, Чехова и Достоевского — это безнравственное дело. Но в то же время современная литература должна развиваться. Развитие — это же диалектика всей и всякой жизни, творческой тем более.

Есть у меня учебник по литературе для педвузов предвоенного года выпуска. В нем присутствуют тридцать два автора русской литературы, о которых один критик сказал, что это та блистательная русская провинция, которая бы сделала честь иному европейскому государству: Мамин-Сибиряк, Короленко, Глеб Успенский, Горбунов, Златовратский, Бальмонт, Леонид Андреев, Надсон, Писемский, Боборыкин, Эртель, Гиляровский, Ершов, даже и Лесков туда попал! Так вот, у нас тоже должны быть те тридцать два автора — потенциал сегодняшней блистательной провинции, которой можно будет гордиться. А два-три имени — они могут просто затеряться. Потускнеть. Литература, если она есть, она рыхлит почву под будущие всходы. Вообще у меня предчувствие появления гения в литературе. Того, на которого мы все работаем, быть может, такого, какого и свет еще не видел. Кажется, что он где-то поблизости. И на этот раз он, думается мне, появится не в пределах так называемого российского Нечерноземья, а на нашем сибирском просторе, где содержится еще

мощь, энергия, сила. Простите мне мой квазнопатриотизм, но я очень люблю родную свою Сибирь и сибиряков, тоже провинциал и патриот, достойный и осмеяния, и уважения, надеюсь.

И тут Виктор Петрович предложил отвлечься от «презренной» прозы и отдать во власть прекрасной русской поэзии. Астафьев горячо любит стихи, знает многих русских поэтов наизусть. Стихи он вырезает даже из районных и областных газет. Заводит блокноты, переплетает. Приятно было услышать о том, что он следит за публикациями поэтов последнего времени и, в частности, заметил публикацию «Огоньком» большой подборки стихов Н. Гумилева, к которому Астафьев давно испытывает особую симпатию. Он заговорил о том, что пора издать многих полузабытых, но талантливых русских поэтов, по той или иной причине оказавшихся оторванными от читателя. У него возникла мысль создать антологию русской поэзии, опять же из провинции российской. Вместе с красноярским поэтом Романом Солнцевым они ведут эту работу. И вот зазвучал Державин:

Жизнь есть небес мгновенье дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

Как современен во многом этот кажущийся древним и ветхим замечательный русский поэт, реформатор стиха — Державин!

— Да, время сконцентрировано особенно плотно в поэзии, в стихах. «Скользим мы бездны на краю» — как емко, как точно!

— Вы имеете в виду энкологию, природу? Все ваши произведения воспевают красоту земли, жизни, всякой живности, и во всех бьется тревога по поводу бездумного наступления научно-технической революции, цивилизации. Имеются ли, по-вашему, хоть какие-то рецепты «ухода» от края этой бездны?

— Если бы я знал эти рецепты, я отвез бы свои книги в макулатуру и вместо них напечатал инструкции по спасению людей от самих себя.

— А литература, искусство, в которых заключена красота? Ведь Достоевский еще предрек: «Красота спасет мир».

— Ну что вы! Какие такие возможности у писателя? Не надо их преувеличивать. Большинство людей книг не читают. Есть данные, собранные ЮНЕСКО: в год человечество тратит на алкоголь миллиарды долларов, а на литературу во много раз меньше. Кто знает, сколько книг прочитано, кем, каким читателем?!

— Вы хотите сказать, что вас не волнует, читают вас или нет?

— Не совсем так. Я получаю удовольствие от самого процесса работы. Когда сдаю книгу в производство, чувствую усталость. Радуюсь, конечно, получая умные письма от читателей. Особенно радуюсь, когда сообщают о том, что читают вслух «Последний поклон». Чтение вслух, особенно детям, — это самое важное в воспитании.

Заговорили о нашем журнале. Как сделать его лучше, интереснее. Писатель — старый автор «Огонька», но давно не печатавшийся в нем, считает, что журнал должен возродить замечательную традицию двадцатипятилетней давности: печатать хорошие рассказы, больше печатать. И действительно хорошие. Отбирать их кропотливо. Не важна тема, важно, чтобы рассказ был талантливым. Чтобы он был на уровне доброго русского рассказа...

Полдня я провел с Виктором Астафьевым. Мы разговаривали в его рабочем кабинете, переходили на кухню и, балуясь чаем, вели беседу вместе с его другом, помощницей, женой Марией Семеновной. Потом шли лесом, лугом, берегом реки, и чувствовалось, что человеку этому все дорого: и литература, и природа, и судьба человеческая, и вся наша земля.

Виктор Петрович не смог поехать в свою родную деревню, что стоит километра в двадцати от города вверх по Енисею. По его совету я поплыл посмотреть на чудо-город Дивногорск, что возведен рядом с Красноярской электростанцией.

Наша «ракета» неслась мимо заросших мохом скал, пустых не по сезону затонов, одиноких построек рыбаков, охотников, небольших деревень. Параллельно, по горной дороге мчались автомобили, по рельсам — поезда. Все кругом двигалось, несло, спешило. А я спешил взглянуть на Овсянку хоть краем глаза, мимоходом, мимоездом взглянуть, чтобы навсегда запомнить эту заброшенную в глубине России, в центре Сибири деревушку, откуда вышел шестьдесят два года назад русский писатель, к чьему слову сегодня мы прислушиваемся, чьему слову верим. Его слово возникает из глубин народной жизни в их великой ответственности перед временем, обществом и людьми. Утешение и вера в совершенство мира исходят от книг, вера в то, что человечество выживет и станет лучше.

А подзаголовок таким и оставляю: «Печальные беседы с автором «Печального детектива». Печаль его все же светла.

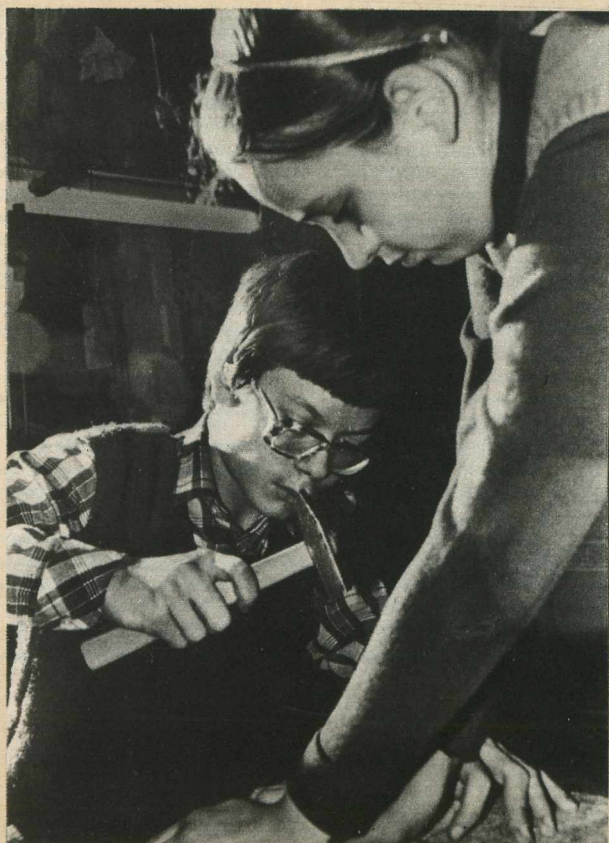
С Виктором Петровичем Астафьевым беседовал специальный корреспондент «Огонька» Феликс МЕДВЕДЕВ.

Красноярск — Москва.

КЛУБ, похожий на семью

Т. ШАХВЕРДИЕВ
Фото автора

Взрослые могут скучать и в одиночку, подростки — нет. Почти в каждом дворе свой табунчик с гитарой. Войдешь в подъезд, юные незнакомцы на ступеньках вежливо отстраняются, путь освобождают, и чувствуешь ты себя гостем непрощеным. И только когда дверь за собой затворишь, поймешь, что уже дома. Но тревога остается.

Спросите человека на улице, как он относится к современной молодежи, и если он увидит в ваших руках микрофон, то услышите:

— Хорошо отношусь! А как же! Наша молодежь образованная, талантливая, вперед смотрящая!..

— Вы считаете, что с воспитанием молодежи у нас все уже в порядке?

— Конечно! Все для них! И стадионы, и лагеря, и школы, и дворцы!..

— Значит, все хорошо? И бездельников молодых у нас нет, и хулиганов?

— Как нет?— удивится такому повороту разговора прохожий.— Ого, сколько их! Хватает! Житья от них нет. Возьмите, к примеру, наш двор...

И человек вам может рассказать такое, что лучше и не записывать. То же самое вы и про свой двор знаете.

Об одном из «не таких» дворов этот рассказ...

* * *

Кирилл Федорович Леонтович — психиатр. Работает посменно на «Скорой помощи». Так вот, ему хочется, чтобы вызовов было как можно меньше. Для этого, он считает, у каждого из нас (молодых и не очень молодых) должно быть, помимо прочего, любимое дело.

Такая нехитрая мысль.

...Однажды на дежурстве в загородной больнице Кирилл Федорович успокаивал мальчишку, нервного и хулиганистого. Слова летели мимо. Тогда он взял полено и стал вместе с этим самым Колькой строить яхту. Строгали и врач, и мальчик. И оба фантазировали. Слева были скалы, справа — пираты, но яхта неслась по морю скоро и ловко. Ветер им с Колькой помогал, а преследователей опрокинул. Дело в том, что их с Колькой яхта была мастерски изготовлена, а не тля-ляп, как у пиратов.

Мальчик старательно отшлифовал днище и приладил блестящий киль из раскоренной железной банки, придавший судну необычайную устойчивость при любом ветре. Кирилл же Федорович искал клей, краски, ткань для парусов — был подсобником...

Потом Кирилл Федорович на несколько дней покинул больницу, а когда вернулся, Кольки там уже не было.

Но вот неделю спустя ночью кто-то стучится: «Колька!» «Кирилл Федорович! А мы с вами яхту не доделали!» Мальчишка приехал сам. Они трудились всю ночь. Леонтович по телефону предупредил родителей мальчика, а в семь утра посадил Кольку на автобус и долго не мог забыть, как тот бережно прижимал яхточку к груди и был полон радости и достоинства.

И еще случай. Кирилл Федорович оказался свидетелем скандала, когда дворник застукал в подвале ребят, мастеривших магнитофон. Им хотелось собрать его своими руками. Они воровали детали и приборы, но пойти в радиокру-

жок, где все необходимое для них есть, не захотели. Не нравилось им что-то там. Пришла милиция, были крики, протокол, слезы матери, недоумение отцов...

И вот что он придумал, Леонтович. В своей собственной квартире организовал клуб-мастерскую «Левша».

Конечно, полагать, что его начинание найдет многочисленных последователей, нет оснований. Но у него вышло так, это традиция старомосковской семьи, их дом всегда был полон гостей. Отец слыл умельцем — ремонтировал, конструировал, изобретал...

Теперь квартира передана в нежилую фонд и стала клубом. Приглашаются в «Левшу» все желающие из окрестных домов. Это мастерская для всех. Если надо что починить — велосипед, к примеру, или приемник, или ваза раскололась, склеить надо, — милости просим.

Приходят. Вот, мол, утюг перегорел. Бери отвертку, плоскогубцы. А знаешь, как электричество по проводам бежит? Вот послушай...

Позвал Леонтович и тех самых подростков «неблагополучных», что на заметке в детской комнате милиции, у психиатров. Тяжелые ребята. Не идут они в спортивные секции, кружки самостоятельности, плохо учатся, не слушают родителей. Собираются вместе и маются во дворах от скуки. Ни к совести их не призвать, ни запугать... И так до первого правонарушения...

В среднем клуб посещают тридцать — сорок человек. Посмотрите на фотографии и попробуйте определить, кто из ребят «неблагополучный», кто из них на милицеском учете, кто из них воровал куртки в школьной раздевалке. Не угадаете. Эти их геройства в прошлом. Им больше не занимается милиция, нет нужды в психиатрическом контроле — тихо и основательно ребята вошли в норму. Все было при деле — не до глупостей...

Неосязаемая педагогика: ее вроде бы и нет, а она все-таки есть. Свой метод воспитания Кирилл Федорович называет «хобби-терапией». Чтобы понять этот улыбочивый термин, послушаем его самого.

— Прибегает в клуб мальчишка, надо ему срочно саблю сделать. Время не ждет, враг наступает, через час на углу сражение! Без сабли нельзя.

Ну что ж, сделаем. Только из чего? Ищем, находим, пилим, точим. Ну, а рукоятка? Нет, просто деревяшка не годится. Что за сабля с простой деревяшкой? Нужен эфес. Красивый эфес! Сам же саблю делал! Вот здесь нанесем гравировку, орнамент. А здесь инкрустацию. Делается это так...

Мальчик завелся, про сражение забыл, железу в тиски, напильник в руки... Работает. Сделали мы с ним очень красивое оружие — ни колоты, ни рубить, только любоваться! На саблю мальчик потратил два месяца. Освоил и пилу, и рубанок, и сверло. Пристрастился к инкрустации.

...А бывает, что ребенку ничего не хочется. Хочется, однако, чтобы чего-то хотелось. Леонтович раскрутит, расшевелит фантазию ребенка, разбудит интерес к тому или иному делу. Оставаясь верным своей профессии врача, он позволяет себе быть любителем в разных областях ремесленной, рабочей деятельности и по крайней мере на первых порах учит ребят и плотнику, и слесарю, и токаря, и прочим ремеслам, требующим сноровки и умелых рук.

Инструмент и материалы списанные, станок токарный нашли на свалке и сами наладили. И родители из дому несут что старые кусачки, что кусок фанеры — ненужное. В клубе все найдет применение.

Взрослые тоже приходят. А по-

ОБРАЗ

чему нет?— подумал Кирилл Федорович. Тоже пусть мастерят, им же тоже хочется. Пусть учат детей тому, что знают сами.

Два раза в неделю: вторник и четверг. Вот инструмент, вот рабочее место. Чтобы не порезаться, левую сюда, правую сверху...

Не всегда родители угадывают призвание ребенка. Его ведут в авиамодельный кружок, и он ходит туда, но никто не знает, что в нем пропадает дар скульптора или биолога. А в это время в биологическом кружке скучает великий авиаконструктор.

В «Леваше» новичок сразу видит все и до всего может дотронуться. Может перебрать десяток занятий, а на одиннадцатом остановиться. А потом перейти к двенадцатому... Он свободен в выборе дела и его исполнении. Любая инициатива, если она не вредна для окружающих, одобряется. Даже если другому не кажется умной. Пусть ребенок сам найдет резон в своих начинаниях, а не найдет, пусть откажется...

Труд во все века был благоволен, в этом нет открытий, но Леонтович нашел ту форму вовлечения юного человека в трудовую деятельность, когда нет нужды внушать ему эту истину. Он там, где ему интересно, и делает то, что ему интересно.

В клубе живут петух задиристой породы и меланхоличная гусыня. Они ходят среди ребят, и те ухаживают за ними, убирают, кормят. Эти неожиданные в городе существа радуют детей, смешат, умиротворяют. Еще бегают там по полу перепелки, а в аквариуме плавают рыбы, саламандры, лягушки. В общем, всякая всячина в доме: и звери, и куклы, и верстан, и паяльник, и сверла, и провода, и гвозди, и доски, и станок токарный, и круг гончарный, и все, все, все...

Приходят сюда «на огонек», погреться, чаю попить, посмеяться, поговорить о любви и дружбе, о войне и мире, поиграть на гитаре, сколотить скворечник, заточить ножницы, построить авианосец в подарок дедушке, отремонтировать замок, прибить набойки на каблучки, проявить пленку и снова поболтать и посмеяться... Как вы понимаете, перечень конца не имеет. Это жизнь ребенка. Та, что после школы и домашних занятий.

Раньше семья Леонтовича, хлебосольная и мастеровитая, походила на клуб, теперь Кирилл Федорович в бывшей своей квартире организовал клуб, похожий на семью. Все друг друга хорошо знают, и все тянутся друг к другу: и дети, и родители. Эта общность не отменяет и не заменяет домов пионеров, станций юных техников. Дворовый клуб дополняет их, и не влечет подростков отсюда подворотня и окрестная пацанья вольница. И подростковых эксцессов в окрестных дворах не случается— об этом мне в местной милиции рассказали. «Вот если бы таких Леонтовичей было побольше!»— вздохнули в милиции.

Я спросил Кирилла Федоровича, сколько, по его мнению, может быть в городе таких, как он, добровольцев-воспитателей. Предполагая, что он, возможно, знает еще двух-трех подвижников, я услышал с удивлением: «Миллион!»

Оказывается, в Черемушкинском районе Москвы провели опрос населения, и каждый десятый взрослый москвич проявил готовность добровольно и бесплатно заниматься с подростками по месту своего жительства. При этом неизменно возникал вопрос: где, в каком помещении?

Каждый десятый — огромная сила. Но пока бездействующая, потенциальная. Надо превратить ее в реальную. А как? Давайте подумаем. Есть же прекрасный пример тому: клуб «Левша», Кропоткинская, 6, за дежурной аптекой направо. Нежилое помещение. А какая в нем живая, симпатичная компания! Заходите, гостем будете. Другом станете.

Можно ли поверить алгеброй гармонию, найти равновесие между ними? «Леонардо да Винчи был не только великим живописцем, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики», — писал Фридрих Энгельс.

В наши дни, когда разделение труда достигло гигантских масштабов, многие задаются вопросом: навсегда ли канул в Лету или, может быть, возродится на новой основе «век Леонардо»?

Лично для себя каждый по-своему решает задачи избавления от издержек узкого профессионализма, разнообразия жизни и деятельности. Но в этом есть и проблема для всего общества. Всестороннее развитие человека, гармония личности — одна из программных целей нашей партии.

Сегодня мы рассказываем о человеке, который нашел свой путь равновесия между алгеброй и гармонией, — академик Борисе Викторовиче РАУШЕНБАХЕ, авторе фундаментальных работ по управлению космическими аппаратами и книг о живописи.

Александр ЛЕВИКОВ

ПРОШЕЛЕСТИТ СЕРЕБРЯНО КРЫЛО...

Я сказал академику Раушенбаху, что прочитал все написанные им книги. Первой его реакцией было: «Сумасшедший!» Затем: «Несчастный». И наконец: «Так что же вы в них поняли?»

Что может понять гуманитарий в работах о вибрационном горении и выборе рациональной меры устойчивости самолета? Я искал в них связь с искусством.

Неужто человеческая душа наглухо разделена непроницаемыми перегородками, подобно отсекам корабля? Сквозь страницы о генерации энергии процессом горения мне хотелось прорваться в иную стихию, в другую галактику человеческого сознания, где формула — ничто, образ — все, где алгебру теснит гармония и слова обретают упругость, наливаясь ветром поэтического смысла.

Показалось, что стоит расслабиться, довериться капризам таинственных знаков — и сквозь туман описываемых автором вибраций под крылом самолета, обретшего наконец желанную устойчивость, серебряно прошелестят крылья рублевских ангелов.

Хотелось узнать, как стал академик Раушенбах, специалист по системам управления, механик и математик, автором книг о живописи. Книг, получивших признание Эрмитажа и Третьяковки, выпущенных Институтом искусствоведения, перевернувших некоторые казавшиеся незыблемыми представления о творчестве Андрея Рублева, Дионисия, Феофана Грека, мастера Древнего Египта, Индии, Ирана, манеры письма Сезанна. Поэтому я и искал в технических работах профессора Московского «физтеха», действительного члена Международной академии астронавтики, лауреата Ленинской премии за сугубо научные работы — искал признаки художественного восприятия жизни. А когда нашел — так мне показалось, — составил гипотезу о его судьбе.

Скорее всего, предположил я, увлечение

Книги академика Б. В. Раушенбаха.

живописью было острой потребностью с детства, но любимый учитель, физик или математик, увлек впечатлительного мальчишку в другую сторону. Вероятно, он до последнего момента колебался, не понимал себя, мог пойти в Суриковское, мог и в авиационный. И все же предпочел лирике физику, эта страсть оказалась сильнее. Душа, однако, сопротивлялась иссушению, и в какой-то переломный момент, когда был он уже известным ученым, пробудилась вторая сторона его натуры. Так я себе вообразил, когда шел к Борису Викторовичу.

— Ничего похожего! Академик выливает на мою голову ушат холодной воды. — Откуда вы взяли? Гипотеза неверна.

— Но разве не увлечение живописью привело вас к сочинению книг по искусству?

— Нет, не оно. Я обратился к живописи из чисто практических соображений. Как вам объяснить... Разрабатывал системы ручного управления космических аппаратов и прочих объектов такого типа, где у пилота нет прямой видимости, перед глазами телевизионный экран. И возник вопрос: как провести, допустим, ручную стыковку двух космических аппаратов, если сам ничего не видишь, а смотришь лишь на экран?

— Да живопись-то здесь при чем?!

— Прямая связь! Задача, которую я решал

И Ф О Р М У Л А

как техник — насколько точно экран передает зрительное восприятие, — аналогична вопросу о том, верно ли передает пространство художник. Вы полагаете, верно?

— Репин, по-видимому, верно, а какой-нибудь неважный художник...

— И Репин, и кто угодно! Правильно передать пространство живописец не в силах. Ошибки неизбежны. Я находил их на фресках Рафаэля, в картине Пименова «Перед выходом на сцену», в «Песне» у Филатчева, в творении Паоло Веронезе «Пир в доме Левия» — нарочно беру мастеров разных эпох и школ. Поймите, неточности, искажения в передаче пространства объективно неизбежны, от мастерства это не зависит. Если нужно правильно написать пол, художник передает с незаметным искажением стены. Когда важнее боковая стена, он неточно передаст пол, потолок и дальнюю стену. Конечно, я говорю не о соответствии художественному замыслу — тут у мастера отклонений нет! Речь о другом: насколько согласуются масштабы при изображении предметов, находящихся на разных планах? Выдержано ли внешнее их подобие? Точно ли передана глубина? И выясняется, что перспектива, например, открытая великими мастерами Возрождения, передает подобию без искажений, но зато масштаб — с большими ошибками. А когда вы попытаетесь точно взять масштаб, незамедлительно возникнут ошибки глубины. Своего рода тришкин кафтан. И тут бессилён даже Леонардо! Любопытно, обнаруживается своеобразный закон «сохранения ошибок в живописи».

— Как бы вы сформулировали его?

— Надо подумать... Пожалуй, так: «Можно перемещать ошибки с одного элемента картины на другой, но нельзя уменьшить суммарное значение их, всегда остающееся постоянным». Да, что-то в этом роде.

ДВЕ СТРАСТИ УЧЕНОГО

— Я бы не стал, доведись начать жизнь заново, смолоду развиваться как «чистый» искусствовед. Все-таки основная специальность принесла мне больше творческой радости, удовлетворения. Я сделал в ней интересные вещи. Там мои корни, — говорит академик Раушенбах, может быть, вспоминая в этот момент свои разработки в области системы управления и ориентации искусственных спутников и аппаратов для полета в дальний космос.

С детства было у Бориса Викторовича одно увлечение — всем, что летает. Сначала — модели, позже — планеры, еще позже — самолеты, ракеты. Преподаватель школьного авиамодельного кружка, научивший его мастерить нехитрую штуку с крыльями и хвостом, может быть счастливым: не каждому удастся раз и на всю жизнь запустить человека в полет.

В далекие теперь уже годы одиссеи планеров судьба свела его с Сергеем Павловичем Королевым, позже работали вместе. Дело, которому Королев себя посвятил, вспоминает Раушенбах, обязывало отдаваться целиком, безоглядно. Но целеустремленный человек обычно сожалеет о том, что у него нет возможности отвлечься. Нет иного выхода, и он подчиняется, а в душе... Академик Королев был человеком высокоталантливым, разнообразно одаренным. Любил художественную литературу. Иногда чуть ли не целыми главами читал наизусть Льва Толстого.

— Вы слышали?

— Неоднократно! И читал превосходно. Конечно, он ничем не занимался, кроме своего дела, но скорее всего испытывал от этого извешный дискомфорт. Сознательно сузил свою жизнь, обстоятельства вынудили его к этому. Вы же понимаете, какая у Королева была работа! Другие интересы он вынужден был отодвигать, в том числе и увлечение литературой. Не знаю, стал ли бы он сам писать при иных поворотах судьбы, но из него мог бы полу-

читься высокообразованный литературовед или, скажем, мастер художественного слова, актер. Да, он мог стать прекрасным артистом. В нем был природный художественный талант. Королев вынужденно обеднил свою жизнь и в какой-то мере от этого страдал. Отдал себя целиком науке, космосу. И в этом не только научный, но и огромный гражданский, человеческий подвиг Сергея Павловича Королева. Если хотите, исторически необходимое его самопожертвование.

Леонардо да Винчи, современным языком выражаясь, имел множество профессий. Но наше время, считает Раушенбах, такой разносторонности не способствует. Скорее препятствует. В эпоху Леонардо один человек мог знать всю науку. А сейчас исчезло даже такое понятие, как «математик». Последний математик — Гильберт — умер. Остались геометры, алгебраисты, специалисты по функциональным анализам, топологии. Математики перестали понимать друг друга. В совете по механике и математике ВАКа, где Борису Викторовичу приходится заседать, часто не могут разобраться в диссертации, пока не пригласят соответствующего специалиста. «А ведь там академики сидят, членыкоры, профессора — цвет советской математики!»

— Случается, общественные процессы, дотя до какой-то черты, поворачивают вспять, — замечает он. — Не приведет ли чрезмерно узкая специализация к противоположной тенденции?

— Непременно! Уже приводит. Универсальность исчезает, и возникает потребность в компенсации ее. Поэтому, например, академик Мигдал, физик, занимается скульптурой. Формально любитель, но скульптор серьезный. Специализация иссушает, люди ищут занятия для души. Таких примеров сколько угодно. У одного из моих знакомых, физика, невероятное количество звукозаписей, музыка — его вторая жизнь, как у меня живопись. Хобби обычно лежит в области, далекой от профессиональных занятий, но иногда может перерасти в профессию. Когда вторую книгу по живописи написал, ощутил: перехожу из любителей в иную категорию. Ясно, что это не самодеятельная работа. Сейчас, могу сказать, у меня две профессии. Если бы почему-либо перестал заниматься механикой, мог бы, скажем, читать лекции студентам художественных вузов, работать в Институте искусствознания.

НЕПОНЯТНОЕ ДОСТУПНО ПОНИМАНИЮ

Сначала он занялся проблемами перспективы в древнерусской живописи. Знакомился с собраниями музеев, объездил во время отпусков почти все знаменитые соборы, где сохранились фрески, иконостасы, стал собирать альбомы. «Человек должен быть уверен, что непонятное доступно пониманию, иначе он не стал бы исследовать» — эти слова Гете академик Раушенбах ставит эпиграфом к своей первой книге об искусстве «Пространственное построение в древнерусской живописи».

Пять лет заняла первая его книга о живописи, еще пять — вторая, и на третью, похоже, уйдет пять. Параллельно, разумеется, с работами по механике, системам управления. Академия наук ему не выделяла, конечно, времени на искусство.

Механик и математик Раушенбах не касается цвета, светотени, не затрагивает чисто художественные задачи мастеров живописи. Он вычленяет для себя лишь пространство картины, понимая, конечно, что это условно и суживает обзор. Но ведь и передача пространства — для изобразительного искусства одна из серьезных проблем. Именно коренные отличия в отображении пространства прежде всего «шонируют» современного зрителя, когда он вглядывается в работы средневековых мастеров.

Древнерусские иконописцы ограничивали глубину пространства, делает Раушенбах первую группировку по существенному признаку. Сразу за персонажами — темный фон, завеса или стена здания. Зачем? Чтобы оправдать отсутст-

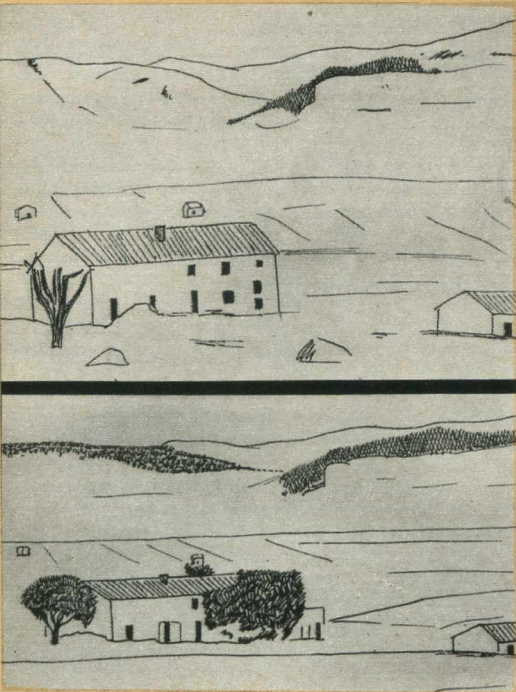
вие изображения дали? Конечно! Они же работали в системе аксонометрии. Для непривычного уха термин звучит чуждо, но дело «простое»: рисуй параллельными все линии, которые параллельными видишь в натуре. Метод возможен лишь для близкого переднего плана, иначе абсурд. Однако иногда требовалось что-то изобразить в отдалении. Вглядываясь в иконы, он понял: средневековый художник переходил от одного пространства к другому не плавно, как сделал бы современный мастер, а скачкообразно, притом маскируя эти скачки.

Бориса Викторовича поразило, как исключительно тактично сделано разделение двух планов в «Троице» Андрея Рублева. Почти слившиеся изображения крыльев ангелов сделали оригинальную «завесу». Она спрятала переход от близки к дали, где расположились строения, маврийский дуб и горы. Пересмотрев множество других «Троиц», Раушенбах обнаруживает, однако, и такие, где крылья у ангелов не сливаются. Например, в «Троице» XV века из села Бородавы. Сравнил, поразмыслил. Нет, безусловно, прав Рублев! В этой композиции непременно нужна маскировка скачкообразного перехода, иначе горы окажутся в непосредственном соседстве с престолом. Рублев дал зрителю почувствовать расстояние.

Исследователя заинтересовали композиции, где по самой логике события надо показать направление, перпендикулярное нижнему срезу иконы. Река Иордан, допустим, должна течь на зрителя или от него, поскольку Иоанн Креститель и ангелы по традиции располагались на разных берегах. Как быть? Художник нашел выход: обозначил лишь небольшой участок реки в неглубоком пространстве картины, а затем воду «оборвал». Слева и справа от условного горизонта изобразил горы, четко ограничив глубину. Стремление к ограничению пространства, убеждает Раушенбах, заходило очень далеко. В клейме «Крещение» иконы «Богоматерь Владимирская» 1154 года из Благовещенского собора Московского Кремля художник даже превратил Иордан в небольшой пруд.

— Знаете, о чем я подумал, — говорит академик, — вглядываясь в некоторые древнерусские произведения искусства, например, фреску Дионисия «Брак в Кане Галилейской» из Ферапонтова монастыря или «Успенье» конца XIV века, предположительно кисти Феофана Грена? Не удивляйтесь и не посчитайте кощунственным по отношению к замечательным русским художникам: о фланце. Концы трубы с ободом и монтажными отверстиями...

Вверху — графический набросок картины Сезанна «Провансальский хутор вблизи Гарданна». Внизу — фотография пейзажа. Расчеты показывают, что Сезанн строго следовал зрительному восприятию при изображении поверхности земли, в то время как фотография искажает его. Поэтому обычные в литературе рассуждения о том, что Сезанн преувеличивает дальние планы, «растягивает» их, неправы. Надо говорить о том, что фотография преуменьшает дальние планы, «сжимает» их.

Иконописцы, утверждает Борис Викторович, пользовались чертежными методами. Разумеется, это было особое «черчение», род художества. Но фланец вспомнил не случайно. Мой собеседник советует хорошенько присмотреться к фреске «Троица» из киевского Софийского собора. Крышка стола этой фрески, как и фланец на современном техническом чертеже, развернута на зрителя. Изображены под прямым углом к горизонтальной плоскости стола и трубы. — Неумения рисовать здесь не заподозришь. Изображение круглого стола в виде овала отнюдь не было новостью для русского художника XV века. В праздничных рядах иконостасов Благовещенского собора в Москве и Троицкого в Загорске, созданных при участии Феофана Грека, Прохора с Городца, Андрея Рублева и Даниила Черного, столы на иконах «Тайная вечеря» показаны полными овалами, примерно так же, как сделал бы и современный художник. И тем не менее Феофан Грек пишет свою «Троицу» для новгородского храма Спаса Преображения за столом, показанным в условно-чертежной манере.

Он предлагает мне сопоставить разрез элентронного устройства на техническом чертеже (за раздвинутой влево и вправо крышью видна внутри плата со схемой) с иконой XVII века «Положение ризы господней». Там изображен Успенский собор Московского Кремля: часть стены поднята, подобно театральному занавесу, и мы видим внутри фигуры царя и первосвященника со свитами, идущих к месту торжества. Сходство приемов очевидное! Кстати, и пять глав Успенского собора даны в разрезе — типично чертежный прием.

Узнаю от Бориса Викторовича вещи, о которых прежде не задумывался. Перед древнерусским иконописцем, как известно, стояла весьма сложная задача: одновременно показать на картине события, происходящие в реальном трехмерном мире, и мир мистический, ирреальный. Хотя в средние века в его подлинности мало кто сомневался. Два мира — «видимый» и «невидимый» — предполагали не только существующими одновременно, но и на общей территории, в одной и той же области пространства. И что любопытно, говорит академик Раушенбах, если попытаться дать этому умению средневекового мастера математическую интерпретацию, то получается, что от художника требовалось изобразить... четырехмерное пространство! Трехмерное, объемное — это окружающая нас реальность. А вот четырехмерное...

Между тем, поясняет ученый, современная геометрия знает многомерные пространства, изучает их свойства. Формально они даже поддаются математическому описанию, но изобразить их невозможно. Все, что человек способен увидеть, — трехмерно. А средневековому мастеру надо было художественными средствами выразить мысль, по тогдашним представлениям бесспорную, что в обычном трехмерном пространстве («Скажем, вот в этой комнате, где мы с вами беседуем» — Борис Викторович смеется, заметив, что я невольно начинаю оглядываться в его кабинете, будто жду, что ангел высунет крылышко между столом и диваном) могут одновременно и независимо существовать две разные жизни. Мы и еще «нечто».

— Мистическое и обычное пространство для древнерусского художника, конечно, были связаны, но не материально, а духовно. Но как это изобразить?

— В самом деле, как?

— Наши средневековые мастера нашли способ. Из той же области художественного черчения. Как инженер показывает, допустим, внутреннюю часть трубы? Прерывает изображение в каком-то месте, делает сечение и окрашивает открывшуюся за этим «занавесом» часть другим цветом, заштриховывает. Примерно так поступал и древний живописец.

Вот новгородское «Успение», приписываемое Феофану Греку. Конец XIV века. Мастер обдумывал сюжет: богородица скончалась, окруженная скорбящими апостолами, а ее душа взята на небо явившимся для этого Христом. Таково церковное предание. Все происходит одновременно. Но Мария и ложе в реальном плане, а Христос — в мистическом. Что делает художник? Сечением прерывает изображение архитектурного фона. На иконе получается не одно, а два пространства: реальное, к которому принадлежит ложе Марии, апостолы, святители и архитектура и мистическое — с Христом. Художник всячески подчеркивает, что область мистического невидима для людей, окружающих ложе. Взоры всех обращены к Марии, никто не смотрит на Христа, хотя совершенно очевидно, что появление его среди учеников потрясло бы их. Тем более что появляется он в сияющих, светящихся одеждах,

но нет, никто его не видит! Только Марию! Художник дает понять: Христа не видно, поскольку он в ином пространстве.

— Пожалуй, такому решению не откажешь в логике и остроумии. А как это можно было еще изобразить?

— Нарисовать боженьку, сидящего на кучевых облаках!.. Именно так стали передавать границу между видимым и «невидимым» мирами со времен Возрождения. Однако геометрически очевидно: облака могут разделить лишь два участка реального — трехмерного — пространства, а не два слоя воображаемого четырехмерного мира. Требование «естественности» привело к очевидной нелепости. «Заоблачный» мир стали изображать теми же красками, что и земной. С точки зрения геометрической логики позднейшие художники сделали шаг назад по сравнению с Рублевым, Греком, Дионисием.

Именно в их произведениях, горячо уверяет меня академик, логически безупречные композиции на тему «Успение» вызывают и сейчас ощущение математической строгости, внутреннего единства. Великие мастера средневековья не знали современной геометрии многомерных пространств, но им были присущи огромное художественное чутье и столь глубокие размышления, что они стяжали себе право называться «преславными мудрецами, философами zelo хитрыми». Поставленные перед проблемой непротиворечивой увязки мистических преданий и повседневного человеческого опыта, они были вынуждены строить логическую схему, которая оказалась гениальной догадкой, своего рода интуитивным предвосхищением новейшей геометрии.

«ИДУ НА ВЫ»

Механик и математик, он вторгся в традиционное искусствознание — в ту его область, где занимаются пространственными построениями в живописи, — разламывая лед устоявшихся представлений, сокрушая необоснованные. Сказался и характер, нежелание считаться с манерами обходительного обращения.

Вот Л. В. Жегин объясняет причину появления на картинах древнерусских художников так называемых «иконных горок»: это, мол, искажение горизонта, вызванное «динамикой зрительской позиции», перемещением художника. Но горизонт в теории перспективы — бесконечно удаленная область пространства, и любые перемещения человека по отношению к нему, как математика учит, эквивалентны неподвижности. Сама постановка Жегиним задачи бессмысленна, негодует Борис Викторович.

Честное слово, я желаю своему герою побольше терпимости, помягче с оппонентами, полегче на поворотах. Нельзя так: чуть что — «иду на вы». Некоторая осведомленность о нравах в мире полемистов внушает беспокойство: не заедят ли? Но он не слушает таких советов. Новый оппонент — и вновь распрямляется в нем боец. Долгой диссертационное расшаркивание! Истина дороже авторитетов! Но вот, пробираясь от монографии к монографии, открывает он для себя Флоренского и по-рыцарски снимает шляпу. Какая работа! Надо же: в девятнадцатом году еще написал, а напечатано только в шестьдесят седьмом. Какое богатство мыслей в историческом обзоре! И прав, прав Флоренский: линейная перспектива, символ веры художников Возрождения, вопреки всеобщему убеждению не является единственно допустимой. Жаль, вторая часть исследования не была написана и точка зрения Флоренского на причины возникновения в древнерусском искусстве так называемой «обратной перспективы» осталась неизвестной.

Мы привыкли, что отдаленные части предметов на рисунке уменьшаются в размере. А у древнерусских художников, наоборот, увеличиваются! Почему она возникла, загадочная, вызывающая кривотолки и споры, «обратная перспектива»? Как объяснить ее недоумому нынешнему зрителю? После Флоренского он понял: никто из искусствоведов не поможет, двигаться к цели надо самому.

Через годы и годы исследований он придет к выводу: древние художники передавали пространство таким, каким его видели. В этом отгадка. Да, но почему они так видели, а мы нет? «Дрессировка», — шокирующий ответ Раушенбаха. Мозг, говорит он, подвержен внушениям. Вспомните свои детские книжки, затем фотографии, кино, телевидение, картинные галереи — мы с малолетства привыкаем к изображению, где параллельные линии по мере удаления сходятся. В этом смысле линейная перспектива давным-давно «отдрессировала» современного человека. В средневековье видели и воспринимали живопись иначе. При изображении в привычном для нас ракурсе сиденье обычной табуретки будет выглядеть слишком узким. Нашему зрителю не беда, «почувствует», что сиденье в действительности гораздо больше. А древнерусский художник? Вероятно, он не мог себе даже представить, что

на узенькой полоске сиденья можно с удобством и достоинством расположиться, например, святого...

Третья книга Бориса Викторовича Раушенбаха о живописи будет называться «Общая теория перспективы». Как и предыдущие, она одобрена ученым советом Института искусствознания. Половина книги — чистая математика, другая половина общедоступна. Иначе, говорит он, писать такую работу бессмысленно: надо дать возможность разобраться и математикам, и искусствоведам, и художникам. Китайской стены между различными видами человеческой деятельности, убежден Раушенбах, не существует. Даже внешне столь далекими друг от друга, противоположными, как наука и искусство.

Порывшись в папке, Борис Викторович протягивает письмо. Это просьба к нему одного из советов Академии наук участвовать в коллективном труде «Эстетические проблемы духовного освоения природы». Предполагаются статьи ученых-естествоиспытателей на темы, казалось бы, более сподручные для «лириков». От Бориса Викторовича ждут материал, связанный с взаимопроникновением познания и живописи.

Снова и снова говорим мы с ним о том, что естествознание и эстетика не антиподы. Гармония охватывает все. Глухих барьеров нет. Цивилизация в ходе своего развития нагромодила их немало, но личность сопротивляется урезанности, рвется наружу из тесных одежд. Расколотое сознание стремится к объединению. Пружина разделения труда сжалась почти до упора, и началось, пусть медленное, распрямление. Границы специализаций, професий размываются, открытия все чаще делаются «на стыках», да и сами эти «стыки» потихонечку начинают друг в друга прорастать. Не связано ли все это с предвидением Маркса о том, что на смену бесконечному дроблению придет перемена труда?

КОСМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Вот цитата из сочинений академика, так много сделавшего для торжества космической эры. Речь идет об искусстве, но посмотрите — у него и в книгах о живописи поистине космический обзор: «Действительно, не только византийское, древнерусское, средневековое армянское и грузинское искусство, как и искусство других стран, связанных с византийской культурой, обладает этой особенностью. Обратную перспективу можно обнаружить в средневековом искусстве Ирана, Индии, Китая, Японии, Кореи и ряда стран совершенно иной культуры».

Специалисты Эрмитажа, Третьяковской галереи, Русского музея живо интересуются идеями Бориса Викторовича, просят сделать доклады. Ему не раз приходилось выступать перед искусствоведами. В Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина прочитал цикл лекций — пять или шесть подряд.

Много ли ему самому дало столь активное приобщение к живописи? Что постиг для себя, для души? Насколько обогатило ученого-естествоиспытателя искусство?

— Прежде я совсем его не понимал, теперь понемногу начинаю понимать. Но еще слабо.

Слабо?! Вот достойный ответ самонадеянным! Сколько людей вокруг без достаточных оснований судят обо всем на свете с потрясающим апломбом. Две-три прочитанных статьи, случайно попавшая на глаза книга — и вот уже «знаток», эрудит, душа компании. Поверхностная информированность, достаточная, чтобы быть «в курсе», вытесняет систематическое изучение. Как часто узкий специалист, вполне компетентный в своей области, обнаруживает невежество в проблемах культуры!

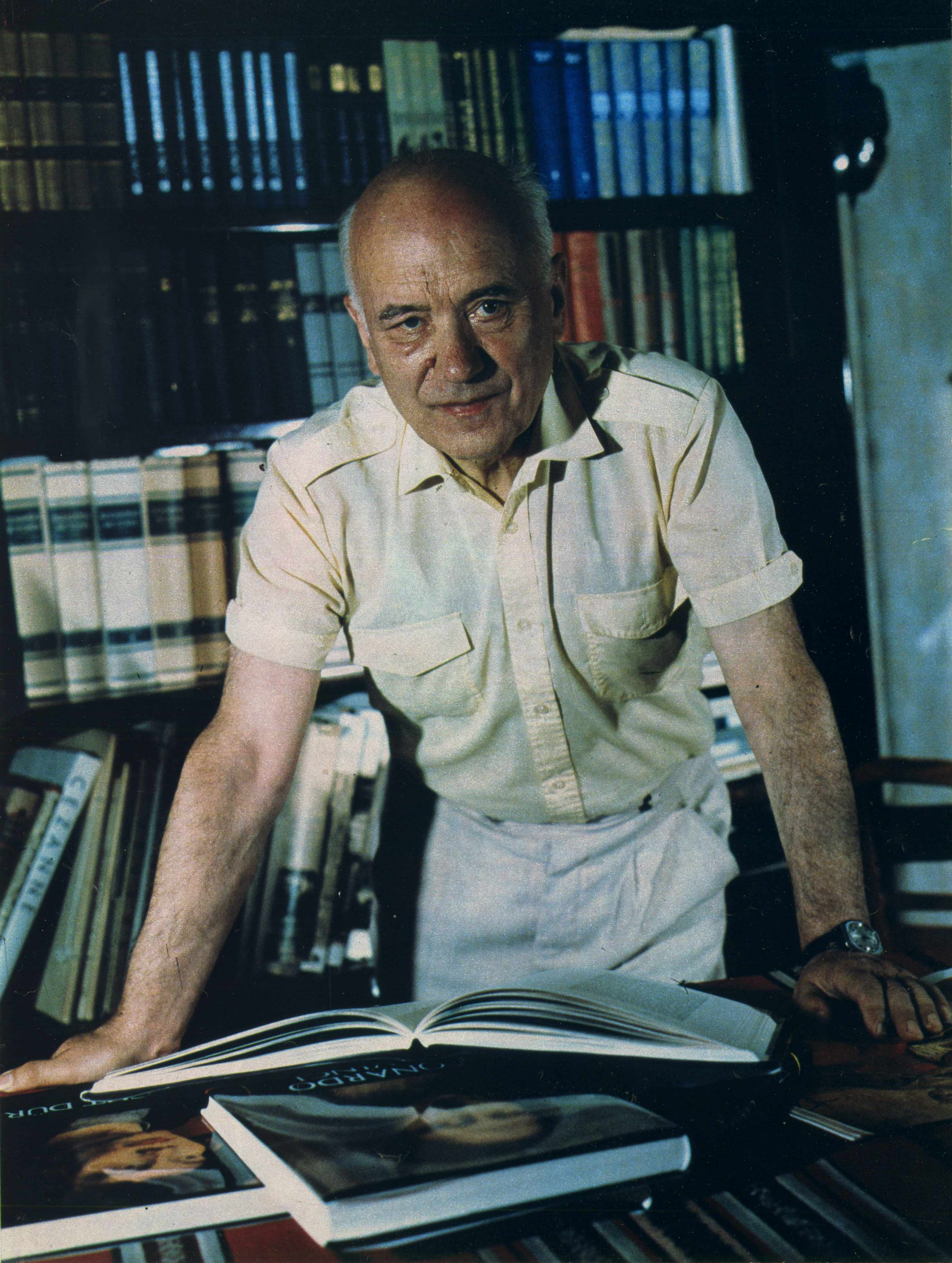
— Безусловно, моя эрудиция в живописи росла быстро, — говорит академик Раушенбах, — познания в искусстве сейчас несравненны с тем, что было прежде. Честно сказать, тогда я в живописи вообще ничего не понимал. Не осознавал, правда, но фактически так было.

Трудно осваивать новую область человеческой культуры. От всего приходится отказываться — от лишней прогулки, вечера в компании друзей, «нормального» отпуска. Чем эту страсть можно компенсировать?

— Радость... Радость познания...

Академик Борис Викторович Раушенбах.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

ПОЛДЕНЬ ЗА ОКОЙ

3

аповедные места на земле, которую мы давно уже называем есенинской. Рязанщина, районы Клепиковский и Касимовский; лето на закате... Когда-то пора хороводов и сидений на бревнах у мирского амбара...

«Привет тебе, жизни денница!» И дальше, помните! «Я думаю: как прекрасна земля и на ней человек». И только тот, кто противу всем соблазнам остался на своей малой родине жить и работать, пахать пашню и держать ответ за нее, за луга и леса окрест обезлюдевших с годами сел, только тот знает, что не умещается вся правда действительного в солнечных рощах, омутах разнотравья, за стенами домов с резными, как на выставку, наличниками — такой дом у пенсионера Федора Семеновича Казакова.

«...И лето такое короткое, как майская теплая ночь»... А ведь надо за лето управиться со всеми полевыми работами, потому что открылась возможность поднять плодородие несытой земли, не продавать ради рапорта тощак, беречь механизмы, без которых в поле мужик давно не воин. Лето летом, краса и впрямь несказанная, да работы сегодня много. И глаз хозяина не скользит умильно над землей, а зрит в корень. Таков Алексей Тукмахов из касимовского колхоза имени Калинина.

Отзвенят косы в лугах за Окой, часто — одна к одной — станут копны сена, отговорит роща золотая — минет скоро рязанское лето. Останется помнить о нем в долгие зимние месяцы: такое ли было, каким видели глаза? Хорошо быть-слыть на земле работником! Для рязанцев эта ширь, эти небо и земля, это долгомычащее и живое не экзотика и не сериал широкоформатных недель отпуска, а законное место проживания, чреватое все новыми и новыми заботами.

Белоствольные храмы березников, тропа во ржи!.. Как это дорого именно сегодня, когда осознанна программа обновления всего сущего на земле.

Н. БЫКОВ

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
В касимовском колхозе убирал клевер Алексей Тукмахов.

Здесь живет старожил поселка Ламша Ф. С. Казаков * Луга, луга... * Т. М. Фебина с внучкой Кристиной из деревни Немятово.

Фото М. САВИНА

Будущая учительница Марина Малышева.

ПОХОРОНЫ ЙОДРИКИСА

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Латышский писатель Алберт Бэл (родился в 1938 году) — автор ряда романов и сборников рассказов. Первая книга рассказов «Игры с ножами» вышла в 1966 году. Совсем недавно его роман «Корни» был отмечен премией Всесоюзного конкурса ВЦСПС и СП СССР на лучшее произведение художественной прозы о современном советском рабочем классе и колхозном крестьянстве.

Рассказ на латышском языке напечатан в 1983 году.

Алберт БЭЛ

С

тоял жаркий июльский день. Только под сенью кладбищенских лип, берез и кленов царил прохлад, можно было малость передохнуть после ходьбы под палящим солнцем.

Шестидесятивосьмилетняя пенсионерка Валлия Йодрике, известная всем в округе как Йодричиха, уже поведала главному должностному лицу сельского кладбища, где ее родня лежит, а где мужнина. Показала на месте обширную географию семейного захоронения. Одиннадцать могильных холмиков и в самом деле занимали самый лучший уголок, сочно разрослась на них зеленая рассада, песок отливала желтизной, над головой шумели липы, поблизости были водяная колонка и центральная площадь, где в дни поминовения усопших проводятся торжественные поминальные сходы.

Здесь и придется лежать Микелису Йодрикису, который скончался позавчера за час-два, так скоропостижно, что даже врач не успел прибыть. Ни сам Йодрикис, ни его жена с церковными обрядами никогда дела не имели, поэтому похороны предстояли гражданские,

вполне в духе восьмидесятых годов двадцатого века.

Всего четыре года назад, когда хоронили старшую сестру Йодрикиса Ольгу, кладбищем заведовал Вакстанс, но теперь он на пенсии и переехал в город к дочери. Уже не один год эту должность занимает товарищ из района, очень солидный на вид, держится с торжественной скорбью, почтенно, степенно, внушает доверие — как надлежит лицу, в чьи обязанности входит позаботиться о достойном предании земле усопшего, отведении места для могилы и уходе за ней. Единственный темный штрих, омрачавший этот светлый образ, — слухи, невеста откуда пополнилась. Люди говорят, что новый заведующий берет!

За свой долгий век Йодричиха уже привыкла, что всюду надо давать. Хочешь, чтобы тракторист вспахал приусадебный участок, — дай. Телевизор испортился, мастеру тоже надо дать, а то никак не сможет найти, в чем загвоздка, будет чинить месяцами и тебе же обойдется дороже. Хочешь купить что получше, дай продавцу, чтобы товару дорогу проторить к покупателю. Хочешь, чтобы врач сделал для тебя все, что может, ему тоже надо дать. Конечно, есть, говорят, врачи, которые не берут, но местный — берет. Иначе он никак не может вспомнить мудреные рецепты. И аптекарше надо дать, иначе лекарства, рассчитанные на тех, кому нужны лучшие лекарства, она не может выдать тем, кому достаточно обычных лекарств. Не гнать ведь за лекарствами в город! Надо дать, понятно, и искусственному быку, как прозвали здесь колхозники техника по осеменению, чтобы он позаботился о будущем теленке, иначе дело с потомством не имело стопроцентной гарантии. И трубочисту надо дать, иначе не будет тяги, как бы мастер ни старался за официальную плату. Надо дать электрику, дать возчику молока и тому, кто указывает тебе делянку, иначе дрова не хотят сохнуть.

Сама Йодричиха, к сожалению, занимает на общественной лестнице незаметное положение. Ей никто не дает. Пенсию привозят тютелька в тютельку, копейка в копейку. Она сама дает за доставку пенсии пятьдесят копеек, иначе у почтальонского мопеда засоряется единственная свеча зажигания. А вот сама Йодричиха за всю свою долгую жизнь не получила ни единого лишнего гроша.

Она порой размышляла над этой превратностью судьбы. Может быть, потому мне никто ничего не дает, что мое место ничего не стоит? А может быть, наоборот, потому не дают, что я сама чего-то стою? Может быть, потому я даю, что завишу от всех, а от меня никто не зависит?

Никто?

Так может показаться только на первый взгляд. Каждый месяц Йодричиха сдает от своей Йолиты до четырехсот литров молока и процент жирности держится высокий, молоко чистое, качественное. Каждую вторую осень она поставляет на рынок увесистую свинью. Каждый год выпаивает и выращивает хорошего теленка. Дает рынку картошку, свеклу, морковь, и если все вместе взятое оценить, то выходит, что все, кому она всегда дает, когда ей что-то надо от них, зависят от нее, но ей дают только, что положено, и ни копейкой больше.

Да, она привыкла смиряться и давать, но толки, что теперь надо давать и за предание земле покойника, — эти толки Йодричихе сильно не нравились, она надеялась, что слухи окажутся просто слухами. Мало ли что люди говорят!

Новый заведующий выслушивает ее рассказ о месте захоронения родственников с видимым интересом и сочувствием. Переспрашивает, сколько лет было Ольге, сколько самому Микелису Йодрикису, а потом этак запросто,

будто между прочим поясняет, что на этом месте никого хоронить больше нельзя, и Микелиса придется закопать на другом конце кладбища, где дорога и река.

Йодричиха внутренне вздрагивает, будто ее лягнула лошадь. Значит, люди правду говорят!

Йодричиха не какая-то серая бабка. Она читает газеты, смотрит телевизор. Она знает, что в стране неуклонно и успешно борются с отрицательными явлениями, борются с лихованием, вымогательством, злоупотреблениями служебным положением, из газет она знает также, что в борьбу включился широкий общественный актив и взяточникам, вымогателям и спекулянтам нет житья. Но при этом она видит, что в ближайшем окружении пока ничего не изменилось и, рассуждая по-государственному, заключает, что жестокая и непримиримая борьба успешно ведется где-то наверху, где обитают крупные акулы лихования, где плавают жирные, толстые спекулянты и вымогатели, а до мелкой сошки, до тех, с кем Йодричиха доводится изо дня в день иметь дело, — вот до них-то рука правосудия еще не дотянулась. Но дотянется и до них! «Жаль только, — вздыхала она в такие минуты раздумий, беседуя с соседкой Фридой, — жаль, что нам до этого не дожить, не увидеть этого своими глазами, больно уж стары, что тут поделаешь, ничего другого нам не остается, надо давать!»

И вот пришел час, когда Йодричиха возмущалась по-настоящему, до глубины души. Гроб из Огре доставлен, там тоже надо было дать, двух могильщиков наняла, и тут надо было дать, но сейчас она не пойдет на попятную, она знает, что новый заведующий темнит!

А он знай свое талдычит. В том углу, где семейная могила Йодрикисов, сейчас запрещено хоронить. Существует постановление исполкома, и он не может его не соблюдать. «Ах постановление? — осеняет Йодричиху. — Ну погоди, фрукт, я тебя сейчас проучу!»

— А если бы мне дали разрешение? — спрашивает она.

— Не представляю, кто может вам его дать? — недоумевает заведующий. — Но если вам дадут, я не буду возражать!

Далеко ли тут идти, всего-то полтора километра, и Йодричиха направляется прямо в исполком. Пусть и пятница, и вторая половина дня, но председатель на работе будет. И председатель не берет, он человек порядочный, это знают все. И, говорят, поэтому трудно ему приходится на своем месте.

Председатель у себя в кабинете, а многие работники уже ушли.

Так вот как, старина Йодрикис? Да, да, он помнит, так вот как, умер, значит? Да, да, есть такое постановление, видите, вот он, план, здесь будет мемориальный ансамбль, именно тут запроектирован один край ансамбля!

— Ну, а по другую сторону, рядом с братом моего отца, там еще и для меня места хватит, можно ведь могилу пустить полого, чуть-чуть наискосок, я и не стою на том, чтобы по эту сторону! А по ту — места еще довольно!

— Да, пожалуй, по ту сторону можно, надеюсь, ни у кого возражений не будет, — говорит председатель.

— Тогда напишите мне такое разрешение, — просит Йодричиха, — чтобы позволили мужа там похоронить!

— Нет ничего проще, — отвечает председатель.

Он пишет разрешение, отпирает сейф, вынимает печать, оттискивает на бумаге, провожает Йодричиху до двери и сердечно пожимает ей руку.

Идет Йодричиха с заветным документом в сумке на кладбище вся какая-то успокоенная. «Добилась все-таки правды, — думает она, —

ясно, мошенник этот может и без бумаги похоронить Микелиса, так нет, ни в какую. Хочет, чтоб дали! А я не дам. Назло не дам и возьму верх! Документ в сумке!»

Заведующий изучает бумагу с очевидным сомнением.

«Ну, что ты теперь скажешь, фрукт! — честит его про себя Йодричиха. — Останешься не солоно хлебавши!»

— Да, — глубокомысленно бормочет заведующий, — выглядит внушительно, а цены этот документ никакой не имеет!

— Как это не имеет? — вскрикивает Йодричиха.

— Да так. Постановление о прекращении захоронений в мемориальной зоне вынесла административная комиссия. И никто единолично не имеет права его отменить, даже председатель. Так что — цены не имеет!

— Что же мне теперь — комиссию идти собирать?

— Только комиссия может дать разрешение, вынести решение на общем заседании об исключении из правила! — объявляет заведующий.

«Ну фрукт! Ну фрукт!» — но вслух этого Йодричиха не произносит. Повернувшись на каблучке, как в молодые годы, откуда у нее только силы и прыть взялись, она бежит в исполком. Со стороны это выглядит, правда, слабенькой трусцой, но все равно, Йодричиха бежит бегом. Она этого так не оставит! Есть ведь на свете правда! В конце-то концов, что у них тут в поселке, Советская власть или самоуправство? Председатель не такой. Он заведующего отчехвостит!

Но исполком уже закрыт и сказано, что председатель уехал в районный центр и будет опять в понедельник.

А похороны в субботу. Уже ничего не отложись.

Тут Йодричиха идет к соседке Фриде.

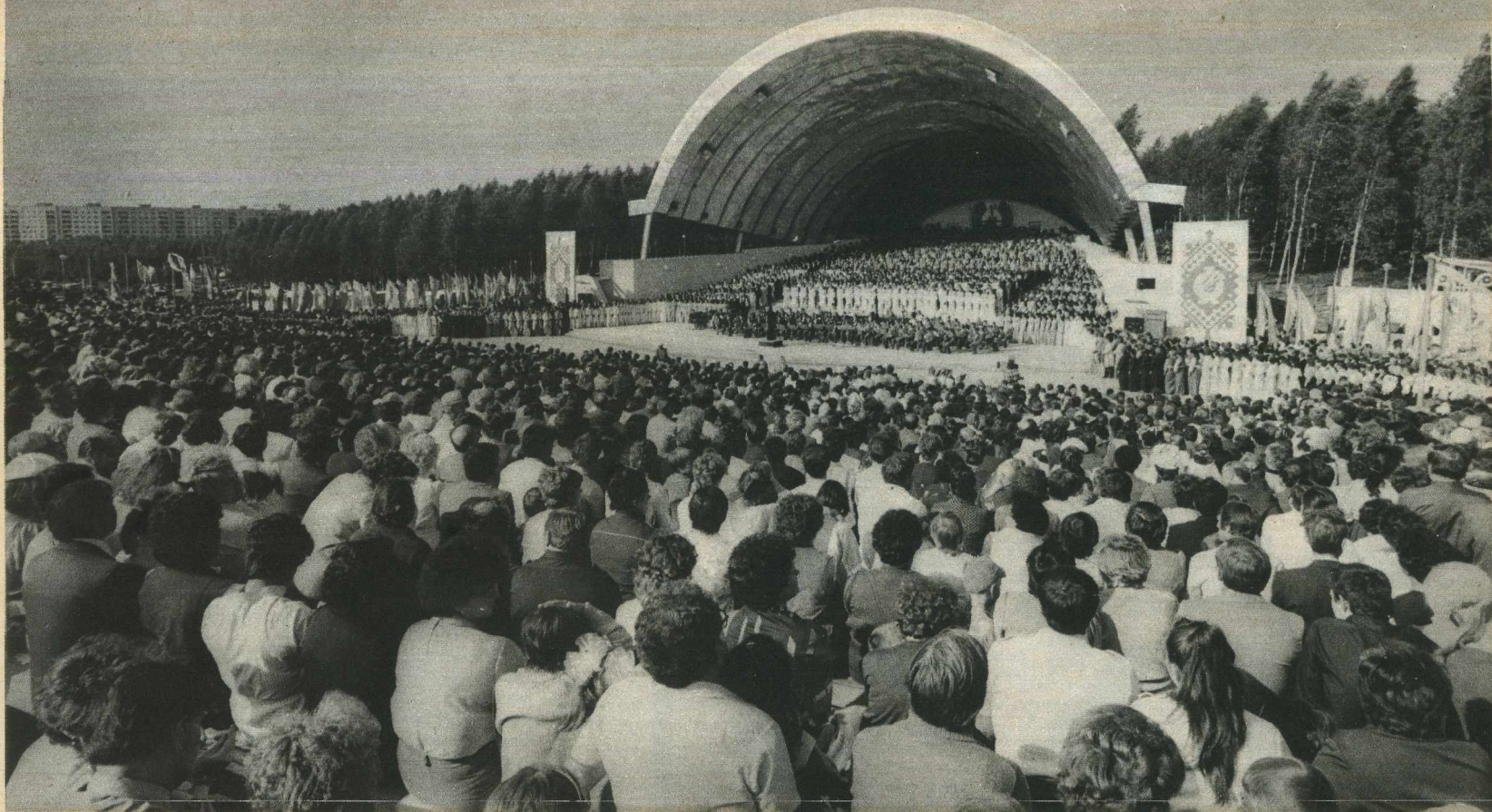
Йодричиха знает, что можно записать номер ассигнации, дать вымогателю, а потом нагрнуть со свидетелями, вытащить у мошенника из кармана живую улику. Но Фрида не хочет вступаться в подобное мероприятие. Чего уж там, милая, жалко тебе, что ли, сунуть немножко. Другого вместо этого поставят, может, еще больше заломит! Фрида уж и так и сяк ее урезонивает, а Йодричиха прямо зло разбирает. Скоро уж самим на кладбище место понадобится, — продолжает Фрида, — пойдешь наперекор, дадут участок еще похуже, совсем оторвут от родни, от наших мужей. Нет, нет, Фрида не пойдет мараться, не тот случай, нельзя похороны с милициями, со свидетелями в один котел валить, в Риге, к примеру, еще больше надо дать, говорят, если хочешь хороший участок, там тоже без этого не обойтись, а если Йодричихе после всего не хочется идти к заведующему, пусть даст ей, Фрида снесет, сунет, все уладит! Йодричиха еще вроде бы усмехается. Уж в Риге, мол, такого быть не может, но на том все ее силы и решимость иссякают, и она сознает, что сейчас сдастся. Коли уж всю жизнь покорно совала, придется сунуть и теперь, на прощание с мужем.

У нее отложены две бумажки по пятьдесят рублей на водку для поминок, придется с одной расстаться. Не то что денег жалко, да вот беда, сейчас дома не нашлось наличных, на свете, конечно, полным-полно людей с деньгами на сберкнижке, а им с мужем все как-то не удавалось накопить. Недавно вон пришлось избу заново перекрыть, хлев отремонтировать, проселок к их хутору тоже надо в порядке содержать, да Ольгиным детям взаймы денег дали, потому у самих кошельки и пустоват.

После поминок гости распрощались еще до полуночи. «Какой позор, какой позор!» — шепчет Йодричиха, ворочаясь в постели, и все не может заснуть. Разве это поминки, так никто и не напился. Гостей много, водки мало, теперь ее ославят за скупость!

Йодричиха засыпает только под утро и видит во сне своего мужа, Микелиса. Он сидит на скамейке у клетки и чинит грабли. «Даже мертвый работает», — дивится Йодричиха в дреме. Пробудившись, она обдумывает сон и решает, что это к холодам. Неужто зарядят дожди? «Только бы осень, — думает она, — только бы осень выдалась хорошая!»

Перевела с латышского
Людмила ЛУБЕЙ.

На Певческом поле.

ЧИСТЫЕ РОДНИКИ ОТЕЧЕСТВА

В эти дни на улицах, в парках, магазинах и гостиницах Тернополя можно было увидеть толпы людей в ярких национальных костюмах. Мужчины и женщины, пожилые и молодежь с обветренными в поле лицами были одеты в красочные одежды, какие может создать на протяжении веков только народная фантазия. Их было так много, что весь город вокруг них казался удачно построенной сценической декорацией.

Еще бы! В сравнительно небольшом городе собралось восемь тысяч гостей, прибывших на праздник народного творчества со всех концов Украины. Кроме того, тысячи тернопольцев перерывали бабушкины сундуки, а участники самодеятельных хоров, оркестров, ансамблей, народных театров опустошили костюмерные: на многие

мероприятия этого праздника, проводившегося в рамках Второго всеукраинского фестиваля народного творчества, театрального или этнографического костюмы служили одновременно и пропусками.

Праздник начался на стадионе. Под аплодисменты тысяч присутствующих на поле стали выходить духовые оркестры, хоры-бригады, танцевальные ансамбли, целые взводы и роты барабанщиц, бандуристов... Потом состоялся большой концерт, в котором было так много исполнителей — и самодеятельных, и мастеров искусств, — что часто нельзя было со всей определенностью разграничить, где артисты, а где зрители.

А в парке имени Ленинского комсомола меж островками березовых рощ на два дня выстроился волшебный городок. У каждого

домика или гончарный круг, или ткацкий станок, или мастерская, где из лозы и камыша на ваших глазах выплетаются самые разные предметы и вещи: от кошелька до садовой мебели.

Небольшие фанерные домики изнутри да и снаружи до самых крыш увешаны расшитыми рушниками, коврами, сорочками, скатертями. Тут и кружева, и шитье бисером, и художественные панно, созданные одной иголкой: стежок к стежку, ниточка к ниточке...

К фестивалю было приурочено открытие Певческого поля — первого на Украине. Тернопольцы соорудили его методом народной стройки в живописной долине молодого лесопарка. На одном склоне полукружием закрывает небо раковина гигантской эстрады, а на

другом, лицом к ней, — бесконечные ряды сидений для зрителей.

На сцене расположились Государственный хор имени Г. Веревки, Чернасский и Волынский народные хоры, знаменитая капелла «Думка» и еще десятки профессиональных и самодеятельных хоров.

Были особые минуты на этом празднике: сводный тысячеголосый хор запел «Ревет и стонет Днепр широкий...» — и все поле, десятки тысяч присутствующих подхватили бессмертные слова Тараса Шевченко. Потом на эстраде выступали солисты и отдельные коллективы, а когда зазвучала песня «Широка страна моя родная...», то снова всколыхнулось людское море по всему склону до самого горизонта...

С. КАЛИНИЧЕВ

Народный умелец Борис Черпук приехал из Кременца.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Духовым оркестром дирижирует народный артист УССР Василий Охрименко.

Красочный костюм — это пропуск на праздник.

ВПЕРВЫЕ В ШАХМАТОВЕ

Лето 1924 года

Каждое первое воскресенье августа в Подмоскowie проводится традиционный праздник поэзии, посвященный Александру Блоку. Здесь, в Шахматове, теперь создается Государственный историко-литературный и природный музей-заповедник А. А. Блока. Одним из инициаторов его организации был «Огонек».

История блоковского Шахматова, как история пушкинского Михайловского, Ясной Поляны, Спасского-Лутовинова, привлекает широкое внимание всех, кто любит отечественную литературу.

Автор публикуемого очерка — Петр Алексеевич Журов — писатель, литературовед, живет в Москве. Родился он 14 (26) августа 1885 года в Иваново-Вознесенске, в 1913 году окончил славяно-русское отделение филологического факультета Петербургского университета. П. Журову принадлежат статьи о Л. Толстом, А. Блоке и других русских писателях, воспоминания о С. Клычкове. В 1920-е годы он принимает деятельное участие в работе Блоковской ассоциации в Москве, совершает поездки в подмосковную усадьбу поэта — Шахматово, в окрестностях которой разыскивает и описывает сохраняющуюся часть библиотеки Бекетовых — Блока. Изучая связи поэта с Подмосковьем, исследователь приходит к выводу, что Шахматово было «духовной родиной Блока, родиной его поэтического самосознания». Очерк «Впервые в Шахматове» содержит ценные свидетельства, которые помогут реставраторам воссоздать дом и усадьбу поэта.

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

П. А. ЖУРОВ

«По вечерам я всегда обхожу сад».

А. Блок

В жизни русских писателей природа имела особое образующее значение. Она формировала и питала их творчество. Об этом хорошо сказал Тютчев в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...»:

В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Для Блока природа была одухотворена. Она была вместилище высоких и низких, добрых и злых сил. «Меня тревожили знаки, которые я видел в природе». Сама Душа мира проходила по земле Блока.

Для Блока природа и Россия совмещались в Шахматове. Одно Шахматово! Всегда Шахматово! Везде Шахматово! Блок не видел нашего Севера с озерами и монастырями, не видел Поволжья (правда, был мальчиком в Нижнем Новгороде, видел Волгу. «Волга удивительно красива», — писал он матери, и все). Не знал средней полосы южнее Москвы. Даже пушкинский Крым и пушкинский — лермонтовский Кавказ не привлекали его. Удивительна и проблемна эта привязанность Блока к Шахматову. Даже в Петербурге, в «своем» городе, он нашел свое Шахматово в Шуваловском парке. Из Наугейма, из полюбившейся ему Германии, с Бискайского побережья ему хочется в Шахматово («Луга здесь такие же, как в Шахматове»). Говоря словами Блока, Шахматово было для него «узкой полосой», по которой проносится «дыхание духа».

Чтобы приблизиться к Блоку, чтобы понять Блока, увидеть Шахматово стало необходимостью.

Из Москвы в апрельский день 1924 года отправляюсь в Шахматово.

На станции Подсолнечной спрашиваю дорогу в Шахматово. (Это было наивно, но мне казалось, что здесь должны знать Шахматово.) Мне указывают дорогу. «Далеко ли?» «Верст двадцать». К вечеру прихожу (тогда не было автобусов и лошадей на станции).

Какие-то остатки сада. И сразу передо мной встает монументальная, с высокой колокольней, каменная бело-розовая церковь. Перед церковью площадка. На ней одинокая могила. На плите надпись: генерал-аншеф Татищев. Спрашиваю людей у церкви: «Это Шахматово?» «Да, это Шахматово-Рыбное». За церковью видна деревушка. И так, это Шахматово, усадьба Татищевых! Не отсюда ли и Шахматово Бекетовых? «Где же Шахматово Бекетовых?» Бекетовых — Блонов здесь никто не знает. «А село Тараканово?» «Тараканово? Вона! Туда верст двадцать». (Оказывается, я шел в направлении в 40—45 градусов от должного.)

На другой день проселочными дорогами с помощью молодой крестьянки, которая шла в ту же сторону, к вечеру добираться до Тараканова. Старое село, крепкие домовитые избы... В конце села широкая площадка, справа школа, впереди, над спуском к рене, небольшая белая каменная усадебная церковь. Вправо от церкви небольшой пруд. Если отступить по ту сторону пруда, церковь отражается в воде. Вспомнилась строка из Блока:

И церковь упала в зацветший пруд...

И еще:

Люблю вечернее моление
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Это — Блок в Тараканове.

Таракановский учитель Михайлов мало что знал о Шахматове, о Блоке. Да, усадьбу разорили. Было время, когда ученики в школе решали задачи на листах бумаги, на обратной стороне которых были автографы Блока. Он принес мне книгу Блока: Минский Н. «Религия будущего», СПб, изд.

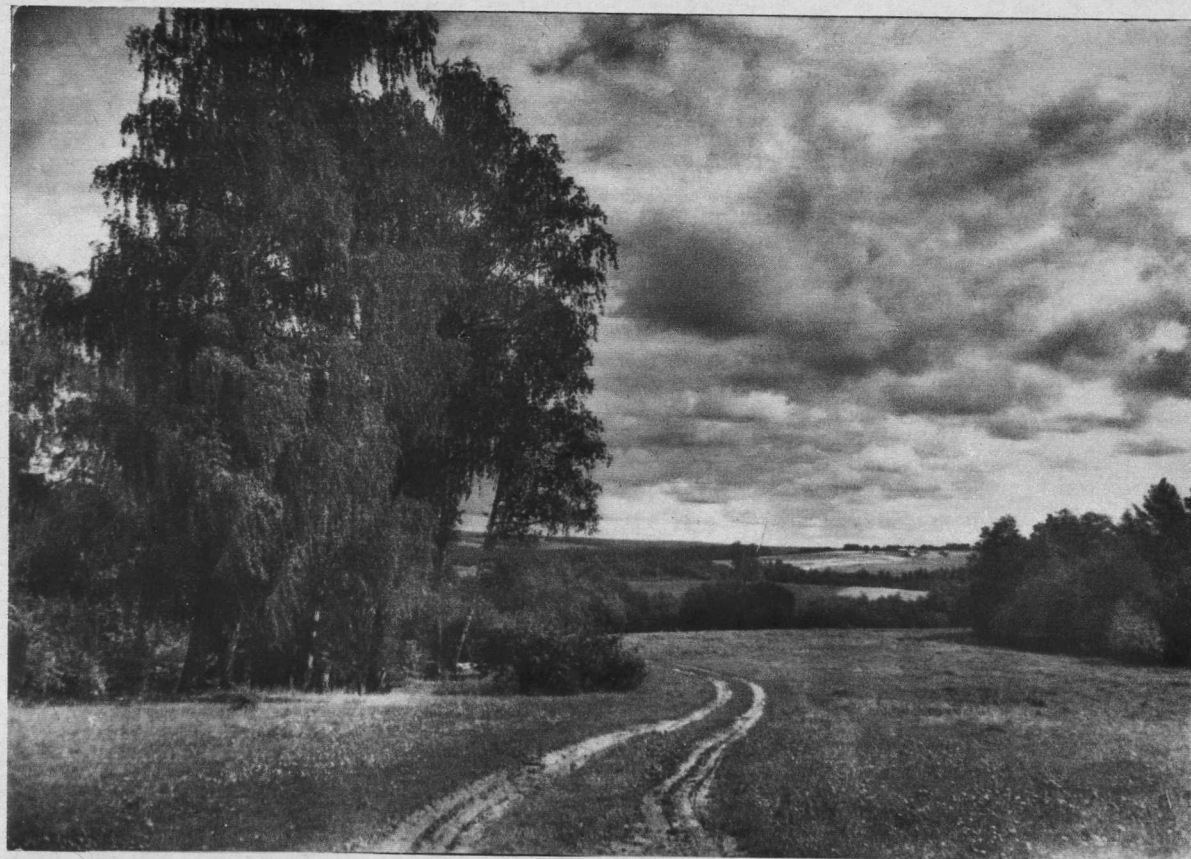
Пирожкова, 1905. Обложка сорвана. На заглавном листе надпись: «Книга принадлежит крестьянину д. Гудино Вл. Ястребову». Ястребов подарил эту книгу Михайлову, а, по словам Ястребова, книгу подарил ему Блок. В книге много подчеркиваний и отметки на полях. Михайлов сообщил мне о соседе и давнем знакомом Бекетовых и Блока — С. Д. Анфимове, старом учителе, проживающем на своем хуторе вблизи Шахматова.

На другой день с утра я отправился в Шахматово. Дорога до деревни Осинки идет полями. Осинки — небольшая, невзрачная деревня, выселки. Зашел в одну избу, чтобы спросить, как пройти к усадьбе. На стене большая фотография на паспарту: группа профессоров Петербургского университета во главе с А. Н. Бекетовым. Спрашиваю хозяина: «Почему сожгли дом?» «Стоял пустой — вот и сожгли».

После деревни дорога вскоре входит в высокий осиновый смешанный лес, спускается в глубокий лесистый овраг, подымается, сливается с дорогой вдоль оврага, а впереди, на узком хребтике — Шахматово; видны кроны двух тополей в группе других деревьев: берез, кленов и сирени. Перед садом изгородь — осиновые жерди прясла. Что же это — позднейшая изгородь? Нет, о ней упоминает Блок в «Исповеди язычника»: «Сначала мы поехали по давно знакомой дороге, по которой я ходил в детстве с няней. Привычная скамеечка на пригорке, осиновые жерди прясла с

Многоверстная, синяя русская даль... Шахматово.

Фото В. Молчанова.

отвисшей корой...» Вот эти осиновые жерди передо мной и тоже с отвисшей корой.

Сад заметно зарос и одичал. Перед группой деревьев с тополями площадка, за ней стоял дом. Еще видна обугленная земля, кусочки кирпича, обломки оконных наличников. За домом был цветник. На лужайке цветут маргаритки. Дальше полукружье сирени и акаций и пологий глубокий спуск в долину реки Лутосни; огромное небо и необъятная даль; луг между двумя стенами спускающегося из оврага леса, кустарники, поля и леса, белая колоколенка над невидимой речкой, снова поля и леса вплоть до далекого на небе венчика леса — многоверстная многоярусная даль. Справа от дома группа старых лип, две высокие сосны, липовая аллея, одна липа повалена, на двух ободрана кора. Дальше, к следующему оврагу, старые яблони, ближе к спуску уцелела дорожка, обсаженная елками, по крутому склону глубокого оврага обрывающаяся в заросший, высохший пруд, обрамленный старыми нависшими берегами и елями. И если наверху в саду светло и просторно, то здесь, на дне оврага, мрачно, стесненно, сумрачно. Сад совсем небольшой, меньше гектара, уцелели кусты шиповника, сирени, заметны следы дорожек, их мотив — закругление, изгиб. Гряды шиповника отделяла сад от двора, на левой стороне двора располагались службы, направо стоял флигель, вокруг которого блоки разбили свой цветник. От него уцелел дерновый диван. Ближе к выходу в поля было гумно. Старая ель на нем была подожжена и повалена. Со двора шла дорога по расширяющемуся хребтику полями — Бекетовскими запашками — на большак. Вдали видна Бобловская возвышенность. Двор от поля отделяет ряд не часто посаженных елок.

То не ели, не тонкие ели
На закате подвывают кресты...

Своеобразие шахматовского сада заключается в совпадении, в соединении крайних противоположностей: высокого и низкого, далекого и близкого, открытого и замкнутого в маленькой черте скромного, укрытого лесами и оврагами сада; огромное небо и простертая под ним земля, близ сада, где ступает нога и растет посаженное дерево, и многоверстная даль на восток и запад, дно оврага и обилие света наверху.

Это соединено противоположностей, переход от твердой и близкой земли в воздушные, вознесенные над землей пространства, чувство конца одного и начала другого отразилось и во внутреннем мире поэта, заложив в нем глубокую перспективность духовного зрения, склонность к системе целостно объединенных контрастов, чувство полета и перехода от одной действительности к другой, чувство социальных и личных кантализмов. Вспоминаются основные линии мироощущения поэта: «Владычица вселенная», «красота неизреченная и Незнакомка», «земной рай» и «Страшный мир», «Осаина» и страстей «гибельный пожар», он и его двойник, Она и Ее двойник, социальная революция и Иисус Христос с кровавым флагом, причем Блок берет низы революции, люмпен-пролетариат, лозунгами революции ополченных, — и авантюризм, то есть протонародного Христа с символом любви и жертвенности.

То же соединено противоположностей в деталях:

Все лучи моей свободы
Зааггели там.
Здесь снега и непогоды
Окружили храм.

То же и в эпитетах:

Черная злоба, святая злоба...

Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

Но что такое соединено противоположностей, как не высшая гармония? Поэт — сын гармонии, его назначение — освободить гармонию, облакать ее в слова или звуки, являть миру:

Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

Но все ли альтернативы учтены? А вот еще: деревья и усадьба. Блок задолго до революции понял, что усадьба обречена, что шахматовский сад погибнет. Об этом сказала ему шахматовская земля («Нисны, нисны»). В гибели усадьбы поэт видел возмездие. Как же это случилось?..

У подножия шахматовского сада на небольшом расстоянии, на берегу реки Лутосни, расположена деревня Гудино. Дом Владимира Ястребова. Старина уже нет в живых. Вдова Лукерья Ястребова указала мне сундук с книгами. В нем шахматовских книг не оказалось. Там были старые книги: книги на старославянском языке XVIII века; «Письма Платона к Павлу о вере и спасении»; Бар. Шиллинга, «Тоска по родине», т. 2, 4, М., 1818; Смирдинское изд. Карамзина, «История государства Российского», т. 11, 12, СПб., 1831; «Живопись и живописцы», Волф, СПб., 1859; Дмитриев «Путеводитель из Москвы до Санкт-Петербурга», М., 1859.

Рассказ Лукерьи Ястребовой: — Бекетовы — Блоки жили хорошо, покойно. Народ гудиновский их любил. Бывало, ходили к Лизавете Григорьевне, Любви Дмитриевне за лекарствами. Собирались мужики решать, что делать с усадьбой. Гудинцы говорят: оставить, как было. Шепелявцы: продавать! Врозь пошло. Гудинцы: не дадим! Но те взяли верх, предисполком Мазурин их сторону держал. Флигель старый у Григория в Шемякине, большой амбар у Володьки Усатого. Большаков увез к себе в Шемякино маленький домик-людскую, построенный Блоком. Бани в Гудине. Иконы семейные в Котове: не продавались с аукциона. На трех подводах книги и бумаги вывез в село Новое Вертлинский волисполком. Стол с синим сукном в село Новое, усадьба Живаго. Рояль сломали и разобрали. Ель взяли да пожгли. Дом весь был разобран, но стены на шипах, ослонены, остались одни стены, потолки, полы — все выдрали. Богатые пользовались, бедные боялись. Сожгли дом в живые в 21-м году: сейчас в поле рожь, и тогда была рожь. Дом горел, как свеча.

Поодаль от Шахматова в своем домике проживал старый учитель Степан Дмитриевич Анфимов, знавший Блока еще Сашурой. Жена его Марфа Алексеевна служила у Софьи Андреевны, тетки Блока.

Рассказ Степана Дмитриевича: — Сашура, мальчик 12 лет, ходил к нему с хозяйственными поручениями от деда. Ничем особенным не отличался. Был тщедушен, до студенческих лет говорил пискливым, тоненьким голосом — «пискун». Потом развился, стал рослым, но особенно цветущим не отличался: желтизна в лице. Взрослым до женитьбы часто ездил верхом. После женитьбы ходил пешком по селам и лесам в красной кумачовой домашней рубашке, длинный пояс и без картуза, или в белой, длинной. «Банщик!» — Блок смеялся. Сашура заходил и взрослым. Он говорил мало, шутил, смеялся. Однажды студентом за чаем прочел Державина «Бог». (И Степан Дмитриевич припомнил: «Я — царь, я — раб, я — червь, я — бог!») Блок был высок и рослый, не пренебрегал черной работой, брал косу, топор, помогал вбивать колья. Так же он работал и дома. Александр Александрович до мужиков не касался. Очень любил сад. В саду рубил, пилил, косил. Однажды зашла нищенка. «Ах, батюшка барин! Ишь тебе и голодный год не страшен. Пойдешь работать, все пол-

тинник заработаешь». Стала просить обувь. Блок снял свои ботинки и отдал ей. За поправки, кражи крестьян никогда не преследовали. Александр Александрович любил сеять. Но в хозяйстве были не сильны: доверчивы, неопытны. Александр Александрович беспокоился, что сарай загорится, если сено загорелось. Блоки в Шахматове жили уединенно.

Оставалось посмотреть Боблово. Окрестности Шахматова в сторону Тараканова и Боблова (долина реки Лутосни) открыты, просветлены, мелодичны в легких очертаниях холмов, полей, оврагов, перелесков, оживлены обилием хлеба, света, воздуха, а порой превращены в панораму явлений: грозы, тучи, туманы, зори. Неподдалеку за рекой проходит Рогащевское шоссе. Дорога в Боблово за Таракановом идет мелким безрезным (версты 3—4), за рекой внизу деревня Боблово, на высоком холме усадьба Менделеевых: большой парк, где стоял сарай, в котором ставились спектакли, фруктовый сад, где Блок на коне увидел розовую девушку; на высоком месте стоял дом; сохранился прочно сделанный фундамент. И если Шахматово зажато лесами и оврагами, то здесь широко и открыто и огромные светлые дали.

Неподдалеку от усадьбы находился небольшой хутор-усадьба, там еще жили родственники Менделеевых и старая «тургеневская» помещица Апраксина с сыном. Мне показали большой, почти во весь рост, девичий портрет Любви Дмитриевны, писанный ее матерью, Анной Ивановной Менделеевой. Портрет висел за дверью, и казалось: девушка лет шестнадцати в белом платье вбежала и, встретив незнакомых, остановилась. Золотистые волосы, синие глаза, темные брови, сосредоточенность, скрытность. Довольно большой и резкий нос. Лицо милое и чуткое, вспыхнувшее, но затененное и цепкой волей, вся — радостная весна.

Поздно вечером снова в шахматовском саду. Днем при солнце сад производил несколько рассеянное впечатление, теперь он стал собраннее, строже, величавее. Даже хорошо, что из него убрано все житейское — дом, службы; оц предоставлен сам себе. «Алые копыта заката» протянулись от Боблова, глубокая даль впереди под высоким небом розово озарена, в саду сгущаются вечерние тени, стоит настороженная тишина. Скоро темнота покроет все, и останется одно небо.

Есть что-то общее с наступлением ночи и судьбою сада: он гибнет, уходит в землю, сливается с лесом.

В последние свои приезды в Шахматово Блок чувствовал, что Шахматово «прошло», что надежда найти в нем «обитель дальнюю трудов и чистых нег» не оправдалась. В революцию Шахматово было оставлено Блоком на произвол стихиям ради новой России, ради всего человечества.

Если для древнего грека «все течет» и «в одну и ту же реку нельзя войти два раза», то для Блока все летит, все сменяется с удесятенной быстротой.

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком
глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь, — который
раз?

«Что счастье?» — спрашивает поэт и отвечает вопросом:

Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной
глуши?

Но позже в «Последнем напутствии» добавляет:

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

«РЕКОРДНЫЙ ПРИРОСТ» — ЭТО ЕЩЕ НЕ МОРОЖЕНОЕ

СЛАДКИЙ ПЛОМБИР, САХАРНОЕ «ЭСКИМО», А ГДЕ ФРУКТОВОЕ!

Неряшливая картонка: «Мороженого нет». Обошли три десятка московских киосков: та же картина. Лишь кое-где «эскимо» или большие пачки пломбира.

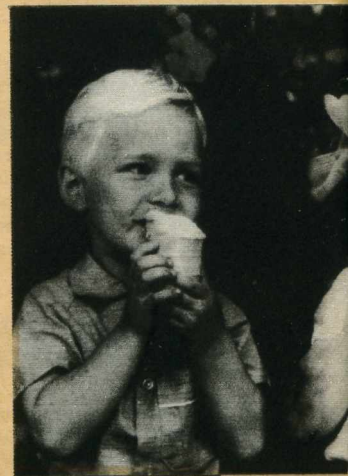
— Каждый день одно и то же, — сокрушается Нина Петровна Плюшкина, она тут работает продавцом. — Перед покупателями стыдно! Привозят сто килограммов, а в летний день вдвое-втрое больше продать можно...

Идем по цеху мороженого Московского хладокомбината № 8 — крупнейшего поставщика. Операторы в белых халатах. На линии — все то же «эскимо», которое только потому и не надоело, что других сортов нет. Неподдалеку монтажники собирают еще одну поточную линию.

— Налаживаем ее без остановок производства, — не без гордости объясняет начальник цеха С. А. Уткин. — Наш цех выпускает около десяти наименований мороженого («около» потому, что не каждый день — все десять), ежедневно производим более сорока тонн «эскимо», почти двадцать тонн пломбира в двухсотпятидесятиграммовых пачках и стаканах, одиннадцать тонн «лакомки», девять тонн весового пломбира, около четырех с половиной тонн «рожков».

Как видите, настрой высококало-

Вкусно!

●
ПРИБЫЛЬ
ПРОТИВ
АССОРТИМЕНТА

●
КОМУ
УДОБЕН
ДЕФИЦИТ?

рийный, сахарный, на очень сладкие, с большой долей масла изделия. Тут редко снисходят до недорогого мороженого, не переналаживают линии. План напряженный, и чтобы дать больше продукции, сокращается ассортимент. Раньше делали фруктовое мороженое, но нет теперь этой линии. Возникает вопрос: почему же убрали именно ту, на которой выпускали такое популярное и такое дешевое мороженое? Не потому ли, что прибыль от продажи пломбира втрое выше, чем от фруктового? Ассортимент? Его «расширяют» и весьма своеобразно. Четвертькилограммовую порцию пломбира можно завернуть в фольгу или положить в картонный стакан, вот и получают два вида мороженого!

В Росмясомолторге Министерства торговли РСФСР, который задает тон в производстве мороженого в Российской Федерации, нас заверили, что производство мороженого растет. Назвали цифры. Стали считать, и оказалось, что сегодня на каждого жителя приходится чуть более двух килограммов в год. Немного...

— В этом году на наших предприятиях будет достигнут рекордный прирост выпуска мороженого, — сказал начальник производственного отдела А. Г. Кладий. Но тут же стал жаловаться на несовершенное оборудование, на нехватку какао-порошка и орехов, а затем и на... солнечные дни, ког-

Мороженого нет, но есть полиэтиленовые пакеты.

Такие вот очереди возле киосков...

РЕПОРТАЖ
С ПРИСТРАСТИЕМ

**ХОЧУ
МОРОЖЕНОГО...**

да спрос на мороженое возрастает в несколько раз. Но ситуация складывалась не сразу, не за день, не за месяц, даже не за год. И предвидеть ее могли. За последние семь лет продажа мороженого в Москве удвоилась. Нынешним летом в столице ежедневно продают до 200 тонн, но аппетит у города с учетом гостей вдвое больше. Сокращение продажи спиртного тоже вызвало повышение спроса на мороженое. И хорошо это! Как же об этом не подумали те, от кого зависит, будет ли мороженого в достатке? Или для того, чтобы купить «эскимо», по-прежнему надо выстоять немалую очередь? Предприятия оказались неготовыми к увеличению выпуска и уже работают на пределе возможностей.

Рост потребления мороженого, похоже, не радует работников Росмясомолторга. В погоне за валом, за тоннами и ценой отрасли, не вступая в полемику о вкусах, идет по удобному пути: сужает ассортимент и гонит дорогие сорта. В прошлом году московскими фабриками было произведено пломбира три четверти общего объема, а дешевого и вкусного фруктового мороженого — один процент. Выразительное соотношение. В нынешнем году планируется увеличить выпуск фруктового до 5—8 процентов, но без особого разнообразия. Конечно, нелепо выпускать сразу десятки известных сортов, но наличие в продаже восьми — десяти наименований мороженого не только реально, но и необходимо.

Когда-то москвичи гордились: у нас делают лучшее в мире мороженое! Теперь этого не скажешь, теперь не принято приглашать в гости «на мороженое». Стыдно же поставить на стол неряшливые, мятые брикетки «эскимо» или неаккуратные вафельные стаканчики. Руководители отрасли сетуют на трудности, предлагают войти в их положение...

Многие рестораны сегодня включают в меню несколько десертов с мороженым, но не каждый же пойдет в ресторан. В Москве есть специализированные кафе-мороженое. Но мало. Увеличить продажу мороженого можно, если оно появится во всех кафе, а для этого нужны лишь желание, холодильники и расторопность. Торговать можно было бы и на летних площадках города, но лишь пятая часть их имеет воду, а как без нее помыть вазочку? Ведь о посуде разового пользования тоже не позаботились.

...Популярность мороженого растет. Оно перестало быть сезонным товаром. Его едят в любую погоду — и дети, и взрослые. Однако ни в Росмясомолторге, ни в Главторге Мосгорисполкома так и не смогли сказать, когда аншлаг «мороженого нет» исчезнет и его место займет табличка: «Сегодня в продаже...» А далее перечень — пять, а то и семь-восемь сортов мороженого.

По поручению редакции в очереди за мороженым стояли корреспондент отдела экономики быта А. МИХАЙЛОВСКИЙ, фотокорреспонденты А. БОЧНИН и А. НАГРЯЛЫН.

КАЗАХСКАЯ МЕЛОДИЯ

Вот осталась позади Кызыл-Орда.
Мчится поезд...

Полустанков чехарда...
По-казахски чья-то песня полилась,
Возвращая забытые года.

По-казахски звонко девушка поет,
Но киргизку в ней попутчик узнает.
Льет песня, согревая нам сердца,
Видно, радость ей умолкнуть не дает.

Льет песня, и колыхнется вагон,
Нас качает песня, легкая, как сон,
Словно мы на корабле в голубизну
Уплываем... и туман со всех сторон.

Как просторен нашей степи оком!
Как бездонны песни те,
Что мы поем!
В их мелодиях, раскинувшихся
Вширь,
Степи, залитые лунным серебром.

Я, забывшись, слушал песню
И мечтал...
Скорый поезд, словно море,
Рассекал
Степи древние, где вместо ковыля
Ветерок поля пшеницы волновал.

КУМЫС, ПРИВЕЗЕННЫЙ С ДЖАЙЛОО

Был полдень.
Солнце плавилось в июле.
Жара звенела.
Белые дома,
Томясь от зноя, окна распахнули,
Раскрывшись в мир,
Как доброта сама.

Решив жару на милость
Не сдаваться,
Машины обезумевшие мчатся,
Ища прохлады...
Душно в доме мне.
Зеленый мой джайлоо, как во сне
Тебя я вижу...

Вдруг в дверях возник
Нежданный гость.
И раньше всех приветствий
Кумыса запах в комнату проник
И обнял, словно друг, с которым
В детстве
Расстались мы.

...Глотнув из пиалы,
Я ожил, а душа помолодела.
И комната раздвинула пределы,
И облака — прохладны и белы —
Шли надо мной, и небо голубело.

На склонах гор колыхнется трава,
Дрожат цветы в редющем тумане,
И шепчут забытые слова,
И пахнут так, как пахли в детстве
Раннем.

И я увидел, как уходит солнце,
Как розовеют гребни дальних гор,

ГЛОТОК КУМЫСА

Сооронбай ДЖУСУЕВ

Как узкая река о скалы бьется
И, брызжа пеной, рвется
на простор.

Услышал песню юного джигита
И смех девичий,
Хрупкий, как хрусталь.

...Едва глотнув волшебного напитка,
Я различил чарующую даль
Счастливых дней —
Джайлоо летний луг...

Как много входит в эту пиалу!

КОСТЕР В ГОРАХ

Полночный ветерок ласкается
ко мне,
Прохладны и легки
его прикосновенья.
Вершины дальних гор забылись
в полусне,
Лишь крик совы порой раздастся
в отдаленье.

Незримая река стекает с горных
круч,
Мелодии воды одна другую
множат.
Пulsирует звезда,
ловя далекий луч,
И слушает реку, и глаз сомкнуть
не может.

И отсветы костра в изломах скал
дрожат...
И зоркие глаза ночных бессонных
тварей
Глядят, как у огня геологи сидят,
О чем-то говорят и поздний ужин
варят.

То по земле стелясь, то вновь
взмывая ввысь,
Горит в ночи костер, разбрасывая
искры.

Палатка у воды, светясь
как чистый лист,
Вбирает свет луны,
Лучи далеких истин...

ШОФЕРЫ ИЗ АЛАЙКУ

Эти шоферы из Алайку,
По трассе мчась,
Как джигит на коне,
Привыкли есть на своем скакуне
И спать на его спине.

И если сведет тебя с ними случай,
Заметить сможешь ты без труда:
Машины петляют по горным
кручам,
Как кони, послушные поводам.

Когда дорога юлит по гребню,
Их руки к рулю прикипают.
Мелькают под ними в долине
Кийки белыми облаками.

Когда пурга наметет снега,
Они придут и дорогу откроют.

И ты не забудь их в песне своей,
О них говорят недаром — герои!

РЕКА ТАР

То блестит,
камыш лениво вороша,
То бурлит,
скалу в излучине круша.
Пенясь, мчится,
каждый миг меняя вид,
Серебрится,
в брызгах жемчугом горит.
Черной тенью
в пену падает кулик,
В белой пене —
рыбы высверкнувший блик.
Трясогузки
шаловливые снуют,
Незабудки
голубеют там и тут.
Словно струны,
чуткой тронуты рукой,
Эти струи
позабыли про покой.
Крепко тайны
в глуби заводи хранят,
Лишь хрустально
скалы белые звенят.
Чтобы светом
озарить жилье в ночи,
Воду эту
до людей река домчит.
С клекотаньем
вырываясь из теснин,
Хлебом станет —
щедрым золотом долин...
Стой, напейся
из ладоней не спеша —
Словно песней
переполнится душа!

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ К СВАДЬБЕ

Влюбленные, пусть свадьба будет
доброй!
Вы две судьбы в одну дорожку
долгой
Должны соединить. Вы стать
должны
Созвучьями, что песней рождены,
И ваша жизнь пусть станет
ей подобной.

И пусть взрослеют дети в вашем
доме,
Не ведая вовек сиротской доли.
Пусть смерч огня ваш кров
не сокрушит,
Пусть вам судьба разлуки не сулит,
Пусть ваше счастье будет
долгим-долгим!

Храните в душах добрые порывы,
Храните верность чувств, покуда
живы.
Чтоб пламя очага могло гореть,
Чужие губы не целуйте впредь —
А только те, что нынче обрели вы.

Перевел с киргизского
Сергей ГОЛУБЕВ.

П. Гоген. 1848—1903. ТАНЕЦ БРЕТОНСКИХ ДЕВОЧЕК, ПОНТАВЕН (ХОРОВОД МАЛЕНЬКИХ БРЕТОНОК). 1888.

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

П. Гоген. КУПАЛЬЩИЦЫ. 1898.

Национальная галерея искусств, Вашингтон.

«Земля наша — чудо»

В 1936 году в республиканской Испании вспыхнул фашистский мятеж. В то время еще никто не знал, что он перерастет в долгую гражданскую, а затем национально-революционную войну, со всех континентов в Мадрид устремились добровольцы для помощи республиканцам. Волна симпатий к мужественному испанскому народу, вставшему на защиту свободы и демократии, прокатилась от Европы до Америки, в Испанию направились видные деятели культуры многих стран — Эрнест Хемингуэй и Мате Залка, Михаил Кольцов и Андре Мальро...

Но силы оказались неравными: против республиканской армии и батальонов добровольцев-интернационалистов была брошена отборная фашистская гвардия, вооруженная до зубов. Испания оказалась полигоном, на котором германский, итальянский и испанский фашизм, европейская реакция, объединившись, испытывали новейшие средства подавления демократии. Захватив власть, фашисты организовали в стране кровавый террор.

В самом начале гражданской войны в занятой фашистами Гранаде был убит великий испанский поэт и драматург Федерико Гарсиа Лорка. Он стал одной из первых жертв фашизма. Его расстреляли без предъявления обвинений и без суда, как расстреливали тогда всех, кто хотя бы сторонился новой власти. Почти шесть тысяч человек казнили в Гранаде и ее окрестностях за три года «нового порядка». В братских могилах остались рабочие и врачи, университетские профессора и крестьяне, республиканцы и священники. В одной из таких могил, где-то у дороги на Виснар, в гранадском предместье лежат четверо: школьный учитель, республиканец и атеист Диоскоро Галиндо, два тореро, заподозренные в связях с анархистами, — Франсиско Галади и Хоакин Арколяс, и поэт, чей «Цыганский романсеро» знала наизусть вся Испания, чье имя уже тогда по праву стояло рядом с именами Сервантеса и Лопе де Веги.

В Гранаде, на родине поэта, этот год объявлен годом памяти Федерико Гарсиа Лорки.

Мы публикуем рисунки (на 4-й обложке) и письма поэта, вошедшие в книгу Федерико Гарсиа Лорки «Самая печальная радость» (лекции, выступления, письма), подготовленную к печати в издательстве «Прогресс».

АДОЛЬФО САЛАСАРУ¹
вторник, 2 августа 1921 г.

Милый Адольфо!

Только что получил твое письмо и сразу сел за ответ. Как я тебе благодарен, ты и представить себе не можешь.

По вкусу статья твоя безупречна, а по сути — это настоящая ода. Спасибо, Адольфо! Огромное спасибо! Я таких слов не стою и потому благодарен вдвойне. Чем я тебе отвечаю? Ты ведь знаешь, что я люблю тебя всем сердцем — люблю по-настоящему и не переменяюсь. А что до твоих попреков моей книжке, так с ними я совершенно согласен. И сколько там еще изъянов!.. Я и сам замечал их еще прежде... недочеты всегда бросаются в глаза... но дело в другом, милый Адольфо. Когда я читал верстку, мне казалось (и кажется), что все стихи плохи, одно хуже другого. Спроси Маноло², как я терзался, — а что было делать? Знал бы, какая это мука. В книжке я не узнаю себя — меня нет там: я заблудился в диких зарослях набросков — сердце мое, сама простота и нежность, сбилось с пути, ступив на дорогу риторики, свернув к юмору, зайдя вообще неведомо куда, пока не вы-

бралось (кажется, выбралось под конец) на тихую ромашковую тропинку, где спуют переливчатые ящерики.

Вот видишь, как гнетут меня те стихи, что ты цитируешь. Дома у нас нет ни одной моей книжки — будто ее и вовсе не было... И если бы не родители (они убеждены, что я неудачник, раз обо мне не пишут), я бы никогда не заикнулся о статье.

Однако родители по-прежнему недовольны (экзамены я не сдал), и, конечно, им хочется, чтоб о книжке заговорили. Надо попросить Пейнадо Чико³ (моего делопропорядителя) разослать книжки в газеты; на том и кончим — хватит. Сам я поглощен тем, что делаю сейчас; думаю, это лучше и тоньше всего написанного прежде. Может, к осени кончу и отдам в печать. Если увидишь Канеда⁴, расскажи ему, в чем дело, и попроси, а не согласится, черт с ним — я, кажется, прошу не бог весть о чем, дело обыкновенное и не подлое.

Знал бы ты, сколько раз на дню я вспоминаю тебя! Есть дружба, которая течет, как вода, сквозь пальцы, есть как цветок в петлице — сунул и забыл, а есть истинная дружба, она как те каменные

колючки, которые дают сосать детям, когда режутся зубки; это спорыш, что не приметно оплетает сердце.

Особенно когда поют, вспоминая тебя; запоют — и нахлынет. А поют повсюду — и как! Ежедневно и ежечасно я убеждаюсь, что земля наша — чудо. Был бы ты сейчас рядом, так волчком бы вертелся, чтоб все разом увидеть.

Позапрошлую ночь над синими туманами Сьерры Невады встала луна — лиловая с прозеленью, а в доме напротив женщина пела колыбельную — золотой серпантинной ленточкой она вилась в ночи. В сумерки, особенно в сумерки уходишь в себя и грезишь — все зыбко, вот-вот рассеется... И сколько раз рассейвалось, оставляя мертвое серебро пустыни в жемчужно-розовых отсветах. А как просторна долина, как темны тополя у белых домов — разве об этом рассказешь!

Ночью звезды так ярки, что больно телу, а струи фонтана и ветра пьянят. Ночь дышит испуганно — что там Индия! В Индии таких ночей не бывает. И я думаю о тебе, что так естественно, — о тебе и обо всех, кто мне дорог, и хочу, чтобы ты поскорее приехал.

А еще я учусь играть на гитаре (ты не знаешь?). Мне кажется, что фламенко — одно из величайших творений испанского народа. Я уже освоил аккомпанемент фанданго, петенеры и цыганских песен — таранты, булерии и рамоны. Занимаюсь каждый вечер с Эль Ломбардо (это цыган, и он великолепен) и с Фраскито Эль де ла Фуэнте (тоже цыган и тоже великолепен). Оба поют и играют потрясающе, достигая высот народного чувства. Таковы мои досуги.

Работаю много, и, надеюсь, тебе понравится то, что делаю. Кажется, это получше Сюит, которые ты знаешь. Если хочешь, что-нибудь тебе пришлю. Они называются «Песни с отражениями»⁵, потому что в них я добивался только одного — выразить в слове то нездешнее ощущение двоения, и не позволяя трепету впасть в витиеватость. Еще пишу «желтые баллады»⁶ и крохотный молитвенник Сириусу, отцу небесному... Вообще работы хватает.

Бьюсь над куклами. Расспрашиваю всех и каждого — набрал кучу милых и забавных подробностей. Здесь кукольники давно не ходят, но старики еще помнят такое, что со смеху покатываешься. Ну, вот, к примеру, башмачник — Куррито, портовый красавец, желает снять мерку с ножки, а донья Росита боится Кристобала. Но намерения Куррито тверды: он при-

ближается и поет ей на ушко песенку:

Мне б, Росита, хоть на ножку
на твою разок взглянуть.
Ах, позвольте мне хоть это,
ну а там уж как-нибудь *.

и сопротивление сломлено. А до чего неотесанная мелодия, ты бы слышал, чистая прелесть! Тут арывается Кристобаль, бац дубинкой — и конец.

У этой ревнивой громадины есть привычка, отправляя на тот свет очередную жертву, приговаривать: «Раз — бит, два — бит, а на третий — с копыти!» В оркестре в ту же секунду раздаётся гулкое «бум».

Правда, прелесть? Напиши мне о своих планах — у меня есть довольно неожиданное предложение.

Что же до твоих злобствований, то мне и возразить нечего: ты во многом прав, но есть в твоём письме фраза, которую я просто не понимаю и прошу объяснить: «Язвительные колкости иных твоих друзей...» О чем речь?

Во всем остальном ты прав, это и горько. Жизнь и меня уже заковычивает в цепи. У жизни свои к тому резоны, и весьма веские, но... как мне жаль крыльев! Как жаль детства — осталась высохшая шкурка. Здесь, в деревне, меня, кажется, любят — и поденщики, и ребята, мы часто говорим, бродим вместе.

Как ты вернешься, я сразу приеду в Гранаду, все облизам вдвоем. А что до Роберто⁷, так я буду только рад, если он приедет. «Стрелку»⁸ я еще не получил, но все знаю и очень огорчен обстоятельством. Габриэля⁹. Я его сильно люблю, и есть за что — он добрый и страстный человек.

И если я вел себя с ним не лучшим образом, поверь, это не моя вина.

Напиши мне сразу, ты ведь знаешь, как я рад твоим письмам, и знаешь, как люблю тебя — всем сердцем.

Прощай.

Федерико.

ФРАНСИСКО ГАРСИА ЛОРКА¹⁰
февраль 1926 г.

Милый Пакито!

Уже давно собираюсь написать тебе. Как увижу вечером твою пустую кровать за синей ширмой — такая тоска нахлынет!.. Даже света не зажигаю.

На днях думаю ехать в Мадрид. Книжки свои¹¹ привел в порядок. Славные книжки — целых три. Есть в них (чего я никак не ожидал) поразительная цельность. Хочу, чтобы все три вышли разом — они дополняют друг друга, образуя пер-

* Перевод Д. Самойлова.

воклассное поэтическое единство. В этом я убежден. Их появление (так и друзья говорят — они в восторге от этой идеи) может стать событием глубинным. И я решился. Я долго их шлифовал. Выправил сюиты — теперь они хороши, в них есть лирическая глубина. Три сюиты. Целая книга сюит! Еще книга коротких песен — она лучше всех. И Поэма канте хондо с андалузскими песнями. Цыганский романсеро пока придержу — будет отдельная книга, только романсы. Недавно сделал еще два — «Пресьосу» и «Как схватили Антонио Эль Камборьо». Получилось весьма любопытно. Если ты мне сразу ответишь, пришлю оба. Еще кончил Оду Сальвадору Дали — это большая вещь (сто пятьдесят александрийских стихов).

Мне надо ехать в Мадрид — выяснить, что с Марианой¹² (это разрешит многое), и заняться книгами.

А потом я хотел бы уехать с тобой в Тулузу, накинуться на французский и писать там Дьего Коррьентеса¹³ и лирику — ведь она рвется в полет, а крылья связаны.

Я чувствую, что способен сделать что-то большее, свое, и верю, что сумею. Мне нужен издатель и секретарь — это совершенно необходимо. Я могу сотворить, а вот распорядиться сотворенным — нет. Все, что я сейчас сделал, я делал от безвыходности, и стоило это мне огромных усилий. Но зато доволен — ты себе и не представляешь, как. Я увидел книгу всю разом, такого прежде не случалось, и выправил, а то кое-какие раскрасавицы хромали.

Обязательно напиши мне сразу, что ты думаешь насчет нашей поездки в Тулузу. Мне кажется, эти купанья пойдут нам на пользу перед Парижем. Через четыре месяца я буду обходиться с французским по-своему.

Я был в Альпухарре¹⁴ — это поразительно! И добрались мы до самой сердцевины. Правда, всего два дня. Это Пепе Сегура меня вытаскил. Когда вернешься, обязательно съездим вместе. Я в жизни не видел ничего необычнее и загадочнее. Нельзя поверить, что это Европа.

Люди там поразительно красивы. Угрюмые пастухи Каньяра (это горное селение, выше которого жилья уже нет), и песни крестьянок, что стирают у ручья, — такое не забывается. И как это ново — с чисто литературной точки зрения!

Там две расы, и различие бросается в глаза. Северяне — галисийцы и астурийцы — и чистокровные арабы. Я видел царицу Савскую — на серо-лиловых камнях она молотила кукурузу; я видел наследника престола, переодетого сыном цирюльника.

Связи с миром никакой. Люди приветливы, гостеприимны, и все, кроме чиновников, чувствуют красоту своей земли.

Речь их протяжна и сумрачна: на каждом слоге свое ударение: *Доброй нощи. Даст бог, так и останется. И будем надеяться, сюда не ринутся франки и англосаксы в поисках острых поэтических ощущений*, благо времена романтизма миновали.

Вся власть здесь в руках Жандармерии. Каратаунасскому капралу чем-то досадили цыгане, он задумал их выжить, а для того согнал на казарменный двор, взял каминные щипцы и вырвал у каждого по зубу, приговаривая: «Не уберешься, завтра другой дернем!» Конечно, бедолаги-цыгане пошли куда глаза глядят. В Каньяре на пасху четырнадцатилетний цыганенок украл у алькальда пять куриц. Жандармы схватили его, прикрутили к кресту и так, бичуя, протаскивали по деревне, велел ему петь. Мне рассказал это паренек, который сам видел процессию из школьного окна. И столько жгучего и мучительного было в его словах! Такая жестокость выходит за рамки понимания... от нее веет средневековой жутью.

Дома все здоровы. Мама и сестры сейчас внизу, обедают. Петра буйствует на кухне. Папа в саду. А небо — густая ляпис-лазурь. Вчера мы ездили, благо есть «Фиат», в Калаорру¹⁵ — с Фальей¹⁶, Вальдекасасом¹⁷, Луной, Торресом Лопесом¹⁸ и Сегурой. Изумительный день! Дворец времен Возрождения на фоне снежных гор великолепен. Его архитектор, маркиз де Сенете¹⁹, чуть было не женился на Лукреции Борджа. А на обратном пути заехали в Гуадис²⁰, печальный, церковный город. Фалья был очарован. Идем мы по улице Санта Мария де ла Кабеса (чисто испанская, почти не испорченная улочка), и вдруг — дом Сагальи²¹, чисто мавританский силуэт! Да, Испания неисчерпаема, зато американцы и разворовывают ее потихоньку.

Целую тебя. Прощай — твой брат Федерико.

Перевод и комментарий
Н. МАЛИНОВСКОЙ.

¹ Адольфо Саласар (1890—1958) — испанский композитор и музыковед.

² Маноло — Мануэль Анхелес Ортис (р. в 1901 г.) — близкий друг Лорки, испанский художник.

³ Пейнадо Чико, Хоакин (1898—1975) — испанский художник.

⁴ Канедо — Энрике Диес-Канедо (1879—1944) — испанский поэт.

⁵ «Песни с отражениями» — в русском переводе «Три портрета с тенями» из книги «Песни».

⁶ Желтые баллады — «Четыре желтые баллады» из книги «Первые песни».

⁷ Роберто Херард (1896—1970) — испанский музыкант.

⁸ «Стрелка» — мадридский литературный журнал.

⁹ Габриэль Гарсиа Марото (р. в 1889 г.) — испанский поэт и художник.

¹⁰ Франсиско Гарсиа Лорка (1902—1976) — брат поэта.

¹¹ ...книги свои... — речь идет о книге «Сюиты», изданной посмертно (Мадрид, 1982), книге «Песни» (Малага, 1927) и «Поэме канте хондо» (Мадрид, 1931).

¹² ...что с Марианой — речь идет о пьесе «Мариана Пинеда».

¹³ Дьего Коррьентес (1757—1781) — благородный разбойник, герой народных легенд и лубочных романов.

¹⁴ Альпухарра — гористая местность на юге Испании.

¹⁵ Калаорра — городок вблизи Гранады.

¹⁶ Фалья и Матью, Мануэль де (1876—1946) — испанский композитор, старший друг Лорки.

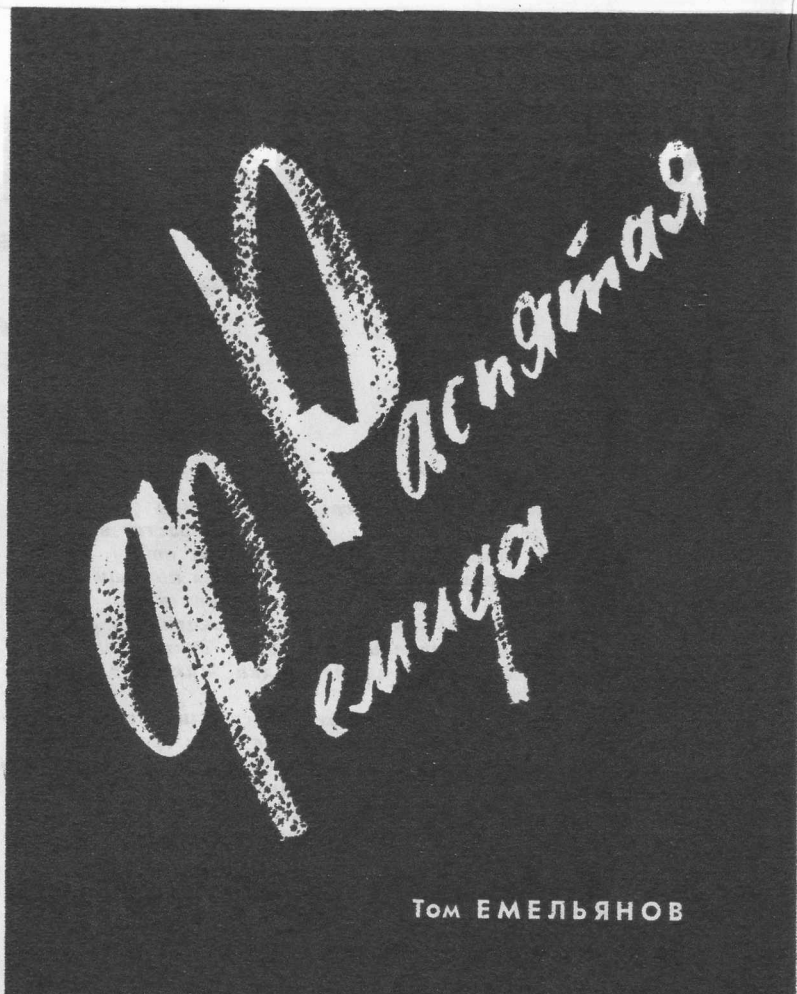
¹⁷ Вальдекасас, Альфонсо (р. в 1904 г.) — друг Лорки, испанский юрист и эссеист.

¹⁸ Торрес Лопес, Мануэль (р. в 1900 г.) — испанский журналист и кинокритик.

¹⁹ Маркиз де Сенете — Родриго де Вивар и Мендоса (1480?—1533) — знаменитый испанский дворянин, потомок национального героя — Сиды Воителя.

²⁰ Гуадис — старинный город в 60 километрах от Гранады.

²¹ Сагальи (Абу Абдаллах Мухаммед ибн Заад) — дядя последнего эмира Гранады.

Том ЕМЕЛЬЯНОВ

П ривыкший ко всяким неожиданностям, Роберт Кемпнер все же не предполагал, что в Нюрнберге его встретит беснующаяся толпа с ревом: «Кемпнера — за решетку! Гесса — на свободу!» Сорок лет назад Р. Кемпнер выступал на Международном Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками в качестве заместителя главного обвинителя от США. В конце ноября 1985 года он приехал в Нюрнберг уже в ином качестве — делегата международной конференции, посвященной 40-летию начала Нюрнбергского процесса. В ней приняли участие 400 известных деятелей из 20 стран. Против этой конференции и выплеснулась на улицы Нюрнберга неонацистская и реваншистская нечисть. «Свободу Гессу!» — это не просто словесные экскременты реанимируемого фашизма, это уже программный клич всей западногерманской реакции, разбухающего реваншизма — при нарастающем открытом благоволении боннских государственных мужей. В мае 1986 года впервые за всю историю ФРГ ее канцлер Г. Коль выступил с речью на сцене реваншистского «землячества судетских немцев». Еще раньше, накануне 39-й годовщины разгрома Третьего рейха, Г. Коль требовал выпустить на свободу Рудольфа Гесса, последнего из живущих заместителей Гитлера по партии, отбывающего пожизненное тюремное заключение как один из главных нацистских военных преступников. В унисон с Г. Коль звучит громкий хор консерваторов и реакционеров, возглавляющих, что помилование Гесса стало бы «актом человечности». Того са-

мого Рудольфа Гесса, который и сегодня, в тюрьме, вслух гордится своим последним словом, произнесенным в качестве подсудимого на Нюрнбергском процессе 40 лет назад. «Мне выпало счастье, — напыщенно заявил он тогда, — жить и действовать под лучами лучезарнейшего солнца, которое когда-либо восходило из недр германской нации (это он о Гитлере! — Т. Е.) — и я не раскаиваюсь абсолютно ни в чем».

Веселенькое, оказывается, было бы дело — этот «акт человечности»: помилование Гесса означало бы публичную, причем не западногерманскую, а международную акцию реабилитации нацизма во главе с «лучезарнейшим солнцем»! Этот «акт» стал бы триумфом и закоренелых старых нацистов, и рьяных неофашистов, которые уже не про себя, а во всеуслышание рьяно издают песни штурмовиков: «Придет однажды мести день!» Похоже, что «благоволение» официального Бонна подталкивает «расширенное воспроизводство» неонацизма в ФРГ. Вот «свежайшие факты»: в начале мая 1986 года в Ганновере на заседании нижнесаксонского комитета по выборам в ландтаг голосами консервативного большинства запрещенная в ФРГ неонацистская «свободная немецкая рабочая партия» (СНРП) была допущена к участию в предвыборной кампании с разрешением выдвигать своих кандидатов в земельный парламент. Вдохновленная этим решением, группа членов СНРП во главе со своим гауляйтером Фолькером Хайдемом устроила в здании эйфорического шабаша, а двое неонацистов открыли пистолетную стрельбу по представителям Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме, — за то, что на заседании комитета они выступали против допуска СНРП

к выборам. Вот так: уже не только на улицах ФРГ, но и в стенах официальных учреждений неонацисты начинают расстреливать борцов против возрождающегося, пока еще «ползучего» нацизма.

В ФРГ легализованы остатки государственного формирования гитлеровцев, которые Международной Нюрнбергский трибунал квалифицировал как преступные: организация взаимопомощи бывших эсэсовцев (ХИАГ) и традиционные фербанды недобитых и не осужденных эсэсовских головорезов объявлены легальными, то есть не противоречащими конституции ФРГ. Так в ФРГ нарастает тенденция к практической ревизии духа и решений Нюрнбергского Международного трибунала о преступлениях нацизма. Об этом же свидетельствуют и многочисленные факты юридической ревизии этих решений в практике западногерманской юстиции.

...10 мая 1943 года в 19 часов Вильгельм Леман, не оказывая сопротивления, лег грудью на плаху, палач нажал рычаг, и нож гильотины отсек голову приговоренного. Процедура казни длилась 16 секунд. За что же ему отрубили голову? 74-летний пенсионер, транспортный рабочий, В. Леман никого не убивал, не организовывал заговоры против Третьего рейха — он лишь однажды возмущился массовыми убийствами неповинных людей и назвал власть предержавших нацистов преступниками, написав это карандашом на стене. Слов правды в нацистском рейхе боялись как черт крестного знамения — поэтому о «преступлении» рабочего доложили самому Геббельсу как гауляйтеру Берлина. По его указанию фольксгерихтсхоф, так называемый «народный суд», или, точнее, столичное чрезвычайное судилище для срочной и беспощадной расправы над противниками режима, немедленно вынес Леману смертный приговор. Фольксгерихтсхоф отправлял под нож гильотины или на виселицу за любые, крупные или мелкие, антинацистские действия, даже за высказанное вслух сомнение в победе Третьего рейха. Сущность нацистских судов, их государственные функции четко квалифицирована сорок лет назад Международным Нюрнбергским трибуналом: «Под пурпурной мантией юристов скрывались убийцы».

Что же случилось с 570 судьями, прокурорами, чиновниками этого фольксгерихтсхофа? Много лет подряд должностные лица в ФРГ и в Западном Берлине с возмущением опровергали сообщения о том, что там, в судебной-правовой системе, многие посты занимают бывшие «убийцы в пурпурных мантиях» из берлинского фольксгерихтсхофа. Но вот, как говорится, в один прекрасный день в Западном Берлине при расчистке оставшихся со времен штурма Берлина советскими войсками руин на Беллвю-штрассе, 15, на месте бывшей резиденции фольксгерихтсхофа, обнаружили громадный стальной сейф, наполненный кипами смертных приговоров и списками членов этого судилища. Кому-то пришлось в голову свернуть эти списки с картотеками личного состава западногерманских и западноберлинских судов. Оказалось, что очень много гитлеровских судей-преступников ФРГ и Западный Берлин унаследовали от Третьего рейха. Теперь они но-

сят иные мантии — «демократические». И судят... антифашистов. Опять! С помощью этих «коричнево-демократических» юристов только за 20 лет первого правления ХДС/ХСС (1949—1969 годы) в ФРГ было сфабриковано свыше 200 тысяч судебных процессов над представителями прогрессивных и демократических сил.

Даже среди отъявленных судей-нацистов особой беспощадностью к противникам нацизма отличался Роланд Фрейслер, занимавший с 1942 по 1945 год пост председателя фольксгерихтсхофа. Тот самый Фрейслер, чье имя часто произносили в одном ряду с Гиммлером, как синоним нацистского внутригосударственного террора. Тот самый Фрейслер, который, выказывая рабскую верноподданность, с бешеным вершилом судебную расправу над участниками заговора против Гитлера 20 июля 1944 года. Тот Фрейслер, который посылал на эшафот и виселицу людей, заподозренных в антинацистских настроениях.

В апреле 1945 года Фрейслер погиб во время бомбежки Берлина с воздуха. И тем не менее он «продолжает жить» — в ФРГ. Недавно выяснилось, что вдова этого нацистского «юридического пса смерти» проживает в Мюнхене и исправно получает за мужа (а что у него на счету, кроме преступлений против человечности?) государственную баварскую пенсию.

Заметим, что «благосклонность» властей ФРГ к памяти нацистского «дьявола от юриспруденции» — отнюдь не исключение в ФРГ. По недавнему постановлению западногерманских судов, пенсии получают: вдова Гейдриха, бывшего шефа Главного управления имперской безопасности (РСХА), в состав которого входили гестапо, СС и СД; вдова гауляйтера Генлейна; вдова Фешнера, коменданта концлагеря Бухенвальд; вдова штурмбанфюрера СС Вернера Брауне, который за уничтожение 90 000 советских людей был в 1948 году приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смерти и казнен в Ландсбергской тюрьме.

В то же время многие тысячи вдов и детей тех, кого нацистские «убийцы в пурпурных мантиях» послали на эшафот за словесное или практическое противодействие преступному нацистскому режиму, не получили от властей ФРГ и пенningа. А сколько антифашистов подверглись преследованиям и дискриминации в ФРГ в первое двадцатилетие правления ХДС/ХСС! И на основании приговоров, вынесенных им западногерманскими судьями — бывшими нацистами, лишены не только пенсий, но и принуждены по решению этих судов вернуть в казну уже выплаченные пенсии. Вот она, пресловутая «социальная справедливость» в правовом государстве ФРГ...

Типична и показательна история Ганса-Йоахима Резе, ближайшего подруга Фрейслера по фольксгерихтсхофу, виновного в противоправном вынесении сотен смертных приговоров. (Кстати, в 1937 году 2-й сенат фольксгерихтсхофа осудил за антинацистскую деятельность на десять лет тюрьмы Эриха Хонеккера, нынешнего руководителя ГДР. Следствие, на основании которого был вынесен приговор, вел этот самый Резе). Под нажимом общественно-

сти в 1962 году против нацистского преступника Резе был начат судебный процесс. После пятилетней проволочки его даже приговорили к пяти годам лишения свободы — однако федеральный суд в Карлсруэ (запретивший в 1956 году Компартию Германии) отменил приговор, а затем преступника вообще оправдали. Больше того: власти ФРГ выплатили ему из фондов социального обеспечения (I) 270 000 марок — в виде «возмещения ущерба», нанесенного ему пребыванием под следствием и судом. Тому самому Резе, который в суде публично пел дифирамбы Гитлеру как «организатору великих побед Германии и гаранту неистощаемого оптимизма немецкого народа». «Венец дела Резе»: бывший нацистский убийца в мантии юриста был с почетом принят в корпус западногерманских адвокатов.

Так в ФРГ вершится правовая и политическая амнистия и реабилитация бывших «творцов» нацистской юридической инквизиции. Об этом свидетельствует бесстрастная, но беспощадная статистика: с 1945 по 1980 год в ФРГ из 86 500 выявленных нацистских военных преступников осуждены лишь 6500 (причем слишком мягкими по сравнению с «габаритами» злодеяний приговорами).

Для того чтобы сухие цифры сравнительной статистики обрели для читателя «плоть и кровь», расскажем еще об одной типичной для ФРГ вопиющей истории.

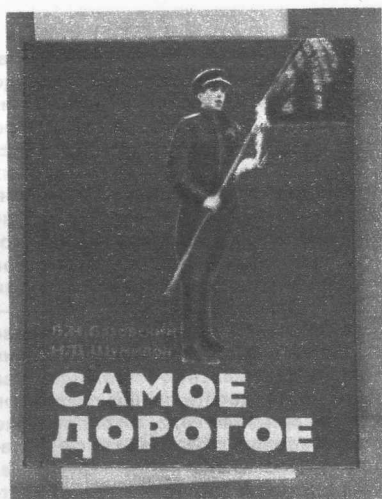
Третий рейх шел ко дну. До самоубийства Гитлера оставалось менее двух недель. И эсэсовцы, повелевавшие жизнью и смертью узников в системе концлагерей под общим названием Нейенгамме под Гамбургом, решили напоследок гульнуть и в последний раз отметить день рождения Гитлера. А заодно замести, насколько возможно, следы своих чудовищных преступлений. Командовал эсэсовской охранно-надзирательской бандой комендант всего лагерного комплекса оберштурмфюрер СС Арнольд Штриппель. В Нейенгамме совершалась не только «обычная работа» по уничтожению узников нацизма — там нацистский медик Курт Хейсмейер проводил изуверские опыты над живыми детьми по проекту, лично одобренному Гиммлером. Один из таких «опытов» состоял в том, что медик-палач вдувал через резиновую трубку прямо в легкие детишек или втирал в рассеченные скальпелем их спины и руки концентраты туберкулезных бактерий. Затем он вырезал у живых детей зараженную подкрыльцовую железу «для научных исследований» во имя «чистоты арийской расы». Вот этих-то оставшихся в живых детей и нужно было ликвидировать. Руководство «операцией» взял на себя Штриппель.

По приказу Штриппеля детей доставили в подвал разрушенной школы на гамбургской улице Булленхузер-дамм. По команде Штриппеля роттенфюрер Иоганн Фрам и четверо его подручных брали детишек по одному, всовывали их головки в петли, укрепленные на отопительных трубах, и тянули тельца вниз за ноги — пока не наступала смерть. 20 маленьких трупов уже висели в страшном ряду, а Штриппель торопил подчиненных: еще нужно было избавиться от невольных свидетелей — и их, четверых санитаров лагеря и 24 советских военнопленных, уду-

шили в петлях тут же, в подвале. Всего лишь за несколько часов до появления в Гамбурге английских войск. 8 октября 1946 года четверо эсэсовских «пешек-палачей» («пешек» по званиям), принимавших участие в преступлении на Булленхузер-дамм, были вздернуты на виселицы по приговору английско-го трибунала. Оберштурмфюрера А. Штриппеля не оказалось среди них. Дальнейшая его судьба — классическая иллюстрация образа действий «распятой коричневой» западногерманской Фемиды: за удушение десяти узниц-голландок 15 января 1944 года Штриппеля не приговаривают к тюремному заключению — суд Франкфурта-на-Майне квалифицирует это убийство как «несчастный случай» в служебной деятельности Штриппеля и выносит ему оправдание; за убийство 84 советских военнопленных в концлагере Майданек бывший оберштурмфюрер СС получает 3,5 года тюрьмы — но приговор остается клочком бумаги; за убийство 21 узника в концлагере Бухенвальд Штриппеля приговаривают к 21-кратному пожизненному заключению — но вскоре приговор отменяют, злодея выпускают на свободу и... вручают ему 121 500 марок как «компенсацию за арест и судебное преследование». На эти деньги, полученные от властей «демократическо-правового государства» эсэсовский палач покупает шикарные апартаменты в Дюссельдорфе и живет припеваючи. Более того: Штриппелю назначается — за службу в СС (больше он нигде не служил) — государственная пенсия ФРГ.

Но в судебном фарсе по «делу Штриппеля» — к вящему неудовольствию властей ФРГ — точку, как оказалось, поставили рано. В апреле 1986 года в Гамбурге состоялся международный общественный трибунал под названием «Убийство на улице Булленхузер-дамм». На нем было доказано, что еще 40 лет назад западногерманской юстиции был представлен обширный неопровержимый документальный материал о злодеяниях Арнольда Штриппеля. Трибунал заявил: «Образ действий западногерманской прокуратуры и судов в отношении Штриппеля свидетельствует о том, что это «дело» тянут в надежде на «биологическую амнистию» преступника, на его естественную смерть». Удастся ли западногерманской Фемиде отмахнуться от требования представителей международной юстиции о возмездии и еще раз спасти изувера-убийцу Штриппеля от петли или тюремной камеры?

...Из печати известно, что начал свою работу созданный оргкомитет по подготовке международной конференции «Уроки Нюрнберга», которая состоится в Москве в ноябре 1986 года, в дни сорокалетия окончания Нюрнбергского процесса над главными нацистскими военными преступниками. Эта конференция еще раз настойчиво напоминает о том, что дух и решения этого трибунала не только не потеряли своей актуальности, но стали еще более злободневны. Она напоминает о том, что на планете еще живут безнаказанными более 50 тысяч нацистских преступников (из них около 10 тысяч — в США), и о том, что «Декларацией о поражении Германии» от 5 июня 1945 года установлено неограниченное временем требование найти, арестовать и судить военных преступников гитлеризма.

Есть люди, встреча с которыми оставляет след на всю жизнь. Так можно сказать и о А. А. Кузнецове, документальное повествование о котором вышло вторым изданием.

Я знал А. А. Кузнецова по совместной работе в Ленинграде и в довоенный период, и в годы Великой Отечественной войны. Блокада... Горькое, грозное и героическое время. Теперь уже, наверное, не многие знают, что Алексей Александрович был одним из организаторов обороны города на Неве.

В книге рассказывается о жизни и деятельности А. А. Кузнецова — комсомольского вожака, руководителя Ленинградской партийной организации, секретаря ЦК КПСС. Он прожил короткую, но яркую и насыщенную героическими делами жизнь. Касалось ли это районной комсомольской организации, развития ленинградской промышленности или обеспечения фронта и города Ленина в годы блокады, А. А. Кузнецов глубоко вникал в существо дела, оперативно принимал решения и постоянно следил за тем, чтобы они выполнялись. Ему всегда была присуща большевистская принципиальность, бескомпромиссность, преданность делу коммунистического строительства.

Большой фактический материал, собранный в книге, краткие воспо-

В. Н. Вазовский, Н. Д. Шумилов. Самое дорогое. М., Политиздат, 1985, 238 с.

ПОВЕСТЬ О КОММУНИСТЕ

минания товарищей, хорошо знавших Алексея Александровича, живое описание обстановки, в которой работал Кузнецов в разные периоды жизни, дают яркое представление о нем. Хочется, чтобы книгу о видном деятеле Коммунистической партии А. А. Кузнецове прочитало как можно больше читателей, особенно молодых.

В предвоенный период Ленинградская партийная организация большое внимание уделяла развитию города как индустриального и культурно-научного центра. Каждое заседание бюро обкома или горкома партии проходило в живом, творческом обмене мнениями. В подготовке и обсуждении этих вопросов самое активное участие принимал А. А. Кузнецов. Особенно если это касалось технического прогресса.

Приведу лишь один пример. Двум работникам Госплана СССР (Н. А. Борисову и мне) было поручено изучить на месте вопрос об организации сложного производства, причем в самый короткий срок. Но для этого требовалось готовое помещение с соответствующими параметрами. Свободных «коробов» в Ленинграде не было. Возникло предложение закрыть один из заводов и в его цехах открыть новое предприятие. Алексей Александрович горячо поддержал это предложение. Проблема была быстро решена.

В первый период Великой Отечественной войны, много занимаясь организацией обороны города, он вникал во все детали эвакуации людей и предприятий, рационального использования материальных ресурсов, неустанно помогал налаживанию производства боевой техники и снаряжения. Он много трудился для того, чтобы город жил и боролся.

А жизнь ставила все новые и новые задачи перед Ленинградской партийной организацией и Военным Советом Ленинградского фронта, членом которого являлся А. А. Кузнецов. На повестке дня — Дорога жизни. Сколько

инициативы, упорного труда вложил он в ее строительство и бесперебойную эксплуатацию! Каждый день А. А. Кузнецов интересовался делами Дороги жизни: сколько перевезено людей и грузов, в каком состоянии транспорт, какие на дороге происшествия, каково моральное состояние людей?

Никогда не забыть той мартовской ночи 1942 года, когда на совещании у А. А. Жданова решался вопрос о строительстве нефтепровода по дну Ладожского озера. Снабжение города и фронта светлыми нефтепродуктами было исключительно сложно. И когда возникла идея проложить по дну Ладожского озера нефтепровод с восточного берега на западный, ее горячо поддержал А. А. Кузнецов. Он оказал практическую помощь в доставке труб с Ижорского завода, несмотря на то, что завод находился в зоне обстрела вражескими минометами.

В конкретных делах раскрывался стиль работы А. А. Кузнецова. Он сам глубоко вникал в существо проблемы и не допускал поверхностного подхода со стороны других. И то, что фронт непрерывно получал от Ленинграда все больше и больше военной техники, боеприпасов, отремонтированных пушек и танков, заслуга всей партийной организации города и области во главе с А. А. Ждановым, заслуга А. А. Кузнецова.

Завозить в Ленинград топливо, сырье и материалы было чрезвычайно сложно. По инициативе Алексея Александровича проводится большая работа по экономии энергии, топлива и сырья. Имевшиеся материальные ресурсы распределялись на месте. К этой работе привлекались ученые, специалисты, аппарат уполномоченного Госплана СССР.

А. А. Кузнецов уделял пристальное внимание развитию города, его благоустройству, заботился об условиях жизни населения. Известно, что Ленинград всегда был красивым, чистым городом.

Но то, что было сделано в первую военную весну, можно назвать подвигом. В Ленинграде создавалась реальная угроза возникновения различных эпидемий, распространения массовых заболеваний. Благодаря принятым мерам этого удалось избежать. После прорыва блокады, и особенно в послевоенные годы, под руководством А. А. Кузнецова были осуществлены меры по восстановлению и развитию городского хозяйства. Ленинград стал еще краше и благоустроенней.

Круг интересов А. А. Кузнецова был весьма широк. Он любил книги, музыку, интересовался, как живут писатели, композиторы, актеры. Трогательно заботился он о Д. Д. Шостаковиче, когда в условиях блокадного города композитор писал Седьмую симфонию. А сколько внимания уделял он подготовке и организации первого исполнения симфонии! Автору этих строк выпало счастье быть на этом концерте, видеть напряженные и вместе с тем счастливые лица фронтовиков и жителей Ленинграда, которые были в зале филармонии.

А. А. Кузнецов был человеком строгим и вместе с тем обаятельным. Он располагал к себе каждого, с кем встречался. С огромным интересом слушали ленинградцы его выступления по радио. С большой теплотой встречали члена Военного Совета фронта солдаты на передовой, труженики Дороги жизни, строители оборонительных укреплений. Алексей Александрович радовался их успехам, не поддавался унынию в тяжелые минуты.

Пройдя большую школу государственной и партийной деятельности, Алексей Александрович Кузнецов стал секретарем ЦК КПСС. Вся жизнь его — блестящий пример беззаветного служения Коммунистической партии и социалистической Отчизне.

Л. ВОЛОДАРСКИЙ, профессор

ПЕВЕЦ МИРА

Его предков привезли на землю Америки в цепях и бичом заставляли работать на хлопковых план-

Владимир Зимянин. Поль Робсон. М., «Молодая гвардия», 1985, 223 с.

тациях. Потом его прадед решительно поддержал повстанцев генерала Дж. Вашингтона, имя храброго пел-наря Бастилла упоминается в автобиографии выдающегося американского ученого и государственного деятеля Бенджамина Франклина. От distinguished С. Бастилла, основателя Общества свободных африканцев — организации взаимопомощи негров Америки, — ведет свою родословную мать будущего певца, вышедшая замуж за тридцатилетнего негритянского пастора Уильяма Робсона, сражавшегося в юности в рядах северян.

Страницы, посвященные глубоким корням родословного древа Робсонов, открывают новую книгу В. Зимянина в серии «ЖЗЛ». На широком социальном фоне рисует автор творческий путь талантливого певца и артиста. Защищая с отличным диплом юриста, молодой гигант, друг видного негритянского общественного деятеля У. Дюбуа, обосновался в Нью-Йоркском Гарлеме, переживавшем, как и вся Америка 20-х годов, эпоху джаза. Здесь, в Гарлеме, творили тогда Р. Роджерс, К. Портер, Дж. Гершвин. В Гарлеме Поль встретил Эсланду. Спевки в церковном хоре послужили Робсону хорошей школой, открыли дорогу в нашумевший джаз-ансамбль под управлением Ф. Хендерсона «Четыре короля гармонии», который одно время выступал на эстраде знаменитого «Коттон-клуба». Поль

метался между спортом, юриспруденцией, музыкой, но последняя наряду с театром постепенно все больше заполняет его жизнь.

«Гарлемский ренессанс» притягивал белых художников. Были среди них известные американские писатели Ш. Андерсон и Ю. О'Нил. Увидав Робсона на театральных подмостках, О'Нил предложил ему главную роль в своей новой пьесе. Премьера, на которой присутствовал Т. Драйзер, прошла с триумфом. А за ней последовала не менее успешная первая концертная программа Поля Робсона в 1925 году в Гринвич-виллидже.

Первый актер-негр, сыгравший на американской сцене Отелло, он стал первым негритянским артистом, получившим медаль Американской академии, которая присуждается раз в пять лет за заслуги в развитии театрального искусства. Его пленительный бас узнал и полюбил мир. Вместе с автором книги мы совершаем путешествие по городам и странам, где довелось гастролировать П. Робсону и где продолжалась его неутомимая общественная деятельность.

«Певца-антифашиста», как он сам себя называл, слушали бойцы республиканской Испании, а когда Соединенные Штаты вступили в войну, П. Робсон пел на митингах по сбору средств в фонд помощи Советской России, призвал соотечественников содействовать скорейшему открытию второго фрон-

та. Он возглавил общенациональный поход против судов Линча и не побоялся в мрачную пору разгула маккартизма открыто заявлять о своих симпатиях и признательности коммунистам. Реакционные круги США яростно травлили прославленного артиста, препятствовали его концертам, угрожали ему физической расправой.

Люди младшего поколения, не побывавшие на триумфальных концертах П. Робсона в Москве, с особым интересом прочтут о его незабываемом появлении 17 августа 1958 года под сводами недавно возведенного Дворца спорта в Лужниках (первый приезд артиста в Москву состоялся в 1936 году). «Огромный, плечистый, приветливо улыбающийся», он пел в тот вечер негритянские и русские народные песни, и почти каждую песню ему приходилось исполнять на «бис»... Искренним другом нашей страны Поль Робсон оставался всегда. На I Всемирном конгрессе сторонников мира, собравшемся в Париже в апреле 1949 года, он подошел к члену советской делегации писателю Александру Фадееву и, крепко пожав ему руку, сказал взволнованно:

— Можете смело положиться на меня как на верного солдата, который не подведет в бою.

Таким и встает образ замечательного американца со страниц книги В. Зимянина.

Ю. ОСНОВ

Анна
ГЕДЫМИН

Под заголовком «Приписки по «детодням» в «Огоньке» № 29 было опубликовано письмо из города Березники Пермской области от воспитательницы детского сада-яслей № 79 объединения «Уралкалий» В. П. Распоповой. Напомню его содержание: по инициативе администрации — старшего медработника Н. П. Сычковой и заведующей Л. И. Шарцевой — в детском саду начали практиковаться приписки. Н. П. Сычкова собирала таблицы посещения детей, составленные воспитателями, в случае невыполнения установленного плана по «детодням» вносила в столбики цифр «исправления», после чего воспитатели переписывали таблицы своей рукой. Таким образом в марте и мае прошлого года все сотрудники детского сада незаконно получили премию (предварительные подсчеты показали невыполнение плана на один процент). В. П. Распопова обратилась в ОБХСС с повинной. Ее показания долго проверялись, против заведующей было возбуждено уголовное дело, которое вскоре прекратили и направи-

письмо от В. П. Распоповой, в котором она пишет: «Уголовное дело против заведующей возбуждено, также было возбуждено уголовное дело против Н. П. Сычковой, но и меня, конечно, не забыли. Хотя приписками занималась среди воспитателей не я одна, уголовное дело заведено только на меня. Другим воспитателям — товарищеский суд, а мне — статья. Мне говорили: «Не связывайся, все равно виноватой будешь...» Так и вышло. Поэтому что нет у нас в прекрасном мире правды...»

В город Березники я приехала на следующий день после окончания суда. Заведующей детским садом-яслями № 79 и старшему медработнику суд назначил два года исправительных работ по месту работы с удержанием 20 процентов зарплаты, В. П. Распоповой — год на тех же условиях. А несколькими днями раньше — ирония судьбы! — выяснилось, что в мае план был выполнен, просто в подсчеты прокрадась ошибка...

— По поводу Распоповой? — переспрашивает секретарь горкома партии Эмма Петровна Горожанинова. — Опять написала? Что, теперь с обвинением не согласна? Интересно: сама ворует, а еще за какую-то правду борется...

В Советском РК КПСС, непосредственно занимавшемся «делом Распоповой», отношение к ней тоже недоуменно-недоброжелательное: кляузница, к тому же не вполне справляющая-

что придется лишиться премии. Вы подумайте: у нянечки зарплата семьдесят рублей, у воспитателя — около девяноста. И так проблема с кадрами, а тут еще премии не будет... Не для себя старались...

Через несколько часов я услышал те же слова в медицинском кабинете детского сада № 79 от Натальи Петровны Сычковой:

— Не могу сказать, что чувствую себя по-человечески виноватой. Ведь не для себя мы это делали... Забота о кадрах... А Распопову я как не понимала, так и не понимаю. Когда в первый раз судебное дело было закрыто, а она сообщила, что собирается жаловаться дальше, я ведь с ней разговаривала. Помню, спросила ее: «Что ты против меня имеешь?» Она отвечает: «Ничего...»

— Вы говорите о текущих кадрах. А как же в других детских садах?

— Ну как... Ведь, откровенно говоря, не мы придумали приписки делать... Хотя, конечно, Людмила Ивановна уж слишком боялась, что останется без сотрудников, вот и набрала всяких... Та же Распопова: какой она воспитатель? Неряшливая, грубая с детьми. Да и другие... Поэтому и не сложились коллективы. Разве в настоящем коллективе такое вышло бы наружу!..

Рядом с медицинским кабинетом уже собралась группа воспитателей. Оказывается, бывшая заведующая никого, кроме Н. П. Сычковой, и слушать не хотела, а та как раз и «вдохновляла» ее на «темные» дела, вообще царил полный произвол, за методической помощью обратиться было не к кому — методиста не могли заставить на месте, и т. д., и т. п. Сейчас другое дело: с новой заведующей Раисой Георгиевной Гнатченко и методистом Софьей Ивановной Троиной работать легко, они во всем разберутся, помогут...

— Многие из нас считают, что неправильно было среди воспитателей осуждать одну Распопову, — говорит воспитательница Галина Васильевна Шнайдер. — Уж отвечать, так всем виновным или никому. Ведь если бы не она, так и осталось бы все по-прежнему...

Это был единственный, пусть запоздалый, голос за Распопову...

Итак, правда, за которую боролась Валентина Павловна Распопова, восторжествовала. Пусть не сразу, а после некоторой волокиты, но на детский сад № 79 обратил внимание горком партии, в настоящее время — будем надеяться, стабильно — установилась рабочая атмосфера. И все-таки когда взвесишь все «за» и «против» — затянувшуюся неблагоприятную борьбу, недоброе отношение окружающих (от партийного и хозяйственного руководства до сослуживцев, «не скрывающих своего презрения»), — становится в некоторой степени понятным состояние Валентины Павловны, написавшей в редакцию после возбуждения уголовного дела: «Нет у нас в прекрасном мире правды...»

Мне повезло: Валентину Павловну я с первого раза застала дома. Передо мной невысокая женщина с болезненным, усталым лицом. О том, что у Валентины Павловны врожденный порок сердца, я знала и раньше — из переписки, а вот что у старшего сына — двенадцатилетнего Сережи — туберкулез, было для меня новостью.

— Беда не приходит одна, — горько усмехнулась хозяйка. — Только началось следствие — выяснилось, что Сережке придется делать операцию: упал где-то во дворе, получил травму... Спасибо еще, с младшей, Любой, все в порядке...

Потом она много, возбужденно рассказывала о семье, о муже, о свекрови, которую попросила приехать вести хозяйство — «боялась, что дадут срок». Конечно, постепенно разговор переходит на только что завершившийся суд.

— Валентина Павловна, а все-таки почему действительно вы сразу обратились в ОБХСС, а не пробовали обсудить ситуацию в детском саду или в хозцехе?

Она ответила, почти не задумываясь:

— Я им не верила.

Приходится признать, что основания для неверия были. Для примера расскажу об одном эпизоде из жизни Валентины Павловны. Как мы уже знаем, «коллектив пошел ей в свое время навстречу: дал возможность закончить педагогический класс». Откуда такая формулировка — «пошел навстречу», — непонятно. Ведь, казалось бы, прежде всего коллектив заинтересован в повышении квалификации сотрудников, на что направляет и кадровая политика партии.

Итак, работая на полставки, вечерами Валентина Павловна училась. Когда через год учеба закончилась и В. П. Распопова вернулась к полному рабочему дню, ей временно дали другую группу — не ту, что она любовно вела с

НЕТ У НАС В ПРЕКРАСНОМ МИРЕ ПРАВДЫ ?

ли в п/о «Уралкалий» для принятия мер общественного воздействия.

«Теперь отношение ко мне в коллективе такое, — писала в заключение В. П. Распопова, — как будто я единственная виновата во всем. Сослуживцы не скрывают своего презрения, называют доносчицей, кляузницей, недостойной звания воспитателя, и на общем собрании предложили уволиться без отработки...»

«Огонек» направил это письмо в Березниковский горком партии. В ответе секретаря горкома Э. П. Горожаниновой сообщалось, что факты, приведенные в письме, подтвердились. Кроме того, проверка показала, что воспитательная работа в коллективе находилась на низком уровне, методическая помощь воспитателям практически не оказывалась, контроль со стороны администрации за их работой был ослаблен. Заведующая садом освобождена от занимаемой должности, методист уволена. По факту приписок возбуждено уголовное дело. В настоящее время обстановка в коллективе изменилась к лучшему.

Казалось бы, на этом можно поставить точку — справедливость восторжествовала, виновные наказаны. Но тут пришло еще одно

письмо со своими обязанностями воспитателя. И вообще нормальная ли?..

А что скажут руководители хозяйственного цеха, в чьем подчинении находится детский сад № 79?

Начальник хозяйственного цеха п/о «Уралкалий» А. Л. Липатникова, инспектор дошкольных учреждений Г. М. Денисова и председатель профкома хозяйственного цеха Л. Г. Мухатаева почти хором повторяют то же: кляузница, почему-то обиженная на всех и вся.

— А какая группа у нее слабая! Самая неудачная во всем саду!

— Все-таки вы прежде всего выясните, что ее толкнуло на разоблачение: действительно ли она болела за правду, или были какие-то личные мотивы — неприязнь к заведующей, например...

— И вот еще что непонятно: почему нужно было сразу жаловаться в ОБХСС? Ведь коллектив пошел ей в свое время навстречу: дал возможность закончить педагогический класс... В конце концов можно было с нами посоветоваться.

— Нет, если бы Распопова не пожаловалась, нарушение закона все равно бы вскрылось. При первой же проверке.

Когда речь заходит о Л. И. Шарцевой и Н. П. Сычковой, голоса моих собеседников теплеют.

— Понимаете, что их смутило? Один процент, — объясняет Л. Г. Мухатаева. — Всего какой-то один процент недотянули! То есть все работали на полную силу, и вдруг оказалось,

ясельного возраста, а самую «трудную» в детском саду.

В «трудной» группе Валентина Павловна, как известно, работает по сей день, причем целый год у нее не было положенной напарницы. Сожаление о прежних ребятах (ради них ведь и учиться пошла!), слезы никого не интересовали. Но и верить после такого случая администрации стало трудно.

Пройдет время — и Валентину Павловну на всех уровнях начнут обвинять в профнепригодности, при этом признавая, что «методическая помощь воспитателям практически не оказывалась». Но, простите, почему профнепригодный воспитатель почти два года ведет самую «трудную» группу детского сада? И почему, если это так, сложившаяся ситуация никого не заботит? Или, может быть, все-таки здесь есть маленькая ложь — мол, Распопова сама никуда не годится, «а еще за какую-то правду борется»?

Сразу возникает и другой вопрос: а как обстоит дело с профессиональной пригодностью других сотрудников детского сада-яслей № 79, фигурирующих в этой истории? Не придется ли нам потом всем вместе лить слезы над результатами их воспитательной работы? Возьмет смывленный малыш да и усвоит, что коллектив — это общность таких людей, которые сор из избы не выносят (помните слова Н. П. Сычковой: «Разве в настоящем коллективе такое вышло бы наружу!»). А ведь под таким соусом можно оправдать любое беззаконие. Приписки? Зато галочка — выполнение плана. А выполнение выгодно всем: и рядовым сотрудникам детского сада, поскольку будет премия, и администрации, поскольку подчиненное ей учреждение в глазах вышестоящей организации приобретает добрую репутацию, и самой вышестоящей организации — хозяину объединения «Уралкалий», — чьи общие показатели тоже не испорчены, и т. д., и т. п.

Разоблачающие проверки? Пожалуй, можно их не бояться. Ведь, судя по словам той же Н. П. Сычковой, не в этом детском саду «придумали приписки делать», однако о других разбирательствах по аналогичным поводам что-то не слышно...

Детскому саду-яслям № 79 просто «не повезло» больше, чем, видимо, остальным: В. П. Распопова обратилась в ОБХСС, подвела весь «коллектив». Интересно было наблюдать, как действующие лица нашей истории, страдающие тем же «коллективизмом», не могли понять причины «правдоискательства» В. П. Распоповой. Ну, еще если бы она что-то «имела против» кого-нибудь из зачинщиков правонарушений — тогда ладно. Но просто так разоблачать нарушение закона, да еще с риском для себя...

И началась борьба против В. П. Распоповой.

А какую позицию занял в этой «борьбе» горком партии, призванный июньским Пленумом ЦК КПСС устанавливать атмосферу «нетерпимости к недостаткам, застою в делах, к парадности и пустословию», «охранять честь партии, а не честь мундира»? К сожалению, он как раз и не проявил этой нетерпимости. Не нашлось у партийных работников даже доброго слова в адрес человека, по сути, взявшего на себя часть их невыполненных обязанностей — разоблачение и осуждение действий, идущих вразрез с интересами государства.

Валентина Павловна Распопова собирается опротестовывать решение суда, чем вызывает всеобщее недовольство. То есть, вероятно, нашу историю нельзя считать законченной. Но пока...

— Знаете, чему я научилась за последнее время? — сказала мне на прощание Валентина Павловна. — Теперь, если рядом со мной даже убивать будут, не подойду, «не замечу»...

Нелегко больше года находиться в своего рода моральной осаде — среди людей, не желающих или не решающихся поднять свой голос за справедливость, правду. И все-таки при всей своей психологической объяснимости эти слова вызывают протест. Путь правдоискателя труден, это уже прописная истина. И, безусловно, особенно сложны завершающие шаги, когда цель в основном достигнута. У Валентины Павловны хватило решимости остаться работать в своем детском саду — пожелав ей успеха и добрых отношений с новой администрацией. И хочется верить, что отчаяние, прозвучавшее в ее словах, не задержится в душе. Слишком честный В. П. Распопова человек, чтобы с таким настроением приходить к делам.

КАДЕЙДОСКОП

Меньше не бывает

Крошечная изящная книжечка в белоснежной шелковистой бумаге имеет всего три сантиметра в высоту и два сантиметра в ширину.

Это самая маленькая книжка, изданная в СССР. А изготовили ее мастера эстонской полиграфии. В ней опубликован текст Гимна Советского Союза.

Эти и другие миниатюрные издания, а также редчайшие книги можно было увидеть на выставке общества книголюбов, развернутой в залах библиотеки Академии наук Эстонии в Таллине. Как сообщают экспонаты, история мини-книги начинается в нашей стране с 1855 года, когда специально изготовленным для этого издания шрифтом из серебра были напечатаны «Басни» Ивана Андреевича Крылова. Размер книги составлял 22×29 миллиметров.

Колодец Петра Первого

Существует легенда. Накануне знаменитого боя со шведами под Полтавой стояла невыносимая жара. Тогда царь Петр распорядился рыть колодцы. Один из них он выкопал собственноручно в селе Яковцы, где располагался его штаб. Вода в этом колодце была особенная. Солдаты верили, что, если испить воды из «царского» источника, и пуля будет не страшна, и смерть минует...

Петровский колодец в старинном селе Яковцы сохранился до наших дней. Вода здесь действительно необыкновенная. Как установили специалисты-курортологи, она насыщена минеральными солями и по типу относится к нарзанным водам. Кроме того, выяснилось, что запасы воды в этом колодце поистине неисчерпаемы, так как под ним находится огромное подземное озеро...

Местные жители уделяют большое внимание этому колодцу. За 270 лет его существования здесь неоднократно заменялся сруб. Сначала он был сплетен из лозы, потом его заменили осиновым, а несколько лет назад — дубовым.

В непосредственной близости от петровского колодца запрещено поить скот. Не разрешается подъезжать к нему и на легковых машинах. С гордостью показывают этот памятник старины местные жители. А туристов, посещающих «царский источник», с годами становится все больше и больше...

«Барометры» на... елке

Интересными наблюдениями поделился с читателями «Новгородской правды» кандидат сельскохозяйственных наук Н. Семчук. Оказывается, хвойные растения обладают исключительной способностью предсказывать погоду. Наиболее сильно это свойство проявляется у ели.

Способность реагировать на изменение погоды сохраняется и у сухих еловых ветвей. Если вырезать небольшой участок ствола ели с веткой, прикрепить его к какой-нибудь планке или дощечке так, чтобы конец ветки мог свободно перемещаться, то получится достаточно чувствительный прибор, который может предсказывать погоду. При длине ветки в 30 см амплитуда качания ее кончика превышает 10 см, что позволяет определить возможность изменения погоды на несколько дней вперед. Если конец ветки примерно за сутки опустится на 1—2 сантиметра, значит, можно ожидать небольшие осадки. «Падение» за то же время еще на 2—3 сантиметра означает, что надо готовиться к продолжительному дождю или снегу. Ну, а в том случае, когда из положения «переменно» конец ветки приподнимется на 5—6 сантиметров, значит, будет ясная погода...

«Двойное» яйцо

Такое поистине бывает один раз в сто лет. А может, и того реже. Во всяком случае, сортировщики яицесклада Моревской птицефабрики, что в Крыму, ничего подобного никогда не видели.

Куриные яйца бывают, как известно, разные. Бывают крупные, с кулак. Бывают мелкие, «ростом» с трехкопеечную монету. Совсем редко встречаются яйца с двумя желтками. Но все же встречаются. А тут...

Главный зоотехник фабрики Анатолий Евгеньевич Никишин держал в своих руках увесистое яйцо, поразившее всех своей величиной. Кто-то из сортировщиков осторожно высказал «гипотезу» — уж не трех ли желтковое оно? Яйцо решили осторожно разбить. И что же? На блюде вместе с желтком неожиданно выкатилось... еще одно яйцо в твердой скорлупе.

Оказывается, бывает в природе и такое. Объяснить этот феномен могут, наверное, только ученые. И все же одно довольно убедительное предположение родилось сразу же. Как известно, яичник курицы похож на гроздь винограда. С нее в воронку яйцевода время от времени опускаются созревшие «градинки». Здесь происходит обволакивание желтка скорлупой. Очевидно, на этот раз из-за задержки первого желтка очередной приблизился к нему вплотную и произошло их совместное вторичное развитие. Как говорят специалисты — редчайшее в природе...

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька»

Рисует Виталий ПЕСКОВ

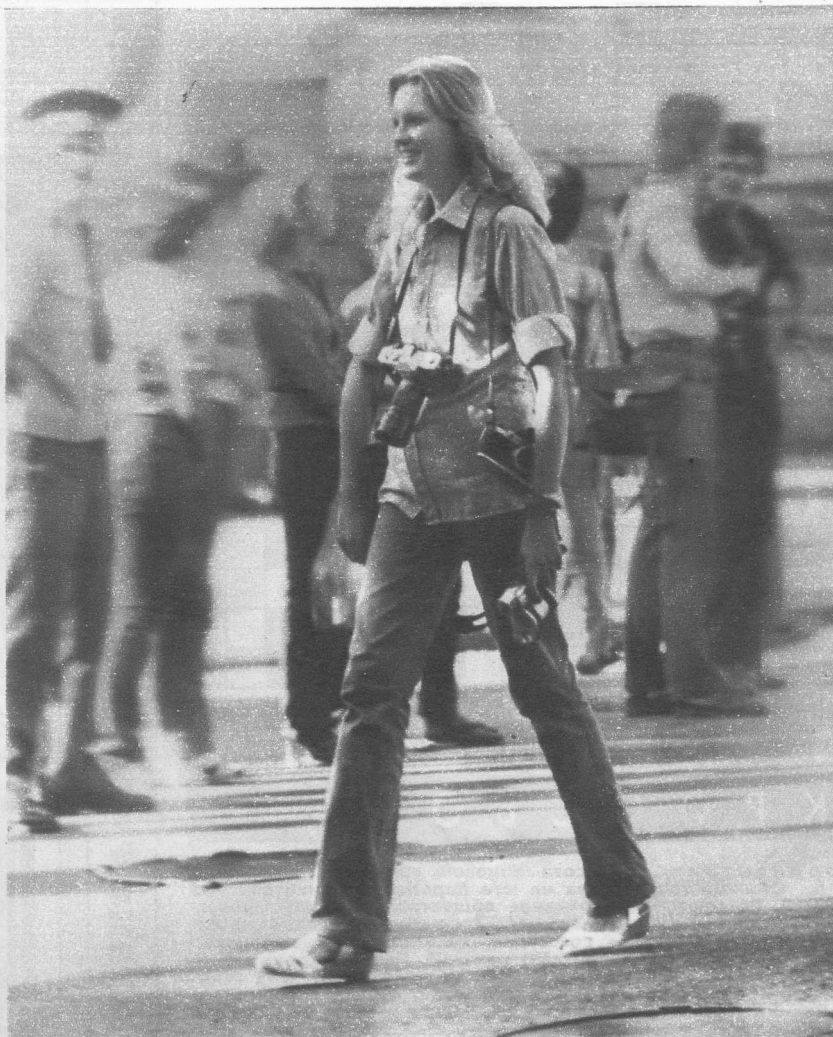

Два яка.

Фото Г. Ратушенко

Фото Б. Шлакова, г. Краснодар

Во всеоружии...

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ МЕСТАМ

Анатолий РАС

Итак, товарищи, еще раз здравствуйте! Сейчас мы с вами совершим автобусную экскурсию по историческим местам нашего древнего, молодого города. Поехали...

Посмотрите, пожалуйста, направо. Вы видите небольшую возвышенность. Именно на ней находился в свое время замечательный памятник архитектуры 12-го века — сторожевая башня. Сейчас здесь воздвигнут жилой дом-башня, двенадцати-этажный...

Смотрим налево. Здесь в свое время был старинный парк классического стиля. Видите, сколько разбитых скульптур и покореженных деревьев? Они пострадали в результате столкновения общественности города со строителями. Общественность в конце концов победила, строители с территории парка ушли, но котлован для овощехранилища все-таки вырыли.

Сейчас здесь расположился автопарк № 3. Так что котлован используется как

смотровая яма. Автопарк взят под охрану, но случаи разведения автомашин еще имеются.

Сейчас мы подъезжаем к центральной площади нашего города. Видите, какой правильной она формы, как много здесь воздуха, света... Что? Вы видите какой-то покосившийся дом? Его видеть необязательно. Этот дом не представляет никакой исторической ценности. Его не сносят только потому, что в нем живут несносные люди. Пока, говорят, нас благоустроенными квартирами не обеспечите, никуда отсюда не поедет.

Так что в плане следующего года уже решено этот дом оставить без внимания. Но когда он будет, рано или поздно, снесен, то на его месте предполагается воздвигнуть монумент, посвященный историческим памятникам. Вот такая история. На этом наша экскурсия по историческим местам нашего города окончена. Спасибо за внимание. Приехали... Дальше ехать некуда...

бывает и такое?

«Коктейль».

Фото В. Леонтьевой, г. Тюмень

ЗАБАВНЫЕ ВЫВЕСКИ В СТАРОМ ПЕТЕРБУРГЕ

«Фершельное заведение. У пяти углов»
(надпись над парикмахерской).

«Домашнее табачное заведение отставного
унтер-офицера Куропатко».

«Здесь бреют и крошь атворяют».

«Фортепянист и роялист».

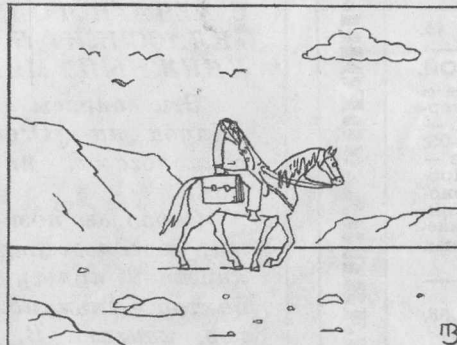
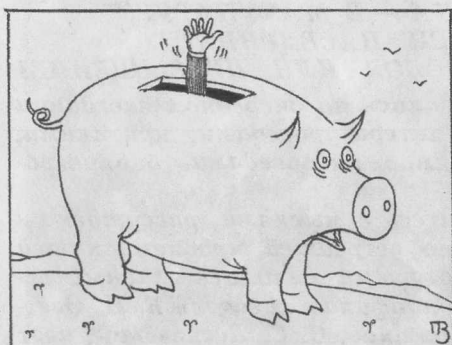
«Продажа разных мук».

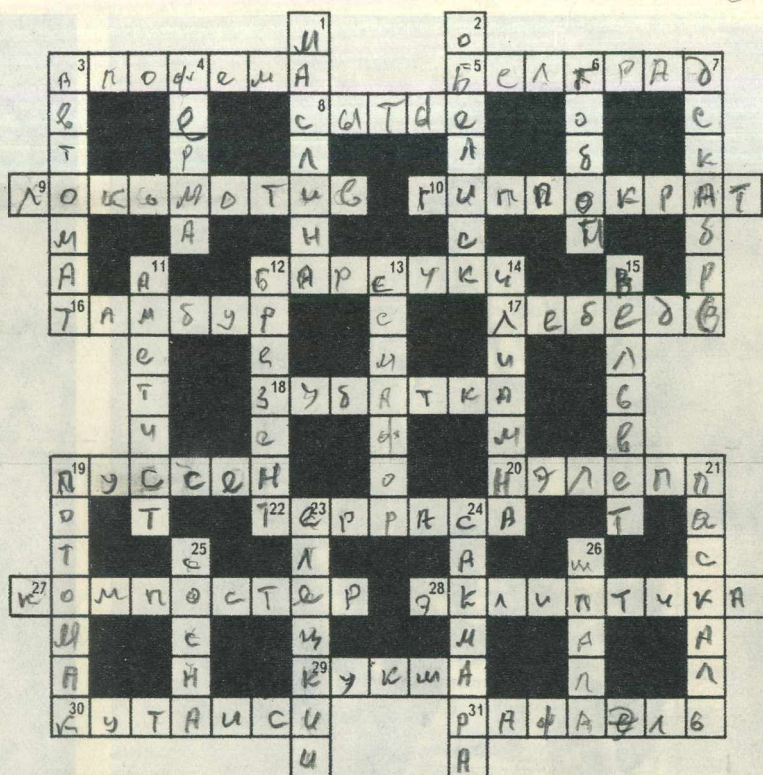
У одного портного вывеска «Военный Прохоров», а у другого, в доме напротив — «Партикулярный Трофим».

«Живописец вывесок, одобренный начальством и экземенованный и производит всякое художество».

«Трактир для приезжих и приходящих с обеденным и ужином расположением».

Собрал В. ДАЛЬСКИЙ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 5. Столица государства на юге Европы. 8. Стихотворение А. А. Блока. 9. Всесоюзное спортивное общество. 10. Древнегреческий врач. 12. Роман Л. М. Леонова. 16. Закрытая площадка пассажирского вагона. 17. Северное созвездие. 18. Промысловая морская рыба. 19. Французский живописец XVII века. 20. Певец, народный артист СССР. 22. Летняя пристройка к жилому зданию. 27. Вид щипцов для отметки на железнодорожных билетах. 28. Круг годичного движения Солнца по небесной сфере. 29. Лесная птица. 30. Город в Грузии. 31. Опера А. С. Арениского.

По вертикали: 1. Оливковое дерево. 2. Мемориальное сооружение, памятник. 3. Скорострельное оружие. 4. Конструкция здания, моста. 6. Духовой музыкальный инструмент. 7. Месяц календарного года. 11. Минерал, драгоценный камень. 12. Плотная водозащитная ткань. 13. Сигнальное устройство на железнодорожных путях. 14. Озеро на юге Аляски. 15. Хлопчатобумажная ткань с продольными рубчиками. 19. Рена в США. 21. Единица давления и механического напряжения. 23. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». 24. Приток Урала. 25. Хвойное вечнозеленое дерево. 26. Опора для рельсов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 1. Универсам. 5. Шабалин. 7. Диалект. 9. Круг. 12. Трап. 14. Никарагуа. 16. Мотель. 17. Дракон. 18. Вилейна. 19. Тетива. 21. Мрамор. 23. Регламент. 26. Арпа. 27. Лифт. 30. Пелюшка. 31. Бакалея. 32. Семантика.

По вертикали: 1. Урал. 2. Венера. 3. «Родина». 4. Миля. 6. Азурит. 8. Кортик. 9. Косметика. 10. Кильватер. 11. Фундамент. 13. Планерист. 15. Ряженка. 20. Туапсе. 22. Мериме. 24. Любаша. 25. «Макбет». 28. Гюйс. 29. Фаза.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Двенадцатилетний Сережа Гришин на вступительном экзамене в МГУ. (См. в номере материал «Как быть с Сережей?»)

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рисунки Федерино Гарсиа Лорки. (См. в номере материал «Земля наша — чудо».)

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономика быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

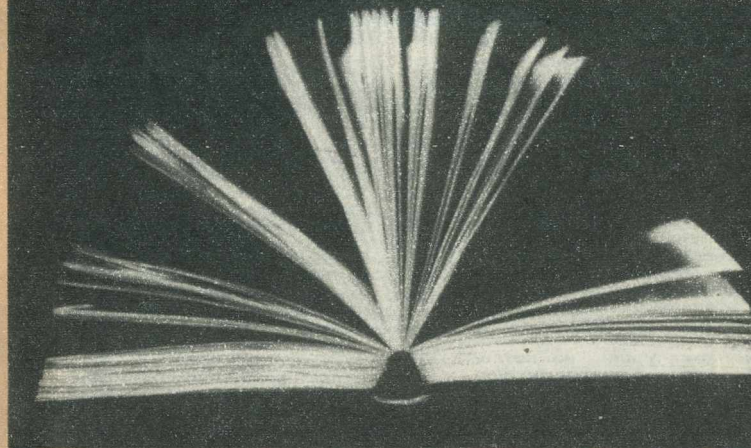
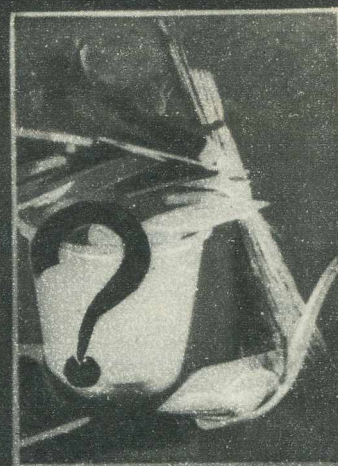
Сдано в набор 14.07.86. Подписано к печати 29.07.86. А 00704. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 525 000 экз. Изд. № 2104. Заказ № 3119.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПОДПИСКА НАЧАЛАСЬ

Главное управление по распространению печати «Союзпечать» Министерства связи СССР сообщает, что подписка на газеты и журналы на 1987 год открыта с 1 августа 1986 года.

Напоминаем читателям «Огонька», что подписка на журнал принимается предприятиями «Союзпечати», отделениями связи и общественными распространителями печати. Подписаться на «Огонек» можно на любой срок. Стоимость подписки на 1 месяц — 1 рубль 73 копейки, на 3 месяца — 5 рублей 19 копеек, на полгода — 10 рублей 38 копеек, на год — 20 рублей 76 копеек.

ПРОБЛЕМЫ КНИЖНОГО МИРА

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ?

ЧТО ТАКОЕ СОВРЕМЕННЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР?

С ПЕЧАТНОГО СТАНКА — В МАКУЛАТУРУ?

«КЛАССИКИ» НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ?

КНИЖНЫЙ МИР: ГОЛОД ИЛИ ПРЕСЫЩЕНИЕ?

Эти вопросы обсуждались на очередном заседании «Клуба на «Огонек» литературоведами, критиками, социологами, писателями, книговедами, библиографами.

Скоро вы познакомитесь с мыслями, рассуждениями, предложениями по острой проблеме нашей книжной культуры, которыми делились главный редактор «Альманаха библиофила» писатель Е. И. Осетров, критики В. В. Кожин, С. С. Лесневский, поэт В. Я. Лазарев и многие другие.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР «МИКРОХИРУРГИИ ГЛАЗА»

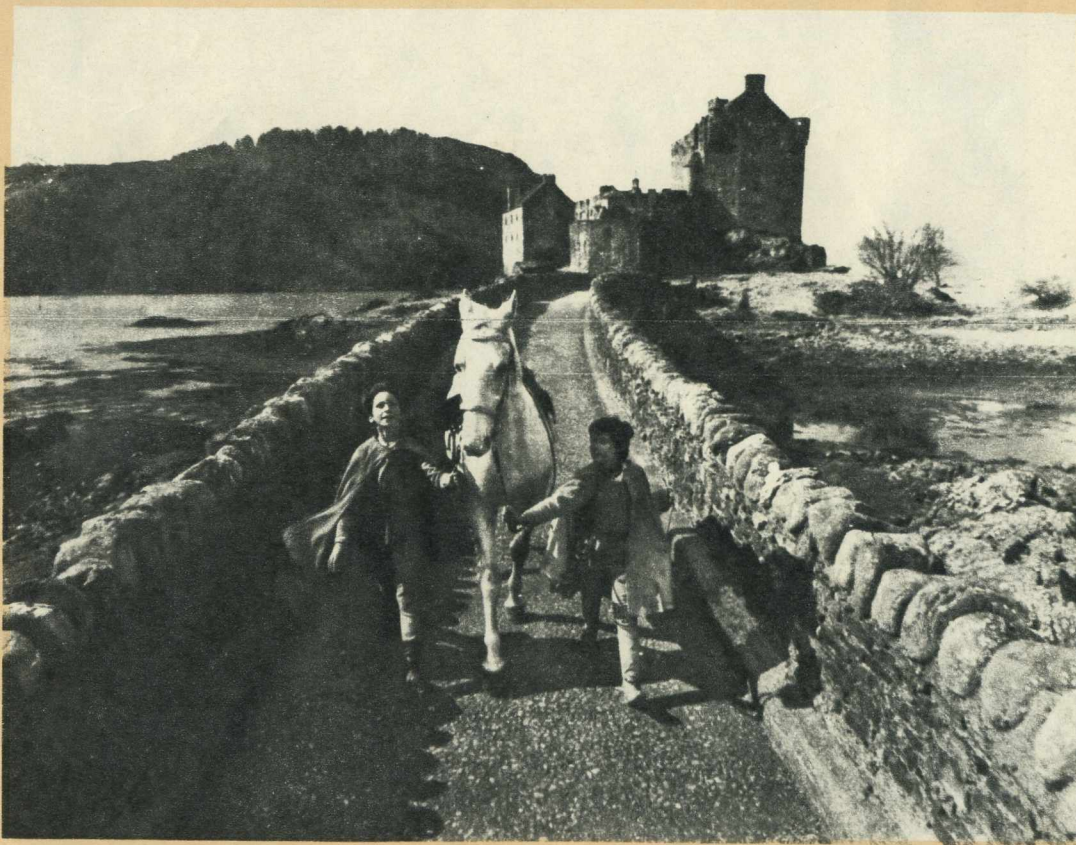
Всего несколько тысяч людей с ослабленным зрением проходили ежегодно через Московский НИИ микрохирургии глаза, которым руководит ученый-новатор Святослав Николаевич Федоров. Запись на годы... Ненормально? Конечно же. Но скоро положение резко улучшится.

Принято решение о создании межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» с двенадцатью филиалами в крупных городах. Ежегодно в них и в самом институте будут делать более двухсот тысяч операций — почти столько, сколько сегодня производят все глазные клиники Российской Федерации. Качество этих операций будет таким же, как в головном институте.

«Огонек» неоднократно рассказывал о деятельности С. Н. Федорова в очерках, репортажах, интервью с ученым. Ныне он назначен генеральным директором создаваемого комплекса «Микрохирургия глаза». Скоро вы снова встретитесь на наших страницах с доктором медицинских наук С. Н. Федоровым.

Сказка Астрид Линдгрен «Мио, мой Мио» на экране

«По условиям договора рабочая версия картины снималась на английском языке, это обусловлено конъюнктурой мирового проката, поэтому нам сразу пришлось столкнуться с довольно сложной проблемой — найти исполнителей главных ролей, мальчиков 8—9 лет, прекрасно говорящих на английском языке...»

Центральная киностудия имени Горького и стокгольмская кинофирма «Нордиск Тонелефильм» завершают работу над художественным фильмом «Мио, мой Мио». В ролях заняты советские, английские, американские и норвежские актеры.

В одном из ближайших номеров «Огонька» режиссер фильма Владимир Грамматиков и автор сценария Уильям Олдридж расскажут о совместной постановке

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663